

к84(2-411.2)

3-80

НАРД ЗОЛОТАРЁВ

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

ОРЁЛ • 2013

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

Драмы

Орёл – 2013

ББК 84(2p) 6

3 – 80

3 – 80 **Золотарёв Л.М.** – Московская Русь. Драмы, мюзиклы. – Орел, издатель Александр Воробьев, 2013. – 252 с.

В книгу «Московская Русь» известного русского писателя Леонарда Михайловича Золотарёва, обладающего разнообразными талантами, вошли драмы и мюзиклы о великих русских творцах, имена которых так или иначе связаны с Москвой, Московской Русью. Это А.С. Пушкин, который родился в Москве. Это Н.В. Гоголь, который закончил жизнь также в Москве. Это С.А. Есенин, судьба которого накрепко связана как с рязанским Подмосковьем, так и с самой Москвой, с ее «тверским околотком».

Книга представляет драматический сплав из стихов, музыки, авторских песен, составляющих, наряду с классикой, либретто к опере, мюзиклы от пушкинских, гоголевских времен до есенинских дней, а также до современности, то есть до XXI века. Сюда входят стихи и авторские песни самого Л.М. Золотарёва. Книга интересна любому читателю, любящему Отечество, эту замечательную триаду: Пушкина, Гоголя, Сергея Есенина.

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте Родину мою!»

© Золотарев Л.М., 2013

© Издатель: Воробьев А.В. 2013

Сергей Есенин

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

«ЗАТО МЫ УВИДЕЛИ ПУШКИНА»

(лирико-историческая драма)

Увы, наш круг час от часу редееет.

Александр Пушкин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А.С.ПУШКИН – русский национальный гений, по дороге в изгнание, на Кавказ.

А.П.ЕРМОЛОВ – опальный генерал в Орле, герой войны 1812 года.

АЛЕКСАНДРА ЧЕРНЫШОВА-МУРАВЬЕВА – жена декабриста, прекрасная тагинянка, кому Пушкин передал свое стихотворение «Во глубине сибирских руд...»

ЯМЩИК, везущий Пушкина по тракту из Москвы через Калугу в Орел.

ПРИЗРАК ДЕНИСА ДАВЫДОВА – поэта-кавалериста, героя 1812 года.

Прохожие, люди того и нашего времени.

Силуэты **ПУШКИНА ГРИГОРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА** – правнука поэта, современных писателей-орловцев, матери Леонарда Золотарева – **МАРИИ ГЕРАСИМОВНЫ** – хозяйки дома, где встречалась с потомком Пушкина эта поэтическая плеяда. А также тени из прошлого – чиновники, купцы, жители уездного городка времен Гоголя, его легендарного «Ревизора».

ГОЛОС АВТОРА. Действие происходит в 1829 году в Серединной Руси, где проезжал великий поэт по ямскому тракту Орел – Тагино – Малоархангельск и далее на Курск, на юг, на Кавказ.

ПРОЛОГ

Орел, Дворянское гнездо. Писатели-современники останавливаются у здания с мемориальной доской.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Смотрите-ка, вижу Пушкина с Ермоловым в Орле, наконец-то, увековечили. (*Читает*). «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев, Орел и сделал таким образом 200 верст лишних, зато увидел Ермолова»

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Доска всего-то - на «новострое», а был ведь целый дом, мемориальный... в два этажа... Помните, мы тогда с вами помещеньице для писательской организации подыскивали?

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. «Потери старого Орла»... Статья такая была в центральной печати... И не одно это здание потеряли, а еще дом, куда к жене своей приезжал Сергей Есенин...

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. В самом деле, пятидесятилетие организации могли бы встречать тут вот, в доме на этом месте. И какая была бы аура, совсем другой колорит.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ (*с гордостью*). У меня есть раритеты – прижизненные издания Пушкина.

ПРОХОЖИЙ (*слыша их, приостанавливается, иронично*). Что это вы тут, у особо охраняемого объекта?

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Да стоим вот, пушкинского духа набираемся, «пока свободой горим, пока сердца для чести живы».

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Встречу воображаем – Пушкина с Ермоловым у нас в Орле. Уж забыто, небось, всеми про это.

ПРОХОЖИЙ (*усмехнувшись*). Камень Ермолову закладывали на площади, так прежний губернатор говорит, мы тут у себя, в третьей литературной столице, памятник ему до небо отгрохали.

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ. Кому? Прототипу? Литературный портрет на пьедестале.

ПРОХОЖИЙ. На коня, сказал, посадим Ермолова!

ОБА ПИСАТЕЛЯ (*рассмеявшись*). В каком веке – в этом или в следующем? На такую высоту вознесем Ермолова, что будет виден отсюда Кавказ. Смотрите, «страшись, Кавказ, сидит Ермолов»... Скорее генерал от инфантерии станет генералом от артиллерии.

ПРОХОЖИЙ (*иронично*). Слава богу, не бедные. У нас тут в Орле есть и маршалы: Каменский и Жуков.

ПИСАТЕЛЬ ПОСТАРШЕ. Да дело разве в названиях площадей только!

ПИСАТЕЛЬ ПОМОЛОЖЕ, *автор драмы, которая пишется*. Но на коне у нас только Пушкин, – поэт! Как приехал сюда с бенцами на тройке, так и укатил далее, по своему назначению.

ЗНАКОМЫЙ ПРОХОЖИЙ. И куда же вы, на свой юбилей?

ОБА ПИСАТЕЛЯ (*усмехнувшись*). А куда и все, на Кавказ.

Сцена первая

XIX-й век. Ямская дорога. Ямщик и кибитка. И Пушкин в кибитке держит путь от Белева по направлению к Орлу, а дальше на юг, на Кавказ, в изгнание; нежелательно для властей пребывание поэта в столицах.

Дорогу перебегает черная кошка.

ПУШКИН (*встревоженно, ямщику*). Что это, милый, за город такой? Собор да все церкви, церкви.

ЯМЩИК. Болхов, батюшка.

ПУШКИН. А-а, Суздаль Орловский (*В сторону*). Чёрная кошка. Не к добру... Повернуть назад, что ли? Как тогда. Уж выехал в Петербург к друзьям на Сенатскую площадь, да чёрная кошка так же вот дорогу перебежала. Страшно сделалось, даже озноб пробрал. Думаю, ай высшей силы вмешались? Ну и повернул назад, не поехал. А не послушал бы себя, оказался бы там, где и все... Ах, Петербург, Петербург! Все мы под Медным Всадником...

Мало поцарствовал, много накуролесил.

Сто в Сибирь сослал, семерых повесил.

ЯМЩИК. Что это вы, батюшка, все шепчете?

ПУШКИН. Спой-ка, братец, народную, ямщицкую, а я послушаю. Как замерзал в степи твой брат ямщик.

ЯМЩИК. Талан мне не даден. Талан – дело редкостное, не каждому Боги дают.

ПУШКИН. В приметы-то веришь?

ЯМЩИК. Верю, батюшка, верю.

ПУШКИН. Видал? Черная кошка дорогу перебежала.

ЯМЩИК. Так я уже пальцы скрестил. Ничего не случится. К Орлу подъедем засветло. Кони добрые, колеса новые.

ПУШКИН (*в сторону, предаваясь мыслям*). Но парадоксы могут быть. А «случай – парадоксов друг...» Поехал-то из Москвы не через Воронеж, а тут вот, через Орел. А чтобы увидеть Ермолова – опального генерала. «Страшись, Кавказ, идет Ермолов!» А теперь там Паскевич, а Ермолов дома тут, не у дел. Интересно встретиться визави, тетатет поэту, отправляемому в изгнание, с опальным военным...

«Овидий был когда-то изгнан из Древнего Рима в северное Причерноморье»...

ЯМЩИК. Шепчете что-то, барин. Овидий – кто он вам, кум?

ПУШКИН. (*В сторону*). Ермолов – мой крестный. Вот с ним сейчас тут и встретимся, поговорим... По душам... Если это получится... Знаем, мы этих генералов, как я, отправляемых в изгнание... Служака Ермолов, характер, говорят, железный... Его сам Арачеев военным министром прочил, да царь чего-то не согласился...

Вот за такие, небось, как эта вот его, Пушкина, эпиграммочка на самого Аракчеева.

«Преданный бес лести»

Всей России притеснитель,

Губернаторов мучитель

И совета он учитель,

А царю он – друг и брат.

Полон злобы, полон мести,

Без ума, без чувств, без чести,

Кто ж он? Преданный без лести

... грошевой солдат.

ПУШКИН (*вслух, ямщику*). А что, братец, генералов ты любишь?

ЯМЩИК (*сходу*). Как любить-то их? Мы генералов не возим. Свои птицы-тройки у генералов. Пролетят, обдадут грязью и – нету.

ПУШКИН (*вслух, своего добиваясь*). А поэтов любите?

ЯМЩИК (*помедлив*). Поэтов-то? Это каких? Наших – какие ямщицкие песни поют?

ПУШКИН. Ну хотя бы и так. Авторы, авторов – любите? Слышь, ветер свистит, а сквозь ветер сюда к нам доносятся чьи-то слова... Из Орла долетают. Как бы из будущего...

Зорюшка ты, зоря незакатная,
Трочка да трочка – обратная!
Эх, как встанет тот ямщик,
Глянет – степь до дому, пусто.
Вспомнит бабу, стопку, щи,
Где – капуста.
Головою как крутнет,
Песню звонку как завьет!
Как достанет тот ямщик
Пряничек печатный.
Вот что значит с мясом щи,
Что – обратный.
Зорюшка ты, зоря незакатная!
Трочка ты, трочка обратная!

ЯМЩИК. Таких авторов у нас любят... любят...

ПУШКИН (*снова в задумчивости, в сторону*). Еще с Аристотеля так: есть поэты от Бога, а есть прагматики, историки. И есть поэты при них, от власти – не Овидии, так.

Цари никогда не любили поэтов,
Поэты всегда не любили царей.

Вот Александр Македонский пошел по Персияде со своими греками, а ему из Греции шлют на подмогу поэтов, артистов тысячу тридцать... Аристотель пишет туда своему ученику Александру Македонскому письма всякие, ободряющие. А тот ему отвечает:

«Учитель! Зачем всем знать то,
Что должны знать только цари?»

ПУШКИН (*вслух*). Да, только Кавказ седой да сам Ермолов и знают то, как покорял генерал вершины кавказские.

ЯМЩИК (*поймав слово «Кавказ»*). Приходят оттуда и сюда к нам в деревню без рук, без ног.

ПУШКИН. В Орле родилась она.

ЯМЩИК. Кто?

ПУШКИН. Анна Керн. «Я помню чудное мгновенье...»

Или вот.

«Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим».

ЯМЩИК (*глядя вдаль*). Знобит что-то барин. Опять замолаживает.

СЛОВА СВЫШЕ. Скорее всего, из будущего. Получается ряд, если судить по первой строке... будет только после меня...

«Я вас любил, меня вы не любили». (Тургенев).

«Любимая! Меня вы не любили». (Сергей Есенин).

ЯМЩИК (*вслух, погоня лошадок*). А что ж, барин, есть у тебя друзья - товарищи? Что они тоже сочиняют?

Пауза. Кони фыркают, кибитка летит навстречу судьбе. Вот и Орел впереди, где-то там и Ермолов.

ПУШКИН (*раздумчиво*). Есть.

ЯМЩИК. И где они?

ПУШКИН (*кратко*). В рудниках, на Кавказе...

... Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил,
Ты усладил изгнанья день печальный...
Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней.
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной.
О Дельвиг мой, твой голос пробудил,
Сердечный жар...
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было...

ПУШКИН (*далее*). Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.
Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье:
Запомните поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я...
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!
И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!

ЯМЩИК (*слезая с облучка*). На, барин, поддержи вожжи! На колесо взгляну. Что-то правое переднее заколотило... Так и есть спица вылетела. Я сейчас – подобью...

Пушкин берет вожжи в руки, пересаживается на облучок.
Москва, Москва!..
Орел, Орел!..
Как много в этих звуках
Для сердца русского слилось!

Сцена вторая

Орел, в доме на бывшей Борисоглебской улице, что на Болысской горе. Генерал в отставке Ермолов Алексей Петрович. Сидит у окна, перебирая бумаги, лицом на север, откуда со стороны Болхова должен приехать Пушкин – поэт из Санкт-Петербурга.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*вслух, сквозь зубы*). Столичная штука! Знаем мы этих поэтов. Наговорят с три короба, когда всё можно вместить в два-три слова. Ах, мечты, мои мечтанья, высоких дней очарованье... А остальное все хоть пропади... Бумагомараки! Возьмут силу такие – они же всю Россию нам просвистят...

ГОЛОС СВЫШЕ. От портупей до портупей
Мы все тупей.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*повернув голову*). Кто это сказал? (*махнув рукой*). А, да так. Никто, в трубе просвистело... Ходят вирши по всей Руси-матушке, только народ смущают. К бунгам,

к Емельяну Пугачеву подталкивают. Интересно, совесть хоть есть у таких вертихвостов? Справедливы ль они, эти поэты? Благо общественное у них на уме, с языка Цицероны слетают, а что с того государству, государю, Руси – матушке, России великой – хоть трава не расти. Правда, есть наподобие и среди нашего брата военных. Помнится, летом 1826 года в русские пределы вторглись персы. Мы нападение отразили. Однако император шлет наместником на Кавказ своего любимца Паскевича Ивана Федоровича вместо меня. Составляя реляцию, я писал царю лично (*читает бумагу*): «В случае нездоровья или другого непредвиденного препятствия, вверить генералу Паскевичу командование корпусом»... И что оставалось мне делать в такой ситуации? – подал прошение об отставке. Однако все же счел за должное открыть глаза императору Николаю: «При теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли...» Что и нашло потом подтверждение...

Ермолов широким, размеренным шагом начинает расшагивать по тесной комнатке. Остонавливается перед горящей лампадой.

В сторону. Слава богу, обращение к императору – не внешний фактор, а внутренний – все иное куда глубже. После известного события на Сенатской площади вот и к нему, командующему Кавказским корпусом, из столицы пришло предписание разобраться в среде офицеров, дабы пресечь известные настроения... Потихонечку, как говорят у нас на Руси, «втихаря», шепнул я писателю и дипломату (в зоне своего влияния) Грибоедову Александру Сергеевичу. И тот, прежде чем явилась «голубые мундиры», кое-что из переписки успел у себя уничтожить...

Донесли все же, дошло до государя, что, вероятнее всего, и послужило истинным мотивом моего увольнения – «по домашним обстоятельствам»...

Да, грибоедовская «Горе от ума» - серьезная вещь. Все «горе» у нас в России, особо при нынешних обстоятельствах, именно «от ума», от иного настроения мыслей и чувств, чем общепринято, предписано, утверждено. Своё иметь, даже тайно, чрезвычайно

опасно... Отчего на Руси это повторяется каждый раз, периодически?..

Давно ли, кажется, в прошлом или в позапрошлом году, в августе, в Орел к нему на Борисоглебскую, на Бодисскую гору, приезжал из своей Давыдовки Денис Давыдов? Ну это совсем другое. Кажется, ведь гусар, герой войны 1812 года. К тому же родственник, да еще сосед по «вотчине» в Лукьянчиково. Генерал в отставке не принимает чиновников, принимает только военных, а Денис – офицер...

ЕРМОЛОВ (*кричит в приоткрытую дверь*). Эй, кто там? Самовар сюда! Человек!

Снова вливается в бумаги, перелистывает листки, кладёт книги перед собой.

Без самовара не могу. Хоть в походах, хоть тут в Орле. Верный мой друг, с моим темпераментом, клокочет, как я. Отклокочет – молчит, таит в себе все. С душицей чай гоняю – с нашей, орловской, духмяной. Бывало, на Кавказ мне туда присылали такой самоварчик, с собой брал даже в горы, отправляясь к чеченцам на военные позиции. Под пулями под картечью приходилось пивать чаек с душицей – наш орловский, духовитый чаёк.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*наливая в кружку кипяточку покруче*). Вот он мне и говорит... кто говорит? Да Денис Давыдов являлся – тоже поэт, но каков? Призрак это сейчас, является передо мной гусар лихой, офицер. Вот призрак мне и говорит: «А давай-ка я спою тебе или стихи прочитаю, про кинжал». – «Стихи, - говорю, - давай, вирши». – Из басен Крылова Ивана Андреевича про коня или про булат. - «Кинжал» Лермонтова. – «А Лермонтов, - говорю, - кто такой?» – Тоже, – говорит, - офицер, после будет такой на Кавказе.

- Ну, давай, - говорю, - сюда офицера.

ГОЛОС СВЫШЕ.

М.Ю.Лермонтов

«Кинжал» (1838)

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.

Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

ЕРМОЛОВ (*реально*). А этот поэт, что сейчас едет сюда, -
Пушкин, он написал что-либо про кинжал?

ГОЛОС СВЫШЕ (*в ответ*).

А.С.Пушкин

«Кинжал» (1821)

Лемносский бог тебя ковал
Для рук бессмертных Немезиды,
Свободный тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...
О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

ЕРМОЛОВ (*реально, пребывая Голос*). А еще кто написал
или кто еще напишет про это?

ГОЛОС СВЫШЕ. Сонет.

И.А.Бунин

Сонет

(1900-1902)

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал стальным клинком сонет
Лишь для того, кто на вершине.

ЕРМОЛОВ. А что? Это мне нравится (*Голосу свыше*). Нет ли еще чего у поэтов?

ГОЛОС СВЫШЕ. Опять же за Пушкиным вслед, тот офицер, что окажется на Кавказе, – М.Ю.Лермонтов. А другой Автор, уже в XXI веке, положит его слова на музыку своей души, так же вот, сидя у самовара. И споёт всем на Фетовском празднике поэзии, идучи к людям, как на картечь.

Поэт (1838)

(М.Ю.Лермонтов)

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*вскакивая и срывая со стены свой кинжал, привезенный с Кавказа, говорит громогласно туда – на Север, оттуда звук долетает к нему обратно сюда*). Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!

Ермолов наливает из самовара кружку свою до краев.

ГОЛОС СВЫШЕ. Послушай, а нет ли у тебя ещё чего-нибудь вроде этого, посвежее слова и с авторской музыкой?

ГОЛОС СВЫШЕ. Из будущего?

Л.М.Золотарев (2 октября 2010 г.)

«Олений рог»

И, выхватив кинжал, трубим в свой жалкий рог,
В остаток мыслей благородных.
Двадцатый век палит в единорог,
Эпоху возвещая сумасбродных.

Гроза народов, личностей могила –
Всех пробудил, чтобы уснуть навек.
Восточный деспот, на коне Атиллы, –
И распят Бог, и стоптан человек.

И что кинжал и все в крови пророки?
Труба трубит, неистовствует рог.
Оленя нет, его сожрал жестокий

Восточный деспот, западный порок.
Зачем трубили в рог мы в час молитвы?
Зачем сражались, гибли, нужны ль битвы?

ЕРМАКОВ (*резко*). И что тогда, не нужны генералы?
ГОЛОС СВЫШЕ. Изредка будем посылать генералов в войска, как в командировку.

ЕРМОЛОВ. А поэты что?

ГОЛОС СВЫШЕ. Доберутся и до поэтов.

ГОЛОС ПУШКИНА (*издалека, подъезжая к Орлу*). Булгаринх наплодят, а то отдадут поэзию, сказал Аристотель, «машине времени».

Сцена третья

Орел. Пушкин и Ермолов в домике на Борисоглебской улице, на Бодисской горе.

ПУШКИН (*выходя из кибитки и играя словами, как мячиками*). Гора и горе, горе и гора...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*улыбаясь, с широко раскинутыми руками*). Милости просим, милостивый государь.

ПУШКИН (*сдержанно, приподнимая цилиндр*). Государь у нас один... в Санкт-Петербурге. Отец наш, мы все его дети.

Через полчаса они уже на Дворянском гнезде, в большом двухэтажном доме, где ныне мемориальная доска, запечатлевшая их тогда во весь рост.

ПРОХОЖИЙ (*в шинели-крылатке, узнавая Пушкина и Ермолова, низко кланяясь им*). Чего это вы, господа, то там, то тут – в разных местах в чрезвычайно короткое время?

ЕРМОЛОВ. Да вот, видишь, кто к нам приехал? Поэт! *В сторону*. Каков орёл! Шинель-крылатку надел. Небось, специально. (*Вслух, Пушкину*). Почётный горожанин, поэт, ещё цитировать? (*В сторону*). Знаем мы вашего брата. Гвоздя в стенку забить не можете, дармоеды.

ПУШКИН (*вслух*). Лермонтов появился, уже пишет стихи, значит, как поэт уже существует. Так он играет и на скрипке, и на фортепьянах, даже скульптуры лепит. Слепил намедни, говорят, Аракчеева или этого, как его... тоже с Кавказа...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Шамиля?

ПУШКИН (*аж подпрыгнув*). Ах да, вспомнил! Тоже героя 1812 года – Багратиона! Вот кого слепил!

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*сдержанно*). Вы, небось, и Раевского знаете?

ПУШКИН. И генерала Раевского, и Дениса Давыдова... Старостиху Василису, Герасима Курина... Бородино, Багратионовы флешы...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Да ты эрудит, Пушкин!

ПУШКИН (*прикладывая к плечам зеленые листья вместо погон*). Мы такие – мы псковские, мы – псковские, мы – такие.

ПУШКИН (*прибодренный Ермоловым, пытливо глядя в глаза генералу*). А то такая легенда про восточного владыку.

ЕРМОЛОВ (*живо*). Что – про самого царя Александра?

ПУШКИН (*скупо*). Про человека... Жил-был такой человек и друг такой был у человека. И звали его Николай. Каждый год отмечал Николай свой день рождения, да еще дважды в году именины – Никола весенний и Никола зимний. И каждый раз приглашал к себе друга. И вот задумался Николай: сколько раз это у него за четыре года получается? Двенадцать. А у друга, рождённого 29 февраля, в високосный год, получается только раз... «Только раз бывает в жизни встреча»...

ЕРМОЛОВ (*насторожась*). Ну-ну, Пушкин, дальше давай.

ПУШКИН. И решил Николай: что бы это придумать для лучшего друга? И придумал. Друг-то его был сочинитель, весьма плодovit. Каждый месяц писал по сочинению. Так вот, то друг ходил к Николаю и носил читать только что сочиненное. А то Николай и говорит, а теперь ты ходи, носи ко мне, как напишешь. Подсчитал – только в одном году получается двенадцать раз, а если в четырёх?... Вот Николай и стал видеть друга временно и насквозь.

ЕРМОЛОВ (*вовсе насторожась*). De mortuis aut bene, aut nihil (лат.), о мертвых – хорошо, или ничего.

ПУШКИН (*рассмеявшись*). Вот какой генерал! Как ствол дерева, под самые небеса. А боится. А я маленький и – не боюсь. Mens sana in corpore sano. В здоровом теле – здоровый дух.

ЕРМОЛОВ. Вам-то маленьким падать низко – земля близко, голову не расшибешь. А нам какво – столбовым, двухметровым? К небу близко. Падать низко – череп напополам, как орех... Вот вы, поэты, чернь от толпы как отличаете?

ПУШКИН. Н-ну, различаем. Я, например, различаю.

ЕРМОЛОВ. А я вот – нет. Нам, столбовым, все равно – что чернь, что толпа... Однако, по-моему, не следует «черню» называть тех, кто не на коне, к земле, стало быть, ближе. И что поэт? Слово – серебро, а молчание – золото?

ПУШКИН (*встыхнув*). А вот что!

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

ЕРМОЛОВ (*энергично*). Н-ну, Пушкин: откуда хоть ветер дует в мозгах у тебя – с Запада или Востока?

ПУШКИН. А откуда солнце является.

«Встает на Западе румяный царь природы,
И удивленные народы
Не знают, им с чего начать:
Ложиться спать или встать?»

ЕРМОЛОВ. Абракадабра какая-то.

ПУШКИН. На первый взгляд – да, а на второй?

ЕРМОЛОВ. Вы, поэты, что ростом маленькие, придерживайтесь Геи – богини земли. А Геркулеса уж оставьте нам, двухметровым.

ПУШКИН (*рассмеявшись, словно шарики в его горле так и покатились*). Вот они, шарики-то! (*щёлкая по кадыку*). Миниажюры земные. А ведь когда-то земля считалась плоской и неподвижной. Пока один поэт не воскликнул:

«А всё-таки она вертится!»

ЕРМОЛОВ. И кто же это, по-вашему?

ПУШКИН. Давно дело было. Может, Диаген Лаэртий – философ, VI век до нашей эры. А может, кто ближе сюда к нам: Гомер со своей «Одиссеей», Лаэрт – отец царя Одиссея. Еще ближе Лаэрт у Шекспира – друг Гамлета... Но для меня лично совсем близко к нам сюда – Байрон.

ЕРМОЛОВ (*резко*). Смутьяны все байронисты! Пушкин, и ты с ними? Ну почитай, почитай старику что-нибудь в этом роде.

ПУШКИН (*зарозовев от комплимента*). А что – может, это? «Анчар»? Нет, пожалуй, офицеры ближе вашей душе, генерал.

ЕРМОЛОВ. Да, ближе. Вызываю дух Дениса Давыдова, только что был тут. Пусть слушает, как Пушкин читает написанное про тебя, Денис.

Певец – гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров.
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С весёлых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, меру перестроя,
Любовь и мирную бутылку.

ЕРМОЛОВ. Хорошо-то как, хорошо! Слушаю с удовольствием. Давай ещё, ещё про Дениса.

ПУШКИН. Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

* * *

Я все люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

ЕРМОЛОВ. Что, брат, может, махнём к Денису Давыдову? В глаза ему почитаешь. Да, был гусар тут у меня. Да, родственник мой, да, сосед мой по поместью, но чиновники орловские так всполошились, я же их не принимаю... Слушай, Пушкин, а почитай-ка, братец, все-таки этого «Анчара» своего... почитай...

ПУШКИН. В своем кругу читаю. При «зеленой лампе».

ЕРМОЛОВ. Не ломайся, как копеечный пряник, почитай.

ПУШКИН. «Анчар»... Ах, нет, вот это «Городок»!

Да в самом, в самом конце.
Ну да, при конце. Из моих ранних.

* * *

... Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел навстречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палахом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать.

ЕРМОЛОВ. Пушкин, ты ублажаешь душу. А ты ублажь мою мысль... Прочитай «Анчар». Прошу, прочитай.

ПУШКИН. Бог любит Троицу. С третьего разу читаю.

Анчар (1828)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чёрный

На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

И тишина. И голос в распахнутую дверь.

ЯМЩИК (*Пушкину*). Стою ведь. Барин, ну что – распрягать?
Или далее едем – на станцию, на постоялый двор?

ПУШКИН (*глядя на генерала Ермолова*). Ну что?

ЕРМОЛОВ (*махнув ямщику рукой*). Езжай. А мы тут с приятелем пешком походим, поговорим.

ПУШКИН (*угрюмо*). Я бы вешал дворян.

ЕРМОЛОВ (*беря его под руку*). Кто это сказал, Пугачев? Так Пугачевых нам не нужно.

ПУШКИН (*Ермолову*). Товарищи мои – Чаадаев, Грибоедов... Возок с гробом Грибоедова я увижу потом – в горах, на пути в Арзерум... «Промчались года заточенья»... Нет, это вот – ода «Вольность».

Молчит закон – народ молчит,
Падёт преступная секира...
Увы! Куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железа,
Законов гибельный позор.
Неволи немощные слезы.

ГОЛОС ИЗ БУДУЩЕГО (*откуда-то тут, через дорогу*).

Властитель дум, безвластья трона.

ПУШКИН (*тряхнув головой*).

«**Андре Шенье**»

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

ЕРМОЛОВ. Ну что, Пушкин, выйдем на воздух? Перейдем
дорогу, окажемся на откосе, тут – на Дворянском гнезде.

Сцена четвёртая

Орел, Дворянское гнездо. Пушкин и Ермолов на крутом берегу Орлика.

ПУШКИН (*вглядываясь в излучину реки*)

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Та катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

ЕРМОЛОВ (*глядя по-иному на Пушкина*). Какое вместилище чувств, сколько мыслей!.. Пушкин! И какой же ты русский! О, что ты чувствуешь тут сейчас у нас в Орле, на Дворянском гнезде?

ПУШКИН (*иронично*).

Примите «Невский альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Великопольского, Хвостова;
Княжевич, дальний ваш родня;
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и крах!
Ах, сердце наше мне дороже...
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*в явном расположении духа*). Не горюй, Пушкин! Я тебя взял бы в разведку...

И ГОЛОС АВТОРА С ОТКОСА (*откуда-то со стороны*).

«**Пушкину**» (первый вариант)

Я молодой, моя душа горит!
Читаю, восхищаюсь, обмираю
От слёз, какие вырезал пиит
В душе моей книжалою где-то с краю.

Я молодой, душа еще жива!
Испив свое, пленяться не устала.
От Пушкина кружится голова,
Пью и хмелею от его фиала.

Я молодой, мы с Пушкиным вдвоём,
Бесстрашны в восхищении своём.
Под бездной неба, как орлы, витаем,

Основы бессловесные шатаем,
В кинжалах слов томительных живём,
Из ничего свободу создавая.

ЕРМОЛОВ. Что, Пушкин, скажешь на это?

ПУШКИН (*темпераментно, в том же тоне*).

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рождение
И первое грозных обвалов движение.

ЕРМОЛОВ. Орел – хорошо; восхищен. Как будто про меня.

ПУШКИН (*усмехнувшись*). Седой орел, геройский генерал.

ЕРМОЛОВ. Знаком с тобой я больше, чем ты думал. Вон твои книги, я пред тобою весь, я, Пушкин! А ты в разбросе времени, имён. Зачем тебе «О, Масон», каков намёк?

ПУШКИН. Ах, это – «Ольга, крестница Киприды»?

ЕРМОЛОВ. Чтоб в будущем, да где-то в Кишиневе связать себя с тем словом?

ПУШКИН. Да так, напишется пустое...

«Здесь, лирой северной пустыню оглашая,
Скитался я...»

ГОЛОС СВЫШЕ. Ни то, ни это. Про орла сказал бы, Пушкин.

ПУШКИН (*прислушиваясь к Голосу свыше*). Что я сказал, что ещё кто-то скажет?

ГОЛОС СВЫШЕ. Из XX-го века. Поэт Николай Гумилев, поэтаесса – Юлия Друнина.

«Орёл»

Орёл летел все выше и вперёд
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полёт,
И лоснились коричневые перья.

Не все ль равно? Играя и маня,
Лазурное скрывалось совершенство.
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

«Орлы»

Два сильные, две хрупкие крыла
И шеи горделивый поворот.
Да здравствует безумие орла,
Бросающегося на самолет.

Он защищал своё гнездо, как мог, -
Смешной бунтарь, пернатый Дон Кихот.
Да здравствует взъерошенный комок,
Бросающийся в лоб на самолёт!

Ах, Дон Кихот и как вы ни смелы,
Геройство ваше – темы для острот.
И все-таки да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолёт!

ЕРМОЛОВ. И все-таки не много ли стихов, поговорим же прозой. Век «золотой» - ты, Пушкин! Тобою начат ряд. И далее, «серебряный» пошел... А Друниной век вовсе никакой. Так я о чем?

ПУШКИН (*в сторону*). Стихом заговорил и генерал? Как никакое время – XX-й век? В железах, грозный. Хафиз расстался с должностью престижной, чтоб стать поэтом, валяться по канavam...

ГОЛОС СВЫШЕ. А Македонский? Тайком и Сталин, Мао... пишут дацзыбао...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Не дай, Господи, и мы окажемся в канаве, Сенаторов, масонов вспоминая...

ГОЛОС СВЫШЕ. Вот доминанта!

ПУШКИН. Ну хватит, хватит! Ну, молодцы, шалунью – рифму вон... Скажите, генерал, вы не припомните из своей жизни случай на эту тему?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Да, Пушкин, про тебя я знаю больше, чем ты думаешь. Вон твои книги у меня, все про тебя твои три «П».

ПУШКИН (*игриво*). Трике, куплеты?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*упорствуя*). Да нет, три «П»: поэт, не праведник, но Просветитель, Пророк. И Пушкин, тоже «П», мой дорогой! Прочти же сам мне свое звёздное – «Поэту».

ГОЛОС СВЫШЕ. Во Франции, - поэт Артур Рембо, великий юноша, напишет, а воскликнет кто-то: «Неправильно, но до чего прекрасно!» Мой генерал, скажите... почему?..

ПУШКИН. «Пьяный корабль» - это же Одиссея самого Рембо, это плавание пылкого мальчика вокруг старушки Европы, провиденье: Европа – общий дом... В три года три этапа, а третий – не одолеют после и за век...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. А мы? А ты? Ты, Пушкин? Твоё «Поэту» - это то, что вряд ли одолеет и далее Рембо, и в веке XXI-м. По Пушкину весь мир – есть общий дом, и это Пушкин! Читай же, я прошу.

ПУШКИН (*в сторону, раскатывая в горле шарики*). Вот как заговорил, мой генерал!.. Масоны, Ольга, площадь у Сената... Уж не было ль чего-нибудь такого по молодости у генерала самого? Допустим, где-нибудь в Париже?.. (*Вслух*). Вы же, Алексей Петрович, герой войны с Наполеоном. Вы были на коне в Париже, ну, конечно...

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ (*не без гордости*). Конечно, был (*уклончиво*). Но не на корабле.

ПУШКИН (*рассмеявшись*). На Буцефале. Как Александр, конечно, Македонский... Ну что-нибудь мистическое было?

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Ну было, было. Но только, чур, об этом никому...

ПУШКИН. Типун вам на язык.

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ. Так что поведать – про гауптвахту в Париже? А может быть, про мистику сказать, мистический круг жизни?

ПУШКИН (*пылко*). То и другое, Алексей Петрович.

ЕРМОЛОВ. Пришли мы вслед Наполеону. Царь Александр и мы, его войска. Вдруг что-то офицеры нашкодили. «На гауптвахту!» - приказ исполнить должен ваш слуга покорный. Но офицеры ж, герои битв, с медалями и ранами на теле. Да еще – русские, да перед всей Европой! Ну как тут быть? Докладываю вверх: мол, англичан нет там, на гауптвахте ... Ну, в общем, мне фортуна изменила...

ПУШКИН (*вспыхнув*). Вы – Патриот! Вы – Русский генерал!.. А что про мистику-то, Алексей Петрович?

ЕРМОЛОВ (*махнув рукой*). Да так, все случаи, пустые совпадения.

ПУШКИН. Известно, случай – парадоксов друг. И что – какие парадоксы?

ЕРМОЛОВ. Военный человек, а говорю как... как...

ПУШКИН (*смеясь*). Как просто человек. Да все мы люди, люди, Алексей Петрович.

ЕРМОЛОВ. Ну, значит, так. Был молодым я, и вот после Дербента я был представлен к ордену святого Владимира и получил чин подполковника, и вдруг я оказался не у дел. Производил служебное расследование в одном из провинциальных городков России. И вот однажды за день утомленный перебирал я записи свои. Заходит человек – простой, какой-то незаметный.

- Алексей Петрович, - сказал он мне.

- Чего тебе?

- Возьми перо, бумагу, - сказал мне твёрдо незнакомец, - и пиши.

И стал мне диктовать: «Подлинная биография. Писал генерал от инфантерии Ермолов»...

- «Какой я генерал?» - хотел сказать я, но онемел язык, как отвалился.

Рука же продолжала водить пером. Так целый лист и исписал. Уснул я прямо за столом. Проснулся утром, прочитал написанное, а там, хотя и кратко, вся моя жизнь на годы...

ПУШКИН (*живо интересуясь*). И как? Совпало хоть что-нибудь или напрасно исписан был тот самый лист?

ЕРМОЛОВ (*вздыхнув*). Вот то-то и оно, что не напрасно.
Всё вижу, как сейчас, что впереди.
Ты едешь, Пушкин, на Кавказ, а там,
От станицы Темрюкской, целых триста верст,
Сопроводять тебя, как генерала,
Будет эскорт от немирных чеченцев...
Казаков шестьдесят и пушка с зажженным фитилем...
Поэт России! Так будет оценен...

Сцена пятая

Ямской тракт на юг от Орла – на Малоархангельск, по которому проезжала императрица Екатерина. Тройка с бубенцами, Пушкин в кибитке, на облучке тот же, знакомый ему ямщик.

ПУШКИН (*ямщику*). Говорил, что обратный ты. Значит, ехать тебе надо назад – на Белев. А куда едешь?

ЯМЩИК (*весело*). Ты, барин, мне приглянулся. Антересно с тобой поговорить. А по правде сказать, дружок меня попросил: съезди, говорит, вместо меня. Нету, мочи говорит, заболел.

Вот и еду. А что с тобой еду, так это случай, как ты, барин, говоришь, совпадения.

ПУШКИН. Ну да, «а случай – парадоксов друг». Спой, ямщик, какую-нибудь ямщицкую... Ах, да, ты не поешь. Талант такой тебе Богом не даден. Придется мне тебя развлекать.

ГОЛОС СВЫШЕ. А я?

ПУШКИН. Кто я?

ГОЛОС СВЫШЕ. Я – Автор. Из будущего.

ПУШКИН (*ямщику*). А ты его слышишь?

ЯМЩИК (*тряхнув вожжами*). Валя-я-а-ай...

ГОЛОС АВТОРА. Мои стихи.

«Тройка»

Сидит лихач и правит тройкой.
Летит по вееру пути
Широкой степью этой бойкой,
Вожжами вверх, а ну, крути!

А ну, а ну! Крути, крути!
Одною – глосса.

А в той – метафора, в другой.
Ямщик несется под пургой,
Везет с «Валдаем» под дугой
Литературного колосса.

Везет в своей худой кибитке.
И взмах руки, и голос прыткий:
- Лети, лети, конь добрый мой!
Неси колосса под пургой!

И то – метафора, то – глосса
Под бубенцами, под дугой,
То по Оке, то вдоль утеса,
То слева – лирик из кибитки,
То справа – критик молодой.

Вожжа к вожже – губа не дура,
А вместе мчит литература
В степи то людной, то глухой, -
Русь – тройка с песней удалой!

ЯМЩИК (*крутнув головой*). Ну дела-а-а! Сыплешь слова,
как семечки.

ПУШКИН (*в сторону*). Вот и Орёл уже позади, там остался Ермолов – генерал опальный, а впереди Овидий – опальный поэт. Три «П» - говорит, а четвертое – Пушкин? А три «С» не хотите ли? Совесть – есть у Алексея Петровича? Есть, конечно. А Справедливость? Еще бы! А в чем же третья «С», в чем? И Совесть есть, и Справедливость, а в отставке, в опале. Так в чем же дело? А в третьем «С», в третьем – в Системе! В Систему не вписывается, хотя и от Бога талант, и уже генерал. А все-таки где-то в сторону и хоть на шаг впереди...

ПУШКИН (*ямщику*). В Систему, голубчик, не впи – сы – ва-емя – я – я! Не в той Системе мы с генералом, в другой.

ЯМЩИК (*взмахнув рукой, звонко*).

Лети, лети, мой добрый конь,
Неси колосса вдаль, в огонь!

ПУШКИН (*в сторону*). Немного вкось слова, зато прямо к Прометею. Ведь это он дал людям Огонь, создал цивилизацию, родил звонкое, многоголосое племя поэтов. Но и ужасное всёот огня, верноподданническое, даже не верится, что это я написал слова – Пушкин.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли
Гордых смирителю.
Всех утешителю
Все ниспошли.

Там – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежною,
Благостью нежною,
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань –
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления –
Вот наша дань.

ПУШКИН (*в сторону*). Что бы на это сказали друзья мои – лицеисты, что? Что бы сказал там, в Орле, за спиной у меня Ермолов – отставной генерал? Что скажешь ты, ямщик?

ПУШКИН (*вслух, напевая, искоса поглядывая на ямщика*).

Боже! Царя храни!

ЯМЩИК (*тоже под нос себе*)

Боже! Царя храни...

ПУШКИН. А говоришь, петь Бог «талана» не дал.

ЯМЩИК (*вздвигнув, перебивая думу*).

Эти слова у меня из сундука,
Изнутри на крышке – портрет:
Государь с наследником.

ПУШКИН (*в сторону*). Опять не в ту Систему попал. А все-таки, все-таки: что бы сказал на это Ермолов? Разброс мыслей, сомнения, страсти? Напишут ли когда-либо после меня вот так, таким образом?

«Поэту» (1830)

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет ненужный шум.
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюнет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

ГОЛОС ЕРМОЛОВА (*Пушкину, издаലെка*). Писал стихи ты для сундука, сомнений, не для похвал?

ГОЛОС СВЫШЕ. Один – в мундире голубом – сказал: все хотят есть, и потому будут писать, что нужно нам.

ПУШКИН. Да, все хотят еды, одежды, крыши, но далеко не каждый об этом пишет. Не каждый способен на высоту самоограниченья, на тяжкий труд, к Богам идти всегда ль готов? Когда он там и слово там, что тут ему земля и люди? Убить хотят, взойдёт к Богам до Прометея, вернётся с факелом сюда. И что тогда им жалко, что ли, и крышу дать, и маслица на хлеб, и в альманах престижный вставить?... Не так ли, Алексей Петрович?..

ВСЛУХ. Ямщик! Вам премии дают?

ЯМЩИК, Что, бабушка? Не знаем такого слова, чего за этим разумеют?

ПУШКИН. Ну, глоссу, глоссу – литературному колоссу.

ЯМЩИК. То дело ваше, наше – править тройкой, не забурить куда-нибудь...

ПУШКИН (*иронично*). Русь-тройку?

ЯМЩИК. Да хоть бы так.

ПУШКИН (*из будущего*).

«Клеветникам России» (1831)

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?

Оставьте: это спор славян между собою,

Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою.

Славянские ль ручьи сольются в русском море?

Оно ль иссякнет? Вот вопрос.

Борьбы отчаянной отвага –

И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,

Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли

Того, над кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили

Мы тяготеющий над царствами кумир

И нашей кровью искупили

Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!

Иль старый богатырь, покойный на постели,

Не в силах завинтить свой измайльский штык?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

ПУШКИН (*громко вслух, обернувшись назад*). Ермолов! Алексей Петрович, ты слышал мой ответ, ты слышишь? Да в ту ль Систему я попал?

Сцена шестая

Село Тагино на юге Орловщины, имение дальних родственников Пушкиных. Тройка с бубенцами подкатывает к крыльцу. Из кибитки выходит Пушкин. Навстречу выбегает Александра – молодая женщина из рода Чернышевых, по мужу Муравьева – декабриста, сосланного в Сибирь.

Александра падает на шею Пушкину, в слезах.

АЛЕКСАНДРА МУРАВЬЕВА-ЧЕРНЫШЕВА. Ой, Александр Сергееч! Александр Сергееч!

ПУШКИН (*глядя ее по плечам*). Прекрасная тагинянка, прекрасная тагинянка.

Замирают оба от переполнения чувствами. Смотрят на зеленый холм, куда, как змея, ускользает дорога, которой увозил ее мужа жандармский возок.

Оба поднимают голову к небу.

ГОЛОС СВЫШЕ. Слово автору.

«Прекрасная тагинянка»

Исток Оки, где берег камышовый.
Седой курган, окутанный в туман.
И тут же Александра Чернышова,
По мужу Муравьева, из дворян.

Возок жандарма. Имя в черном списке,
Увезят мужа в мрачный Петербург.
И кто она отныне, декабристка?
И кто враги, и кто остался друг?

Не жёг мороз сквозь тоненькое платье.
Качало ветром дремлющую ширь.
«Да, решено! Туда за мужем, к братьям!
Из Тагино на каторгу, в Сибирь!»

- Лишитесь вы дворянства, состоянья...
- Да, я готова. – Имени, детей...
- Готова я. – В Сибири – расстоянья.
Там холода, да стоит ли злодей!!

- Он муж мне, мы повенчаны навечно.
И пусть меня отринет высший свет,
Но вот он, путь мой, - скорбный, звездный, Млечный.
И я иду...
А вёл ее поэт.

И пала ниц к цепям, железам этим,
И освятилась вся Россия – Русь.
... Как на неё молились в копиях где-то,
Так я на эту женщину молюсь.

И коль Ока несёт все те же воды,
Сухой камыш все так же шелестит,
В любую ночь за мой глоток свободы
Есть женщина, которая не спит.

На другое утро Пушкин снова садится в кибитку: ехать далеко, по назначению.

Прекрасная тагянчанка провожает поэта, ведя коня под узды. У околицы кибитка останавливается. Пушкин достает из нагрудного кармана листок со стихами, передает Александре.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ. Вот, друзьям моим. «**Послание в Сибирь**», поедешь туда – передашь.

Читает вслух.

* * * (1827)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Пройдут сквозь мрачные затворы,

Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

АЛЕКСАНДРА (*прячет листок поглубже куда, на груди*).
Сберегу. сохраню, передам.

ПУШКИН. В случае чего – на память выучи, устно передашь. Так вернее.

АЛЕКСАНДРА. Выучу, передам.

Пушкин целует её троекратно, по-русски. Кони трогаются: до свиданья! А скорее, прощай, село Тагино – родовое вено Пушкиных, дальних родственников поэта, ведущих род вон откуда, еще от Осляби – славного воина Александра Невского в той, далекой битве со шведами на Неве.

ПУШКИН (*думая об Орле, о Ермолове*). Вот кто знает обо всём, что творилось в России на протяжении многих лет, вот кому «записки» писать. Не бездарен: и мыслит оригинально, и чувствителен к слову. «Мне стыдно было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым», - мной напишется позже. А в 1833 году мною же будет послано ему письмо со словами: «Ваша слава принадлежит России, и вы не вправе её утаивать».

Историки скажут потом, что именно эти строки подвигнут генерала к написанию автобиографических записок.

А мне из Орла передадут, что наша встреча с ним произвела на Алексея Петровича такое сильное впечатление, что, частенько потом вспоминая о встрече, Ермолов воскликнет однажды в каком-то присутственном месте: «Поэт суть гордость нации».

ЯМЩИК (*Пушкин, оглядываясь в глубь кибитки*). Что это вы, батенька мой, все больше помалкиваете? Как от Орла отъехали, редкое слово скажете.

ПУШКИН. Старше стал. Генерал кое-чему научил. Не всякое лыко в строку ставь, иной раз надо и погодить.

ЯМЩИК. А чего годить-то? Гляньте, какая кругом красота -
Серединная Русь.

ПУШКИН (*вздохнув*). Красота! А жить, как природа велит(ь),
так ведь, братец, и не научились. Слушай, ямщик!

Приободрясь.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь;
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдёт;
Что пройдет, то будет мило.

ПУШКИН. *Слушайте, села родные, деревни.*

Приветствую тебя, пустынный уголок!
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся грёз моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

* * *

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!

* * *

ПУШКИН (*по ветру в сторону Орла, вслух*). Ермолову Алек-
сею Петровичу специально, чтобы слышал.

Редееет облаков летучая гряда,
Звезда печальная, вечерняя звезда...
Люблю твой слабый свет в небесной вышине...

«Узник»

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе, орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.

Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

Мы – вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора.
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляет лишь ветер... да я!..

* * *

На волю птичку выпускаю...
Я стал доступен утешению;
За что на бога мне роптать,
Когда б хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ЯМЩИК. И снова замолаживает в бок.

ПУШКИН. Садится солнце, смотрит люто,

Какая редкая минута!

Прощай, свободная стихия!

ЯМЩИК (*оборачиваясь к Пушкину, еле́йным голосом*).

Барин! а, барин! Неподалеку тут речка начинается – Ока, далеко где-то впадает в Волгу. Хочешь покажу? Испить бы, пользительно.

ПУШКИН (*реши́тельно*). Давай!

Здесь русский дух,

Здесь Русью пахнет.

ГОЛОС СВЫШЕ – ГОЛОСОМ АВТОРА, стихов и музыки, ему подпекает ямщик.

Пояс Богородицы

(Песня об Оке)

Начинается с кружки, кончается морем

Среднерусская эта река.

Опоясан Орёл, течёт на просторе

Богородицы пояс – синеокая наша Ока.

Припев. Глазастая, под ивами, берёзками,

В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.

До Волги, ой, сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.

Былинная, таланная, желанная,
Дай хоровод затеем, заведём.
Расстелемся, как скатерть самобранная,
По берегу к Есенину пойдём.

Размахнись, наша песня широкая!
Подмигни, уведи в окоём!
Мы живем тут, моя синеокая
Открывается этим ключом.

Припев. Глазастая, под ивами, берёзками,
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Нижнего сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская
Окою протянулась по Руси.

Начинается с поля, с зернинки на севе,
И на Солнце, на Солнце стремится поток.
Все реки России на Юг и на Север,
И только, и только Ока поперёк.

Богородицы пояс, живая вода,
И по ней города, города.

Сцена седьмая

Орловщина, Малоархангельск, ямской тракт с севера – от Орла, далее на юг – к Курску. На въезде собрались жители уездного городка: чиновники, купцы, мастеровые всяческих заведений и просто всякое двуногое существо, живущее тут, пьющее и едящее.

Молва прокатилась, из Санкт-Петербурга едет к ним сюда важная птица: проверять местную флору и фауну, которых не проверяли тут с основания городка.

И точь в точь, как в «Ревизоре», все уездные канцелярии во главе с градоначальником Жмериным явились сюда, заметим, к городским каменным подвалам на въезде, а не в гостиницу, как это было у Гоголя, встречать хлебом-солью полномочного представителя поднебесного президентства.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*доверительно, своему окружению*). Ямщик, везущий его незнамо откуда, стукнул кому-то там на предградовой станции, а уж оттуда сюда прискакал нарочный: к вам, мол, мчится инкогнито из Санкт-Петербурга. Вроде стишками голову забивает, а сам с генералами накоротке, имеет точное предписание сверять, проверять, выводить всех на чистую воду. Особо таких вот, где засела она - сволочь, коррупция - по пути следования аж до самого Кавказа. А начинать будет с нас...

ОКРУЖЕНИЕ ЖМЕРИНА (*загудев недовольно*). А почему это с нас? С Орла бы и начинал. А то губернатор только и знает, что развешивает свои портреты даже по кунсткамерам, детским библиотекам, а дороги ни к черту, мосты развалились, а крыша на главном соборе покрылась травой.

ЖЕНА ЖМЕРИНА – *из купцов второй гильдии, по прозвищу Баронесса*. Не травой покрылась - береза выросла. А местный поэт из попов...

ГОЛОСОК (*сзади*). Из дьячков.

БАРОНЕССА. Местный поэт из чиновников духовного звания, обогреваемый чиновниками, вешает на берёзе свои «альманахи». Сколько уж тех «альманахов» повесил, а получил от Господа-Бога шиш с маслом, хоть сам и духовного звания. Вот!.. *Показывает на пальцах: два пальца загнуты на одной руке, три – на другой.*

МАСТЕРОВОЙ (*высовываясь из-за стины Баронессы*). А почему берешь сразу не пятерней? Как, например, грабаркой?

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ, ещё классом ниже. Что, господа, недокумекиваете? Потому как если с двух рук – больше вмещается. Две грабарки-то – вдвое больше. Хватай больше – кидай дальше.

БАРОНЕССА. Молчи ты, непросыхаемый!

СЫНОЧЕК НЕПРОСЫХАЕМОГО – *хороший такой, ангелочек, ходит уже в гимназию.* А можно товарища градоначальника Жмерина спросить: как пишется слово «грабарка» - «гро» или «гра»?

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*в сторону, в явном смущении*). Вот не думал-то, как пишется! Да как пишется, так и пишется.

Вслух. Поставим вопрос ребром на очередном совещании.

ДРУГОЙ МАЛЬЧИК. А учительница говорит: слово надо поставить не на совещание, а под ударение. «Граб^{ить}» будет, если под ударением.

СЫНОЧЕК НЕПРОСЫХАЕМОГО. Нет! «Гро-б^{ить}»!

Шум в толпе обывателей. Вот чертенята, да какая вам разница! Что «граб^{ить}», что «гроб^{ить}». Как было у нас в городке сто лет в обед, так и будет. Ибо как есть у нас тут 4300 человек, так и через сто тридцать лет будет столько же нас в городке, как и было.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*подзывает чиновников*). Эй, вы, самоеды! Силовые структуры! Хоть прибрали бы по кабинетам вещдоки - реквизируемые бидоны с самогонкой, самогонные аппараты. («Да прибрали, прибрали уж»). А вы, следователи, концы в воду, а воду - в речку сделали? («Произвели операцию, сделали, сделали»). И прокуратуре говорю от имени и по поручению: ковры посымайте, какие у вас по стенкам висят, взятые в качестве изображений. Да не какие это? Известно какие: что изъяли у жителей в счет оплаты за моральный ущерб и текущее делопроизводство.

Особо воспитательным учреждениям указываю: школьников – на коксагыз, учителей – на охоту в оцепление, а то больно много волкодавов всяких вокруг развелось.

Сельхозпредприятиям особо отмечаю: глядеть в корень – переименовать, запахать, отнять и разделить, но чтоб ни гу-гу... Глядите у меня!.. Едет сюда к нам, «летучий голландец», как нагрянет со своими широкими полномочиями, так небо в клеточку, мало нам всем не покажется. Виршами не отделаешься, сам поэт от имени какого-то Пушкина. Так вот, аплодировать,

не возражать – не воз – рожать, можно и потерпеть, отложить свою графологию...

МАЛЬЧИКИ (*бегут, порхая, как воробьи - денежки из кармана*).

Едет! Едет! С севера, со стороны Санкт-Петербурга, от Глазуновки.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Абракадабра какая-то! Ждут ямщицкую птицу-тройку, про какую песни в народе слагают, а едет натурально возок с каким-то военным в гражданском, с военной так-кой, понимаешь, фамилией Пушкин, и совсем другая картина.

ГОЛОС СВЫШЕ. Из двадцатого века, времен гражданской войны. Едут верхом на конях – в черкесках, с погонями, с газырями, стало быть, белоказаки. Хлеб-солью встречают жители местные, низко кланяются, особо купцы стараются, народо-вольцы. Ну молодцы! Давай жалиться! Пальцем тыкать во врагов своих классовых от Костюрино до Протасово.

А конники возьми и сорви погоны, черкески с плеч, а там вдоль груди буденновские малиновые «разговоры».

Олеко Дундич! Серп и молот! Хватайте, избличайте врагов народа, классового врага!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Абракадабра не исчезает (она всегда как часовой на посту). А страх у чиновников и купцов никуда не девается. «Едет же, едет!» - кричат воробьи. Эко важная птица из Санкт-Петербурга! Пьёте или не пьёте, берёте или не берёте – всё равно метла всех заметет, голыми лытками всех вверх поставят. У нас только телеграфные столбы не пьют, чашки у них вниз горлом, кверху ногами. И дубы не берут, ветки им еще в ту войну с турками поотрубали...

Появляется возок. Не особенно впечатлительный. Но ничего, обыкновенный возок.

МАЛЬЧИШКИ (*отстраненные от кок-сагыза*). Урра! Урра-а!..

А чиновники стоят с хлебом-солью, как вкопанные, на градоначальника косятся, на Жмерина: даст отмашку иль нет?

ЖМЕРИН (*подходя к человеку в цилиндре, только что вылезшему из возка*). Вы, говорят, военный? А в гражданской одежде.

ЧЕЛОВЕК В ЦИЛИНДРЕ. Ну и что?

ЖМЕРИН. Так Пушкин же, Пушкин! Нас на пушку берете, вас на пушку берут, это что значит? Вот что, канальство, заманчиво.

ПУШКИН (*приподняв цилиндр, весело этак мальчишкам*).

Здравствуй, племя младое, незнакомое!

УЧИТЕЛЬ (*пробираясь из толпы, из самой гущи народной*).

Нет, товарищи! Все же надо писать «грабарка» от слова «грабить».

ЧЕЛОВЕК В ЦИЛИНДРЕ. Пушкин я, понимаете? Пушкин.

УЧИТЕЛЬ. Ах, Пушкин? Это вы написали: «Мороз и солнце. День чудесный. Еще ты дремлешь, друг прелестный»?

ПУШКИН (*подхватывая*).

... Пора, красавица, проснись
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись.
И мальчики в толпе, и толпа вся:
Вечор! ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась.
Луна, как бледное пятно,
Как туча мрачная желтела,
И ты печальная сидела,
А нынче погляди в окно.

Великолепными коврами,
Под голубыми небесами,
Блестя на солнце, снег лежит»...

ГРАДОНАЧАЛЬНИК ЖМЕРИН (*облегченно, вздохнув*). Наш человек! Наш человек из Гаваны!

Чиновники зааплодировали, а юные леди – модели из местной гимназии, прошедшие намедни, по конкурсу красоты, - стали вручать хлеб-соль. Пушкин отломил кусочек, а остальное отдал ямщику, чтоб положил в сумку. Мало ли что, в дороге и кнут пригодится.

И повел градоначальник Пушкина не к себе домой знакомить с супругой и дочерью да кормить «лаборданом», а напрямик, рядом тут, в городские подвалы. А там уже бочка наружи под ивой, а вокруг бочки гурьбой маленькие «боченята».

ПУШКИН (*глядя их по головке*). Маленькие, миленькие – бe-сенята...

И ребятишки, самым шустрым образом подбежав к нему, встали к Пушкину под его благословение. И стал Пушкин доставать из кармана штанов листки со стихами и раздавать всем, как интервью.

ГОЛОС АВТОРА. А что? Бесценная вещь! Зря я тогда не родился, сейчас бы имел прижизненное издания самого Пушкина.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А Пушкин сидел на бочке и радовался, что его принимают не за кого-то, а за его самого - Пушкина. Так и сидел бы, может, два-три века, а то, может, и больше. Больно нравилось, как его принимают: все рассказывают, дарят, дети его в щечку целуют, а купцы, кряхтя, только и знают, что новые бочки их подвалов выкатывают. Но тут забусил мелкий дождь, и кино кончилось. Подал ямщик Пушкину кибитку с отремонтированной рессорой.

И Пушкин отправился из городка по своему назначению.

Остановились они уже за чертой. Было видать за невысоким бугром городок, и сказал Пушкин ямщику сокровенное:

– Что-то, братец, не то. Даже в Москве так меня не принимают. Нигде, даже в Орле. Как ты думаешь, почему?

ЯМЩИК (*усмехнувшись*). Да это я им на той станции жукнул: везу мол, кого, знаете? – литературного колосса. С генералами, говорю, встречается запросто... Едет, мол, с самыми широкими полномочиями... что не так – в пух и прах и на бумагу, уже расписал под орех какой-то городок на пути. Перхоть от них так и посыпалась. Перхоть будут теперь всю жизнь... останется в памяти... Это я так ихнему нарочному сказал в Глазуновке...

Пушкин расхохотался, будто шарики в горле раскатились и покатались, покатались далеко-далеко, до самого Кавказа, куда ехал поэт к месту своего назначения. Отхохотался Пушкин, успокоился, да и говорит ямщику:

– Надо Гоголю Николаю Васильевичу рассказать, сюжет такой замечательный. Пусть напишет про этот Малый городок, про чиновников, перо у него хлесткое, так раздраконит, весь мир обхохочется...

Что написано пером, то не вырубишь топором. Даже у меня, брат, не получится про коррупцию так, как у Гоголя.

ЯМЩИК (*весело*). Ну ка, ну-ка, батюшка, а как у вас?

ПУШКИН. Да так как-то. У Гоголя лучше. Посмотришь когда-нибудь в театре. «Всероссийская пьеса».

ЯМЩИК. Мы в киятры не ходим. В церковь ходим, каждое воскресенье.

ПУШКИН. Мужики – богоносики! Церковь – это одно, а театры совсем другое... Ну, ладно. Прочту тебе пару строк – из того, что написано было давно.

«Городок» (1815)

Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я занял светлый дом
С диваном, камельком.
Три комнаты простые,
В них злата, бронзы нет.
И ткани выписные
Не кроют их паркет...
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно,
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный.

ЯМЩИК (*запевает, вырвав коней лихих в поле*).

Ой ты, степь широкая,
Степь раздольная!..

ПУШКИН (*аж привстав, восхищенно*). Есть талант у тебя, человек. Да ещё какой! Ух, Русь-матушка! Велика, необъятна, родная – я – я!..

ГОЛОС СВЫШЕ. Кибитка мчала Пушкина в Курск, чтобы оттуда напрямиком и на Кавказ, к той охранной пушке с зажжён-

ным фитилем, к казачьей полусотне, что ждала поэта там, у станции Темрюкской, по пути на Тамань.

ЭПИЛОГ

Легенды живут куда дольше самих писателей.

И вот тут ставят памятник Пушкину. И на открытие приезжает тоже Пушкин, но Григорий Григорьевич – правнук поэта. И в честь такого события из Орла приезжает плеяда поэтов, да еще собираются местные жители вместе с Автором, который норовит показать свою драму про встречу Ермолова с Пушкиным. Собрались в домике Автора все двенадцать апостолов за раскинувшим крылья дедушкиным столом.

Вот Автор – сын хозяйки, своей матери Марии Герасимовны – поднимается и говорит:

– Не видели мы ни Ермолова, ни того Пушкина, зато видим этого.

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА (*подавая всякую снедь, особо Григорию Григорьевичу, ласково*). Пушки – и – н! Живой! Вылитый, прямо не верится... А что же, вы тоже пишете? Или вот, как он – сын мой, отправляете сразу на Луну?..

ПУШКИН. На шесть поколений ниточки оборвалась, разрядилась энергия. На седьмом колене только и восстановится.

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА. А вы почитайте, почитайте. Люди скажут: сам Пушкин стихи в этом доме читал...

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (*шутя*). У вас тут не городок, а сказка про царя Салтана. Прадеда моего, говорят, приняли за ревизора, а меня принимаете – за поэта.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЛЕЯДА (*за столом, как бы проснувшись*). Почитайте, почитайте, Григорий Григорьевич!.. Товарищ, верь, взойдет она...

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (*в сторону*). Сына никак не женю, – это моя самая большая печаль. Прерывается род – от старшего сына Пушкина, от Александра...

Вслух. На холмах Грузии лежит ночная мгла,

Шумит Арагва предо мною...

АВТОР (*восхищенно*). Смотрите, смотрите! Профиль-то пушкинский, копия! И голос похож... и душа... На писательском съезде в Москве, помню, он стоял у колонны, в Колонном зале, и профиль на белом, и белое в профиль.

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ.

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой одной, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого
Что не любить оно не может!

МАРИЯ ГЕРАСИМОВНА. Какое счастье.

СЫНОК (*обращаясь к Автору*). Ну почитай, почитай Пушкину.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПЛЕЯДА (*дружно, жизнелюбиво*). С тебя начинается Родина, Михалыч! Читай.

АВТОР (*вставая, читает в глаза - всем и каждому, самому Пушкину, сидящему напротив него - Григорию Григорьевичу*). Мои стихи.

«Пушкину» (второй вариант)

Я молодой, моя душа горит!
Читаю, восхищаюсь, умираю
От слов, какие выразил пиит
В душе широкой без конца и краю.

Я молодой, душа еще жива!
Испив свое, пленяться не устала.
От Пушкина кружится голова,
Пью и хмелею от его фиала.

Я молодой, мы с Пушкины вдвоем
То тонем в восхищении своем,
То в синях неба, как орлы, летаем,

Основы бессловесные шатаем,
В плену любви в кругу своем живем,
Из ничего свободу созидая.

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (*вставая*).

Друзья мои, прекрасен ваш союз...

ГОЛОС СВЫШЕ. Кстати, и еще чем знаменательно это число, так это тем, что 19 октября - день жены Автора – Людмилы. «Руслан и Людмила». Божий промысел, парадокс и тут совпадение с Пушкиным. Предлагаю избрать его почётным членом нашего Союза. По чётным! И по нечётным тоже!

Занавес.

19 октября 2010 г.,
г. Орел – г. Малоархангельск

ДОРОГА К ХРАМУ
(На Гоголевском бульваре)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГОГОЛЬ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – великий русский писатель.

Литературные памятники по дороге к Храму (Тверскому, Никитскому, Гоголевскому бульварам) – Пушкин, Есенин, Гоголь, Шолохов.

ГРАФ ФЕДОР ТОЛСТОЙ в Москве, в доме которого у бульвара отходит в мир иной Гоголь.

ЖЕНА РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ ХОМЯКОВА – тайная любовь Гоголя.

БУЛГАРИН – писатель-осведомитель, агент империи.

ГЕРЦЕН – писатель-публицист в виде памятника на Тверском, во дворе Литературного института.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ – писатель-современник Пушкина, Гоголя, составитель Толкового словаря, Председатель Комитета общественного спасения в XIX веке.

ТЕНИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-АРТИСТОВ:

ШУКШИНА ВАСИЛИЯ МАКАРОВИЧА – прозаика,

ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО – поэта, певца.

НАРКОМ ЕЖОВ.

МАЙОР С ЛУБЯНКИ, занимавшийся вопросом перезахоронения Гоголя.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, превращающийся то в Вия, то в Белого демона.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА – таинственная итальянка из Флоренции, являющаяся Гоголю в виде призрака, видения.

ВАЛЬСИНГАМ - Председатель Комитета общественного спасения в XX веке, вместо Владимира Даля.

ХЛЕСТАКОВ, ЧИЧИКОВ, ТАРАС БУЛЬБА И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ, также постоянно являющиеся Гоголю.

ПРОМЕТЕЙ – герой Эсхила, подаривший людям Огонь.

ПЕТР, ОН ЖЕ ПИТЕР, - графский слуга при Гоголе.

БОМЖ – ЮРОДИВЫЙ из толпы.

ФОРЕЙТОР траурного поезда.

МОНАХИ СВЯТО-ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.

ЧИТАТЕЛИ И ПОЧИТАТЕЛИ ТАЛАНТА ГОГОЛЯ, Совет общественного спасения на Гоголевском бульваре, московский свет в верхних покоях графа Федора Толстого, исполнители русских романсов, певцы итальянской оперы, призраки, тени из былого и настоящего, способные возникнуть вдруг в той или иной ситуации, просто русские люди.

Действие происходит не в Санкт-Петербурге (столице империи), а в первопрестольной – в Москве, в основном на Гоголевском бульваре, в 1852 году, когда уходит из жизни Николай Васильевич Гоголь. Согласно «машине времени», характерной для невероятного Гоголя, такой мир свободно перемещается в наши дни.

ПРОЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ (*читая из «Прометей-огненосца»*).

ТАНЦУЮЩАЯ ХАРИТА. Слава тебе, Прометей!

Океаны испей!

Сколько еще подаришь идей

Жалкому миру людей!

ПРОМЕТЕЙ. Холмы холмами, а птица птицей.

(*Кивая на памятник Гоголю во дворе*).

Зевс даст на перст, а заберёт ладонью.

Всегда, когда царей меняют – страшно.

Вдруг да опять на тот. И будет еще хуже.

ГЕФЕСТ. Я дам огонь вам, люди,

Из подземелья.

ХОР ОКЕАНИД. Царя разденет клювом черный ворон.

ГЕФЕСТ. Пляши, пляши, о пламечко живое!

ПРОМЕТЕЙ. Цари никогда не любили поэтов,

Поэты всегда не любили царей.

Акт первый

Под колокольные перезвоны (Кремлёвские куранты, Владимирские куранты, Суздальский звон, Ростовские звоны) звучит ГОЛОС СВЫШЕ.

Отсюда, от площади Пушкина, – от Пушкина к Есенину, Гоголю по Гоголевскому бульвару, – начинается эта Дорога к Храму – к Храму Христа Спасителя всея Руси.

Мелодия из «Аранхуэзского концерта». На её фоне поёт бас типа Бориса Штоколова.

Напомни, Родина, о храме,

Дух сотворяющем живой.

Когда талант уходит в камень,

А камень – в небо головой.

Напомни, родина, о фресках,

Молящих во спасенье лиц,

Когда под купол этот дерзкий
Движенье кисти клонит ниц.

Напомни, Родина, о звуках,
Страстях, стозвонящих в стенах,
Что пели певчие по «крюкам»,
И тайна стынет на устах.

Сумеем ли в нее пробиться,
В ее божественную статью?
А тут хотя бы научиться
Коло-коло-коламмм внимать.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. С Богом в путь!

Вперед, Россия!

Люди медленно сдвигаются с места, запевая – сначала без слов, разноголосица постепенно превращается в хор, звучащий под отдаленные ритмы, колокольные звоны. У Литературного института люди приостанавливаются. Оживая, со статуи к ним сюда сходит Герцен.

МОНАХ В ЧЁРНЫХ ОДЕЖДАХ. По ком звонит твой колокол, русич?

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ (*под колокольцы*). По Москве, по Москве... по Руси, по России...

ГЕРЦЕН С ОГАРЕВЫМ (*выступая вперед под главный удар*). Человек! Он звонит по тебе.

Людская река движется дальше. У памятника Сергею Есенину приостанавливается.

МОНАХ ИЗ ТОЛПЫ (*кланяясь в пояс*). Поэты! Мученики вы, наши святые! Словотворцы, провозвестники! Что скажешь нам, ты хоть, отец Сергей, братьям своим молодым?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*оживая на пьедестале, вытягивая руку по направлению к Гоголевскому бульвару*).

Если скажет рать святая,
Кинь ты Русь, живи в раю,
Я скажу, не надо рая,
Дайте Родину мою!

Сцена вторая

Гоголевский бульвар. Памятник Гоголю. Стоит высоко перед всеми.

ЮРОДИВЫЙ (*из толпы, бухаясь лбом оземь перед пьедесталом*). Подайте Христа ради копеечку! Копеечку Христа ради подайте!.. Опять отняли копеечку...

МОНАХ В ЧЁРНОМ. И откуда ты взялся, бомж, на нашу шею?

ЮРОДИВЫЙ. Рядом тут лежу, греюсь на решетках Российской библиотеки. Прямо пред очами писателя Достоевского.

МОНАХ В ЧЁРНОМ. Ну и у кого же ты просишь, знаешь хоть? Да он же самый бедный, самый нищий из всех русских писателей. А может и во всей мировой литературе. На шинель себе за всю свою жизнь так ведь и не наскреб. Доживает тут, в первопрестольной, взят на доживание сердобольным графом Федором Толстым. Да вот он, двор, где Гоголю будет потом первый памятник... Гоголь – птица...

ГОГОЛЬ (*с высоты своего положения*). На химерах держимся.

ТОЛПА (*в один голос*). На химерах.

МАКСИМ ДОРМИДОНТОВИЧ МИХАЙЛОВ – бас - октава (*не обращая внимания*).

Гоголю Николаю Васильевичу – великому сыну земли Русской – Вечная память!

ТОЛПА – ХОР. Вечная память!

МИХАЙЛОВ. Многая лета!

Многая лета!

Слава, слава! Многая лета!

Впереди, по ходу движение, опять возникают тихие, тихие колокола. Голоса, как встрёпанные грачи на деревьях. Голос Юродивого над ними: а-а-а-а... а-а-а...

ГОЛОС ГОГОЛЯ (*превращенного потом в птицу – памятник во дворе где-то, а пока тут в графских покоях*). И какая же птица долетит до середины Днепра?

ХОР. Какая птица... какая ... какая...

Долетит – не долетит... долетит – не долетит...

ГОГОЛЬ (*гордо со своего возвышения*). Человек!

Люди! Я пришел дать вам Небо.

Сцена третья

Людская река протекает вперед, далее по Гоголевскому бульвару со стихийно возникшей песней под хор, под отдаленные колокольные звоны.

ДОРОГА К ХРАМУ

Московские бульвары – Дорога к Храму,
Дорога к Храму,
К Христу Спасителя ведет.
Тверской, Никитский, Гоголевский прямо
К колоколам, к Спасителю – вперед!
Пушкин, Есенин, Гоголь, Шолохов –
Тут все, на этом пути.
Среди кипения города – молоха
Ищешь себя, можешь найти
Тут, в галерее святых,
Тут – на конечном пути.

ГОЛОС СВЫШЕ. Людская река уходит. Их заменяют люди с Пушкинской площади – современники наши, яви и уже тени, призраки. Вот, как живой, возникает Василий Макарович Шукшин.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Что он сказал? «Я пришел дать вам волну?»

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Он сказал, что он – птица летящая над серединой Днепра. Вот стихи из романа в стихах Л.М. Золотарёва.

«О Пушкин наш! О Пушкинская площадь!
Есенин, Гоголь – русские слова!
Сюда, чтоб заявить о своей мощи
Приходит несогласная Москва!
Судьба России! Кто мы, что мы?»

Дорога к Храму, люди и дома.
Высказывая всем свои тут боли,
Москва гудит, с Россией схожа, что ли?
Москва, Москва! Все гении, все сказки.
Личину сбросьте, лик смените, маски.
Вам говорю, как видите, от всех.
На грани Русь! Не россиянин – русский!
До дна дошел наш русский человек!
Боюсь за Русь, за русский наш язык!
Все Гоголь видит... Вон сидит, поник...

ГОЛОС СВЫШЕ. Перенесемся же туда, в седые были,
Покамест мы отцов не позабыли.

Звучит голос Владимира Высоцкого, Шукшин подпевает.

Что за кони нам попались,
Эх, да привередливые!

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (*характерным для него хрипловатым голосом*).

Я коней напою, напою...

Постою на краю...

ШУКШИН. Перенесемся же, братие, в те времена! Встанем под пушкинские рамена!

Сцена четвертая

Там же, на Гоголевском бульваре. 1852-й год. Тут, в доме мецената Федора Толстого уходит из жизни русский гений. Согласно «машине времени», кучка людей во главе с Шукшиным и Высоцким уходят туда, в эпоху Комитета общественного спасения во главе с Владимиром Далем. Вот они дежурят на бульваре.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. День и ночь стоим. Караулим, ловим каждую весточку. Тут, на бульваре, стоим, дабы графа не беспокоить... Даль выходит и сообщает о состоянии здоровья...

ДРУГИЕ ГОЛОСА. Как с Пушкиным было в Петербурге, на Мойке... Вот так же часами стояли... Жуковский выходил, читал людям записочки... Умиравший Пушкин подарил Далю

один из семи своих перстней – самый любимый, энергетический... зеленый изумруд...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Уже разрядился, стал слабо зеленый.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*возникая из другого времени*). Слабо зеленый – это когда женское, поэтическое начало?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Разрядился на литературе.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Вот стихи нашего современника. Так было? Так, Владимир Иванович? Стихи Золотарёва.

«Перстень»

Ты снял тёмно-зелёный изумруд –
Свой талисман, тебя не сохранивший.
Вот палец Даля. Лик его застывший.
И жить тебе уж несколько минут.

Но вечность пред тобой, твой перстень у Куже
Еще на подвиг кой-кого подвигнет.
Смотрите, как поэт российский гибнет!
Словарь Толковый пишется уже...

Когда нет слов, но чувствую чутьём,
Оно должно быть... бьётся... где-то тут...
Я – к Далю. Есть то слово, живо в нём!
Все это тот зелёный изумруд!

Все это тот магический кристалл,
Который всем нам Пушкин передал.
Кристалл любви, уже светло-зелёный,
Над нашей поэтической короной.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Видите? Тургенев срезал тугую прядь Пушкина и положил себе в медальон.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Тургеневу можно, он хоть и дальний, а родственник.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Ну, я пошел, узнаю, что там.

ГОЛОСА ИЗ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ. Идите, Владимир Иванович. Узнаете – скажете в какую сторону дело движется. Как истомились, устали мы...

ТЕНЬ ШУКШИНА. Всегда у нас так. При жизни ни денег, ни общественного внимания.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Да и после также. О Пушкине Достоевский скажет в 1880 году, когда будут ставить памятник в Москве. Все байронистом считали Пушкина до середины двадцатого века...

ТЕНЬ ШУКШИНА. А Гоголя?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Еще интереснее. Всерьез, наверно, вспомнят в начале двадцать первого века. Когда нанатехнология пойдет, прозрение потребуется, мистические откровения... А ведь Гоголь у истоков...

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Да-да, вот и Даль! Владимир Иванович, вас впустили туда?.. Какова картина? Просто спазмы в горле, рыдать хочется... Стыдно ведь за Россию... Всегда так у нас: то стреляем, то петлю на шею вешаем, калечим душу, нищими в мир иной провожаем...

Как он там, Владимир Иванович?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Одни штиблеты чиненные-перечиненные, рубаха, протертая на локтях, известный каждому сюртук – вот и всё нажитое. В одиночестве жил в Санкт-Петербурге. Вот так вот лежал, вроде постился, на самом деле, кроме сухой корки да в редкую стежку горохового супу, неделями ничего не видел. А ведь гордость нации, писатель земли Русской... И сейчас всё постится, постится... Никому о себе, ни гу-гу.

Спасибо граф Федор Толстой забрал к себе сюда. Тут в лакейской век свой доживает, на глазах гаснет!

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Может, скинемся, а? Средства, может перекинем туда - отсюда, из XX века? До сих пор ведь человек на всю Россию работает.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Почему на всю Россию? На весь мир православный.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Почему на весь мир православный? На все человечество.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*запевая широко*).

И какая же птица,
И какая же птица,
И какая же птица
Долетит до середины Днепра?
Только хочешь открыться,
Только хочешь открыться,
Умирать уже, смотришь, пора.

Мелодия переходит в хор, из разрозненных голосов, сливаясь, рождается грустная, однако, широкая народная песня. К Высоцкому присоединяются Максим Дормидонтович Михайлов, Иван Петров, Борис Штоколов, все басы России.

Всеобщее стояние тут на Гоголевском бульваре, Комитет общественного спасения во главе с Владимиром Далем. На цыпочках все тянутся ввысь, из себя выходят, стараясь донести нам сюда, во двор, из приоткрытой форточки каждое слово.

ГОЛОС СВЫШЕ. Из Л.М. Золотарёва.

Девятая заповедь блаженств

Блаженны те, что, претерпев гоненья
И путь торя, свой беззаветный путь,
Не потеряли радости, горенья,
Кому Любовь ещё вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолеваешь.
Готов страдать, дав жизнь другим в груди.
Так сам себя, свой крест и понимаешь.
За истину встать можешь и иди!

Останься благ в кипящих сонмах зла!
Останься светел во грядущей тьме!
Идешь босым по терниям, кроме,

Кровь по следам твоим ещё тепла.
И подвиг твой – твой дом, который будет,
Признают, наконец-то, люди!

Сцена пятая

Там же, на Гоголевском бульваре, тогда же, в те времена. Все те же, московская интеллигенция, читающая публика, Комитет общественного спасения во главе с Владимиром Ивановичем Далем. Мимо проезжает одна карета, другая, скрываются во дворе графского дома.

ЮРОДИВЫЙ (*бросаясь коням под ноги*). Подайте Христа ради копеечку... Копеечку Христа ради подайте...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Московская знать съезжается к графу Толстому. Собираются в залах, в верхних покоях... Проехала в кибитке своей Хомякова – супруга известного просветителя.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*живо интересуясь*). А что же одна, без никого?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Спросить надо Гоголя, самого Николая Васильевича. Пока он жив...

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Проехали сразу четыре кареты. Видите, бородач в больших золотых очках, в третьей карете – известный московский доктор, светило...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Консилиум собирается. Будут решать, что делать?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (*язвительно*). И кто виноват?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Проклятые русские вопросы! Это по ним звонит колокол?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. К этому Тургенев вряд ли придет из-за границы срезать прядь волос... Дворянством Николай Васильевич маловато интересовался. В основном малороссами да мелким чиновничеством. За черевичками кузнец Вакула в Петербург летал на метле...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*останавливая Высоцкого*). Где столица, туда и все притяжение. Вот Пушкин родился в Москве, а известен стал где – в Петербурге.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Цари никогда не любили поэтов.

Ария Высоцкого
(На слова Л.М. Золотарёва)

Нам повезло: дано Богами слово!
Не в каждого ведь брошен тяжкий камень,
Нам стол достался без углов – дубовый,
Сработанный в трагедиях отцами.

Все делим дым. В дыму от сигарет
Ученостью таких не обморочишь.
Проказа. Ложь, указ, кордебалет!
Невидима слеза. И прочее, и прочее.

И, дух вождей живых живописуя,
Суть истины на боль перенимая,
От печки к печке мы танцуем всуе,
Букварь грызет понятиями стая.

Наш стол сработан без углов, свободно.
Все люди плохи, хороши мы сами.
За пазухой утёс, бульжник, пламя,
По Прометею бьёт набат сегодня!

Сцена шестая

Там же, те же, в то же самое время.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*глядя задумчиво во двор, куда въезжают кареты*). Проехала в кибитке. А вчера она пешком прошла, в вуальке. Но я-то узнал её. Ходит, плывет, как уточка.

ТЕНЬ ШУКШИНА. О ком вы, Владимир Иванович?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да все о ней – о Хомяковой.

ТЕНЬ ШУКШИНА. И что?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да так... Ну я пошел. Мне надо там быть.

ТЕНЬ ШУКШИНА. Из любопытства?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Для истории. А то потом такого наговорят про Гоголя...

ТЕНЬ ШУКШИНА. А вам поверят?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Вам же верят (*показывая на Владимира Высоцкого*). Хотя вы и присвоили себе имена, вовремя перешли на другое. Считаете чужие стихи своими, выдаете чужие арии за свои.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (*смеясь*). Вот чудачки! Да мы же с Василием Макарычем - артисты! Хоть что изобразим. Да и стихи, всегда пожалуйста, - нарисуем! Вот хоть про вас, Владимир Иванович, Казак Луганский. Говорят, со слова «замолаживать», услышанного вами где-то в пути, и начался Толковый словарь.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ (*вздыхнув*). Вот слушаю тебя, а все о Гоголе думаю...

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Судьба. Придвинута вплотную.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. Прочту, что ли, золотарёвский речитатив. Может, когда-нибудь и спою.

«Перед метелью»

(Речитатив Владимира Высоцкого)

Ехал Даль куда-то на Валдай.

Ямщику брехнуть да только дай:

- Барин, милай, экий ты молчун!

Карачай какой-то, карачун!

- Ты бы лучше что-нибудь запел, –

Даль сказал. – Себя знай, свой удел.

- Ишь ты, - оглядел его ямщик. –

Посиди, милоч, поверещи.

- Ты зато у нас говорунок. –

Даль прилег слегка на локоток. -

Тройку, знай, налаживай

Да возгой оглаживай,

Засветло добратья бы, браток.

- Барин, милай, пододень платок, –

Оглядел тот розовый Восток. –

Знай себя, понукивай чуток,

Эко замолаживает вбок. –

И достал «мерзавчик» из кармана.

Даль извлек тетрадный листок.

Отревожась, в роковой степи
Колокольчик бился под дугой.
Что из слова только ни лепи,
Богоносик, ты мой дорогой!

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Ну что, тетка, Владимир Иваныч, похоже? Так было?.. Об чем вы?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Да все о ней – Хомяковой... И о нём, конечно... Прожил человек свой век, так и не познал женщины... счастья любви...

ТЕНЬ ШУКШИНА. А что с итальянкой?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. С какой итальянкой?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Давно обожаю Гоголя, до всего докопался. Как он жил там в Италии: молодым был, да и деньжонки водились...

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Да какие там деньжонки!

ТЕНЬ ШУКШИНА. Как-никак получал стипендию от царя. Тратил всю на себя.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Невидимые миру слезы.

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Хотите мир её изображу?

ТЕНЬ ШУКШИНА. Чей мир – итальянки или Хомяковой?

ТЕНЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. Мне все равно. Лишь бы была способна любить... Ну, скажем, того же Николая Васильевича Гоголя... Вот и мелодия побежала по дорожке... Скачет впереди слов... Про то, как на его месте любил бы я Хомякову...

ГОЛОС СВЫШЕ. Напевая (под нос), постепенно слова превращая в песню.

Итак, **Песня о любви** (в исполнении Владимира Высоцкого).

«Весна. И я люблю тебя»

Все улетучились слова!

Исчезли бедные скрижали!

Кого мы в этом мире обожали,

Кто нас обидел, кто – «команс са ва!»

А тот, кто был со мною рядом

И чья надежда тут, всю жизнь кого любил я.

Люблю тебя, живу с горящим взглядом,
Тебя люблю я, Сигидилья!
Я верю, верю, люблю тебя я!
Не гений, человек! Я стал твоею тенью.
И от любви страдал, и от любви страдал,
Во власти я объятий, потрясений!
И от любви былой, былых сомнений,
Во власти новых грез я,
Новых грез и потрясений!

АКТ ВТОРОЙ

Дом графа Федора Толстого. В верхних, графских покоях, куда съезжается высший свет – элита московского дворянства. То на нижнем этаже, в «лакейской», отведенной Гоголю, куда являются светила, московские доктора.

Сцена первая

Узкая, тесноватая комната, тут отдыхают лакеи, прежде чем бежать наверх, к господам. Гоголь лежит на сбитом из досок топчане, превращенном в постель.

ГОГОЛЬ (*приподняв голову, слабым голосом*). Она прошла наверх, я слышу её шаги на лестнице.

СЛУГА, *приставленный к больному*. Николай Васильевич, вы про кого?

ГОГОЛЬ. Хомякова. Чувствую, это она, она! (Слуге) Как зовут-то тебя, хлопчик?

ГРАФСКИЙ СЛУГА. Питер.

ГОГОЛЬ. Почему Питер? Даже государь – император носил имя Петр.

ГРАФСКИЙ СЛУГА. Такова воля его сиятельства, господина графа Толстого.

ГОГОЛЬ. Я буду звать тебя Петр, согласен?

СЛУГА ПЕТР. Воля ваша, господин великий писатель.

ГОГОЛЬ (*хватая левой рукой пустой воздух перед собой*).
Кхм, кхм.

СЛУГА ПЕТР. Что вы, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Понять хочу: что это такое – великий писатель? С чем хоть это едят?

СЛУГА ПЕТР. Пост предпасхальный ещё не пришёл, а вы, Николай Васильевич, всё поститесь, поститесь. Почти ничего не едите.

ГОГОЛЬ. Всю жизнь так. Боюсь много есть. Сейчас есть еда, а вдруг не станет, что тогда?

СЛУГА ПЕТР. А чего б вы, Николай Васильич, хотели? Из мясного или рыбного? Фрукты, овощи? Я принесу, я мигом, сбегая на кухню... Вы только скажите... Шеф-повар сделает всё для вас...

ГОГОЛЬ (*прислушиваясь к голосу наверху*). Это она всё, она – Языкова.

СЛУГА ПЕТР. Она говорит, любое чудо для вас сотворю. Из французской, китайской, даже этой... персидской кухни.

ГОГОЛЬ (*прислушиваясь*). Стихи читают.. персидские.. из Омара Хайяма... Хомякова...

ГОГОЛЬ (*нараспев*). Слуга Петр. Кто – Языкова или Хомякова?

ГОЛОС из форточки.

Пей с достойным, который
Тебя не глупей
Или пей с луноликой, с любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил,
Пей с умом, пей с разбором,
Умеренно пей.

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы, но слёзы глаза застилают,
Слёзы мне не дадут на другую глядеть.

Когда песню любви
Запоют соловьи,
Выпей сам и подругу свою напой.

Видишь, роза раскрылась в любовном томленьи.

Утоли, о влюбленный, желанья свои.

СЛУГА ПЕТР. Ничего не едите. Все, говорите, поститесь, поститесь. Николай Васильевич... А стихи сами-то пишете?

ГОГОЛЬ. Не достоин. Боги только Пушкина удостоили. Да Мятлева Ивана Петровича. Вот!

Как хороши, как свежи были розы

В моем саду! Как взор прельщали мой!

ГОЛОС из форточки.

Как я молил весенние морозы

Не трогать их холодной рукой!

Как я берег, как я лелеял младость

Моих цветов заветных, дорогих;

Казалось мне, в них расцветала радость,

Казалось мне, любовь дышала в них.

Пауза.

ГОГОЛЬ (*слуге*). Как ты думаешь, она слышит меня?

Сцена вторая

Там же, те же.

СЛУГА ПЕТР. Кто она?

ГОГОЛЬ (*глазами показывая вверх*). Ну она, она... Языкова... Нет Хомякова... Флорентийка, Прекрасная Незнакомка.

ГОЛОС из форточки.

Но в мире мне явилась дева рая,

Прелестная, как ангел красоты.

Венка из роз искала молодая,

И я сорвал заветные цветы...

ГОГОЛЬ

Да где ж она?.. В погосте белый камень...

СЛУГА ПЕТР. Вы бы съели что-нибудь, поддержали бы свой организм. Вот яблоко какое большое, огромное! Какое красивое!

ГОГОЛЬ. Красота мир не спасет. Мир сейчас кажется мне в черно-белом изображении. А когда писал «Вечера на хуторе»

или «Тараса», жизнь казалась цветной. Сейчас мир, кажется желтым, когда я читаю Пушкина или вот такие стихи из будущего.

Читая нараспев. ...

И вспомнил я тебя пред аналоем.
Я звал тебя, но ты не обернулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась...

Пауза.

ГОГОЛЬ (*показывая пальцем вверх на потолок*). Как ты думаешь, она слышит меня?

СЛУГА ПЕТР (*резонно*). Как можно слышать эти стихи, когда они еще не написаны? Их могут слышать только вы – гении.

ГОГОЛЬ (*поднимая палец прямо перед собой*). Господи! Помоги разобраться: зачем я живу? Копчу белый свет с химерами своими, мертвыми душами. Весь истощился на смехе, на горечи смеха, сам не заметил, как перешел с белого цвета на чёрный... *Показывая пальцем вверх*. Опять чужое полезло! Прет из меня это святое искусство!

ГОЛОС в форточку.

Принимая тебя как данность,
Как явление цвета, борьбы,
Никогда я с тобой не расстанусь,
В гениальных моментах судьбы...

СЛУГА ПЕТР. Про кого это вы, Николай Васильич?

ГОГОЛЬ (*словно очнувшись*). Да так... одно и то же... одна и та же приходит ко мне и уходит...

Появляется Владимир Даль.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Знаю – кто, знаю.

ГОГОЛЬ (*не реагируя на его появление*). Что - прядь пришёл срезать с моей головы? Казак Луганский!

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Знаю, кто приходит к тебе, Николай Васильич. Кто является днем и ночью в порывах прозрений.

ГОГОЛЬ (*живо*). И кто же?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. А все та же? Прекрасная Незнакомка – из Флоренции. Все никак не забудешь Италию? Вот как въелась

в тебя эта заграничная поездка, хоть и временная, но проживание в мире живописи и статуи.

ГОГОЛЬ. Скажи, как Толковый Словарь у тебя продвигается? Помогает Пушкин, пушкинский гений?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Разрядился уж, стал светло-зеленый. Тягостно в литературе, перенасыщена.

ГОГОЛЬ. Талант распределяется по поколениям.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*замечая яблоко на столе*). Что ж ты не ешь-то, людей тяготишь.

ГОГОЛЬ (*глаза в сторону*). Да, пощусь все, боюсь - переем.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. У голодной куме одно на уме.

Сцена третья

Верхние покои в доме графа Федора Толстого. Танцевальный зал с хрустальными люстрами, блестящим, натертым дубовым паркетом. Гостей уж немало: сливки московского «куртага». Все крайне встревожены тем, что происходит там, на первом этаже, где угасает Гоголь – гордость наша, великоросская.

Появляется жена Хомякова – русского просветителя.

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*кидаясь к ней*). От него, ну и как?

ЖЕНА ХОМЯКОВА. Да нет, я прямо сюда. Просто сил никаких – смотреть на него... Как на Солнце при закате...

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*щелкая пальцами*). Что бы это для него сделать такое! Может, спеть?.. Вот вы (*Хомяковой*), может, споёте – он услышит. Он же знает ваш голос.

ЖЕНА ХОМЯКОВА. Да он же признает только эту... итальянку свою, из Флоренции... он сама к нему бесконечно является... призраком...

ГОСТИ ИЗ МОСКОВСКОГО БОМОНДА (*жене Хомякова*). Умоляем вас, просим! Может, подействует?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Романс какой-нибудь русский романс. Может, из Пушкина?

ЖЕНА ХОМЯКОВА (*подходя к роялю*). Ну что ж, давайте попробуем.

Анне Петровне Керн.

Поет.

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Все аплодируют. Пауза. Молча смотрят вниз, на паркетный пол, прислушиваются к тому, что должно было бы вроде раздаться оттуда, какой-то сигнал. Но сигнала не поступает. Ни стука, ни голоса.

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Может, того... повторить?
ХОМЯКОВА. Зачем? Может, что-то другое?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Стихи? Давайте вот эти, тютчевские, – мои любимые.

Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой:
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистошимые, неисчислимые, -
Льётся, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Пауза. Все стоят молча, пораженные музыкой слов. Появляется Владимир Даль.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*разводя руками*). Вы что, в такой ситуации?

МОСКОВСКИЙ БОМОНД. Хотели как лучше.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. А получается как всегда.

Сцена четвертая

Там же, те же.

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*Владимиру Далю*). Что – никакой реакции?

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*пожав плечами, обращается к Хомяковой*). Может, эту вот спеть – Толстого Алексея Константиновича?

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Если это поможет... поднимет дух...

ХОМЯКОВА (*запевая*).

Средь шумного бала, случайно,
В тревогах мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,

А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь -
Я вижу печальные очи,
Я слышу весёлую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя - я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Пауза. Хомякова прислушивается к тому, что совершается этажом ниже, в «лакейской».

ХОМЯКОВА. А там тишина. Какая-то стеклянная, оцепенелая. Он не слышит нас! (*Кричит, стонет она в отчаянии*). Он меня не воспринимает!..

ГРАФ ТОЛСТОЙ. Может, послать всё же за итальянской оперой, за флорентийкой, Незнакомкой? Или к цыганам?

КТО-ТО ИЗ СЛУГ. Уж послано, скоро будут-с.

Первыми появляются итальянцы.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА (*вступая в зал, на ломаном русском*). Ну что тут у вас творится? По какому поводу... как это, как это... сыр-бор?

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*хватая её под локоток и провожая к роялю*). Наше дело – платить, ваше дело – исполнять!

ЛАКЕЙ (*угодливо открывая крышку рояля*). Чтобы реки заиграли, зашумели зеленые сады.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА. Видите? Я вся в белом, в белых одеждах. К вам сюда сначала пришла – значит, будем петь белые песни... Да? Неаполитанские песни...

ГРАФ ТОЛСТОЙ (*вяло машет рукой*). Валяй. И как можно громче, чтобы всех потрясло.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА. О моё Солнце! (*Поет, форсируя звук*).

Как ярко светит после бури Солнце!
Лучами алыми мир озаряя.
И к новой жизни сердце пробуждая,
Как ярко светит после бури Солнце!

Я знаю, Солнце ещё светлей,
О дорогой мой, солнышко моё!
О дорогой мой, дорогой!
Солнышко ты, солнышко моё!

Как дивно светит Солнце в час заката!
Лучами алыми мир озаряя,
Привет прощальный шлёт, нас обнимая,
Как дивно светит Солнце в час заката!

Я знаю, Солнце ещё светлей,
О дорогой мой, солнышко моё!
О дорогой мой, дорогой!
Солнышко ты, солнышко моё!

Пауза. Все прислушиваются опять-таки к тому, что вершится там, этажом ниже, где находится Гоголь.

ХОЛМЯКОВА (*в отчаяньи*). Не слышит, не реагирует.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Вовремя нужны почести, сердечное внимание, при жизни, а не когда уже на краю.

Сцена пятая

Там же. Итальянцы уходят, появляются цыгане.

ГРАФ ФЕДОР ТОЛСТОЙ (*подавая гитару*). Маша! Спой наше!

ЦЫГАНКА МАША. «Песню цыганки?». «Пару гнедых»?..
Вот, «Прощай, мой табор».

Поет, перебирая струны.

Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поём.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, мы живём.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

Цыганский табор покидаю.
Довольно мне в разгуле жить!
Что в новой жизни ждёт меня, не знаю,
А в прошлой не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня - совсем уйду от вас...
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

И пауза. Звуки всё ещё держатся, не истаяли в тишине. Всё ещё стеноют на струнах, стелятся по паркету.

ХОМЯКОВА (заламывая руки). Слышите, слышите?
Наконец-то! Он летит на середину Днепра, ко мне сюда... слышу... летит птица – Гоголь оттуда...

На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок – талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Закатив глаза, падает замертво.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (держит пальцы на пульсе, констатирует).

Всё, кончено. Пожалуй, обширный инфаркт. Не говорите ему, не надо... надо пока помолчать...

Сцена шестая

Узкая, тесноватая комната, где лежит Гоголь. Призрак итальянки, флорентийки, сменив белые одежды на чёрные, входит сюда к нему. Стоит перед ним.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. (Приоткрывает глаза. Весь натягиваясь в струну, чуткий). Что-то случилось?

Приподнимается и делает знак: «Уходи».

Флорентийка – призрак в чёрных одеждах - исчезает.

Гоголь делает отчаянные знаки руками, словно не подпуская к себе кого-то.

СЛУГА ПЕТР. Что с вами, Николай Васильевич? Вам пить?..

ГОГОЛЬ (*хрипло*). Вий, Вий!.. Подожди, подождите... Мне ещё надо что-то сказать, распорядиться... (*Слуге*). Там, наверно, было суетно, а теперь тишина.

СЛУГА ПЕТР. Говорят, умерла барыня – какая-то Хомякова.

ГОГОЛЬ (*передернувшись весь, тупо глядит в угол*). Вий, Вий – чертово колесо, наваждение (*вдохнув кратенько*). Ну вот, и мне теперь незачем жить. Надо следом туда, к мёртвым душам. (*Хрипло*). Яблоко, яблоко мне!..

Слуга подает большое такое, огромное зеленое яблоко. Рука Гоголя не удерживает его: яблоко долго катится под топчан, куда обычно он бросает на годик рукопись, чтобы потом, когда отлежится, прочитать, как новую, свежую.

ГОГОЛЬ (*откинувшись на подушку, слуге*). Где моя рукопись?

СЛУГА ПЕТР. Какая?

ГОГОЛЬ. «Мертвые души», часть вторая.

СЛУГА ПЕТР. Где обычно. Шкаф в ногах.

ГОГОЛЬ. А камин где?

СЛУГА ПЕТР. В соседней комнате.

ГОГОЛЬ. Уходи. Дай побыть одному.

Ночь. Гоголь делая усилия, встает, начинает ходить. Достает из шкафа пухлую рукопись, держит её навесу.

ГОГОЛЬ (*в сторону*). Сколько в ней бессонных ночей, сил, потраченных зря. Зачем?.. Чичиков этот – пустой человек, что он даст литературе России. Прохиндиада!... Камин растоплен, горит камелек... Какие заботы сейчас о тебе, словно о графе - хозяине этих владений, у которого ты в приживалах! В рай еду, на чужом хрипу далеко не уедешь... Прощай, мой табор, пою в последний раз...

Гоголь нервно перебирает страницы.

(*В сторону*). Будут потом осуждать, примут за сумасшедшего, за идиота. У нас это любят: сначала гнобить, потом восхва-

лять то, за что ранее проклинали... Или вообще предать забвению, чтобы вещь не попала в культурный поток...

Ещё и живым похоронят. Говорил же, писал даже, оставлял памятные записи: в случае чего, живым кабы не закопали. Бывает, лежу целыми днями особенно после постных, даже голодных дней - сам не знаю, живой ли? Всё жду чёрного человека, всё мне кажется чёрным, страшным, мятущимся. А то всё вдруг становится жёлтым, как малярия... Не знаю женской ласки, да, не знаю, что это такое. Всё в грёзах, мечтаниях, в пустой болтовне. Ни роду нет, ни племени в чужой мне стороне... Ни сына, ни дочери... Кстати, может, и хорошо: по наследству некому нечего передавать. Некого и расстреливать, как моему Тарасу своего сына Андрея. Ведь грешник мой Бульба-то, грешник: стрелял в собственного сына – человека, богам удобного, браки ведь свершаются на небесах. Боги, дали Андрею любовь, ему и его любимой гордой полячке. Ну и что ж, что полячка, что спесивая, гордая. То тебе ведьма в панночке, то «гонор и слава»... А то любовь – святое, богово...

И этого Чичикова не жаль, прохиндей! Куда повело его вместе с тобой, в какие пределы. Скажет, выродился Гоголь, исписался, как Пушкин, бывало. Суровый Дант не презирал сонета... или, наоборот, презирал? Что-то путается в моей голове...

Гоголь берет верхний листок рукописи. Целует его сухими губами и кладет на пламя. Смотрит, как огонь жадно схватывает, скручивает его, извиваясь, как и душа его окаянная. Из жизни надо уходить, не жалея ни злата – серебра, ни жемчугов.

Сцена седьмая

Та же узкая, тесноватая комната, где лежит Гоголь. Он тупо смотрит в угол, откуда уж под утро является Вий.

ГОГОЛЬ (шевели сухими губами). Упрекать себя, зачем? Я написал, я и сжег. Предал пламени то, что должно пламени предаваться. По крайней мере, проверено. Рукописи, оказывается, горят. Вий шепчет, нашептывает тебе на ухо. В одно ухо вле-

тит – в другое вылетит. Кабы живым тебя не похоронили. Проснёшься в гробу, а кругом миазмов не продыхнуть...

Уходи, Вий! Дай хоть мысленно очертить круг вокруг себя. Любят у нас страдать, считается, что один расплачивается за всех...

СЛУГА ПЕТР (*наклоняясь к нему*). Вы что-то сказали, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Вий, витерець! Опять отняли копеечку. Подайте Христа ради Юродивому – Пушкин это сказал. Одни берут, другим не дают – и это называется «экономика». Кто это слово придумал – кажись, Карамзин? Словотворец... Петр! Знаешь хоть, что такое «плитуар», «зеленя»? Кто все это придумал?

СЛУГА ПЕТР. Нет, батюшка, где же нам знать? Это для нас запрещено.

ГОГОЛЬ. А вот Чичиков знал. Тот и этот свет – там и тут «мёртвые души». Тянет меня в иные миры, в дьявольский смех... Цепляюсь за жизнь, а зачем? Особо как ушла она – единственное существо, которое знало меня, воспринимало. Женщины созданы Господом – Богом для ласки, любви, мужики – для топора...

Кипит во мне этот фонтан, фонтанирование словесное. Все бормочешь, бормочешь, сочиняешь свои метафоры, глоссы. Как на кресте, продержался всю свою жизнь. Под конец и вспомнить-то нечего: ни прогулок при луне, ни обручальных колец. Одни только рожи держимордовские, дубины стоеросовые, типы, характеры да божины образа, которые сглаживают в тебе углы черномордые...

ТЕНЬ ХОМЯКОВОЙ (*возникая откуда-то*). Не кляни себя так. Не напрасно жизнь прожита. И сейчас ты, Гоголь, летишь ведь над серединой Днепра.

ГОГОЛЬ. Кто тебе это сказал, – Вий?

ТЕНЬ ХОМЯКОВОЙ. Я тебе говорю, я! Единственная твоя, любимая тобой женщина.

В отдалении возникают колокола. И опять в таком сочетании: Кремлевские куранты, Владимирские куранты, Суздальский звон, Ростовский звоны. И под них строится хор, по-

ющий ту же песню, с какой началось движение людской реки от Пушкинской площади сюда, к Гоголю, по Дороге к Храму. А дальше – туда, к казакам – к Тарасу Бульбе, Шолохову, задумчиво взирающему на мир, сидя на краю лодки.

«Изопьем Дону великого, Тиха Дона!».

«Долетим хотя бы до середины Днепра!»

Вий в белых одеждах, меняясь в душе, заставляя думать о ней, всё о ней. И поёт он

Песню Левко

(из оперы Лысенко «Майская ночь»)

«Спи, моя красавица, сладко спи.

Радостный, светлый сон

На тебя слети.

Думаешь ли, гредишь ли обо мне,

Я ж день и ноченьку

Мыслю о тебе.

Пусть тебе пригрезится

Сладкий, сладкий сон.

Долюшка счастливая

Со милым дружкойм.

Не забудь, что вместе мы,

Вместе жизнь ведем.

Да, моя красавица,

Вместе жизнь ведем».

ГОГОЛЬ (*вникая в смысл исполняемых слов*). Что-то не то. Во-первых, жизнь уже не ведём. Я почти там уж, за ней – на том свете... Мрак и тоска...

Вий (снова меняя белые одежды на черные)

поет

Арию Демона

(из одноименной оперы А. Рубинштейна)

«Я тот, которому внимала

Ты в полуночной тишине.

Чью мысль душа твоя шептала
И грусть чью смутно отгадала.

*Гоголь, откидываясь в изнеможении. А голос всё тот же –
Вия в чёрных одеждах (продолжая лермонтовские слова).*

Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветёт.
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянёт.

Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свобода.
Я зло небес, я зло природы,
И ныне я у ног твоих.

И голос удаляется, становится тише.

Тебе принёс я уверенья,
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слёзы, слёзы первые мои».

*И колокольные звоны несут слова, уносят их вместе с собой,
чтобы ими очиститься и очистить.*

ГОГОЛЬ (*шепча едва слышно*). Ну почему, почему?

СЛУГА ПЕТР (*наклоняясь к нему*). Что – почему?

ГОГОЛЬ (*уже не сдерживая слез*). Почему хоть не я сложил
эти слова? Боги не дали писать мне стихи.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

*Все там же, в узкой, тесноватой «лакейской», где доживает
последние дни своей жизни великий Гоголь. Во двор графского
дома въезжают кареты, сидят на козлах «ваньки». Съезжа-
ются светила московские - лучшие врачи города. Случай неизъ-
яснимый да еще с гением отечественной литературы.*

*Слуга Петр сбился с ног. В подмогу граф послал ещё одного
слугу, вдвоём и мечутся с шубами да калошами, с шарфами да
малахаями.*

Все четыре доктора молча сидят кружком – наблюдают. Зададут редкий вопросик и снова сидят, переворачивают внутри себя свою практику, встреченное в медицине.

ПЕРВЫЙ ДОКТОР – *дородный, в золоченых очках*. Полагаю, надо пациента кормить. Человек просто – напроосто голодает.

ГОГОЛЬ (*слабым голосом*). Пост великий, батюшка, постимся всю жизнь. Не есть мы привычны.

ВТОРОЙ ДОКТОР. Расстройство здоровья, психологического свойства. Нервная система, на наш взгляд, крайне истрепана, истощена годами каторжного труда.

ГОГОЛЬ (*улыбнувшись внутренне, про себя*). Какая же это каторга? Это счастье, служение родине, литературе.

ВТОРОЙ ДОКТОР. И человечеству, Николай Васильевич! Да-да. Это счастье – духу. А телу, извините, здоровью... это крайности, тоже имеют границы...

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Случай какой-то невообразимый. Фобии – боится быть (*совсем тихо, на ухо рядом сидящему*) похороненным заживо... так сказать, заживо погребенным.

ЧЕТВЁРТЫЙ ДОКТОР - *тощий такой, лысоватый, из немец*. Карашо русский доктор! Умный русский, как это... русский лекарь! Но-но... Тут случай особый. (*Обращаясь к Гоголю*). Вы были в Италии?

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Да был, был, конечно. По молодости ещё, во Флоренции, кто же об этом не знает?

ЧЕТВЁРТЫЙ ДОКТОР, *немец*. Ну вот. В те годы во Флоренции была инфлюенция... скорее, тропическая лихорадка. Смотрите, лицо жёлтого цвета переходит в зелёное...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР - *тучный, в золоченых очках*.

Скрытая, неизученная трактовка, заставляет задуматься о невозможном.

ТРЕТИЙ ДОКТОР. О невероятном.

ВТОРОЙ ДОКТОР. Книги его читайте, особенно «Петербургские повести» - все симптомы, как на ладони.

ПЕРВЫЙ ДОКТОР. Когда читать-то? Практика, постоянное внимание пациентам – ваши светлости да ваши сиятельства. Немец вот и вовсе читать по-русски, небось, не умеет.

ДОКТОР-НЕМЕЦ (*недовольно*). А вы не умеют по-немецки, некарашо-с. У вас, как что... короткая скамейка - на катафалк, кладбище...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР *в золоченых очках*. Да уж не длиннее вашей, господин Шнапс.

СРАЗУ ОБА ДОКТОРА – ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ. Друзья мои, друзья мои! Что же мы, зачем же мы так тут, ведь собрались перед ликом, можно сказать, святым.

ДОКТОР – НЕМЕЦ. Господин лекарь! Русские люди! Смотрите, такой писатель и так плохо есть, такое питание! Отвратительный пост всю жизнь... И, может, в первый раз лекаря видит.

СРАЗУ ОБА ДОКТОРА – ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ. Ну что вы, что вы? Откуда вы взяли?

ДОКТОР - НЕМЕЦ. Ну во второй. Постоянного наблюдения нет. Схему лечения не можно составить...

ТРЕТИЙ ДОКТОР. Путается физическое с психическими... психоанализ нужен...

ГОГОЛЬ (*приоткрыв веки*). Психоанализ?.. Зигмунд Фрейд?..

ВТОРОЙ ДОКТОР. Это перспективы, а нам сейчас надо...

ПЕРВЫЙ ДОКТОР – *дородный, в золоченых очках*. Ну так что в итоге? Снизить нагрузку... особенно психологическую... кормить непременно – даже через силу, насильно... Собираемся завтра, будем думать... все же наша гордость, светило... На кону честь медицины. Господи, разве не так?

СЛУГА ПЕТР. С ложечки будем кормить, через силу.

Сцена вторая

Медицина уходит. Гоголь остается один.

СЛУГА ПЕТР (*подходя на цыпочках*). Николай Васильевич! Скрипачи пришли из Большого театра, сыграть просят – музыку Сарасате. Говорят, очень помогает, особенно скрипки. Даже куры, говорят, больше яиц несут.

Вот яичко принесли как гусиное. Это по размеру, а по качеству - говорят, как куриное, диабетическое.

ГОГОЛЬ (*поправляя*). Диетическое. В Петербурге когда-то яйца я считал за картошку, а картошку – за яйца.

СЛУГА ПЕТР. Правильно, правильно! За яйца и на Доску почета, так было.

ГОГОЛЬ (*слегка улыбнувшись*). Так было? Как на родине у Шукшина? Так там наоборот было: на Доску почета за яйца...

СЛУГА ПЕТР. Какая разница! А кто это – Шукшин?

ГОГОЛЬ. Да писатель один знакомый, из будущего.

СЛУГА ПЕТР. В Сростках будет такой, на родине Шукшина?

ГОГОЛЬ. Больно дороги яйца там. Шукшин говорит, вообще Родину не продаём.

ВИЙ (*появляясь в чёрных одеждах*). Обсуждаем проблемы?

ГОГОЛЬ. Ты что за язык меня тянешь? Надо бы помолчать про яйца-то, а я всё никак не успокоюсь. Пусть заходят артисты, играют на своей скрипке.

ГОЛОС СВЫШЕ. Скрипки-то не из Большого театра, а виртуозы Москвы - от Спивакова, путают время. А Гоголь уснул уже, спит и видит волшебные сны. Как будто это он перешёл реку Стикс, незримую черту, которая отделяет в нем мир этот и тот, не очевидный, но вполне вероятный. Здесь где-то его поджидает она, его женщина, прекрасная дама – Хомякова, которая, он просто уверен в этом, одна любит его по-настоящему. Звучат песни, дивная мелодия сфер.

ОН (*кладёт руки на плечи ей*). Песни, русские песни, что они – наши дети?

ОНА (*прижимаясь к нему всем пышущим жаром телом*). Да, они – наши дети, дети.

ГОЛОС СВЫШЕ. И она греет его собой, греет, оживляет всем своим огненным телом.

И он запекает ей своё молодое и раннее, из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Місяць на небі зіроньки сяють,
Тыхо по морю човен плывэ.
Колысь кохались тай розійшлыся,
Тепер зійшлыся навікі вновь».

А потом пошло – поехало – покатило. Он сам поет ей

«Липу вековую».

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Луг покрыт туманом,
Словно пеленой;
Слышен за курганом
Звон сторожевой.

Этот звон унылый
Давно прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.

Вот все миновало,
Я уж под венцом,
Молодца сковали
Золотым кольцом.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

И они с ним поют уже вместе, дуэтом.

«Златые горы»

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Я б все отдал за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.

Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу -
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдём к венцу.

Не раз, Мария, твою руку
Просил я у отца, не раз.
Отец не понял моей муки,
Жестокий сердцу дал отказ.

Умчалась мы в страну чужую,
А через год он изменил
Забыл он клятву огневую,
И сам другую полюбил.

ОНА. Не надо мне твоей уздечки,
Не надо мне твоего коня,
Ты пропил горы золотые
И реки полные вина.

ОН (*обнимая её за плечи*). Что это – дождь ли, слёзы ли потоком текут из меня?

ОНА (*прижимаясь всем телом*). Милый мой, дорогой!
Это брызги днепровские,
Ты летишь серединой Днепра!

И они поют вместе.

Эх, да позарастали стежки, дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позарастали мохом – травую,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

ОНА. Если забудет, если разлюбит,
Если другую мил приголубит,
Я отомстить ему так поклянуся:
В речке глубокой возьму утоплюся...

Сцена третья

Там же, те же.

ГОГОЛЬ. Ах, песня, русская песня! Что ты делаешь с нами, наша душа - русская песня. Эх, тройка, птица-тройка! Липа ве-

ковая, песня роковая! Вот так пошёл, как пошёл, как пошел по Великой Руси – ни её Серединной, ни Малороссии, ни Новороссии – ты одна и царишь в русской душе, в русских куцах-русская песня. Стихия песни как стихия любви!

И поют опять вместе, вдвоём.

На лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю - зануздаю
Шелковой уздою.

Как поймаю, зануздаю
Шелковой уздою,
Дам две шпоры под бока -
Конь, лети стрелою!

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как ветер, мчися,
Против нашего двора,
Конь, остановися.

Подъезжай, конь, к воротам,
Топни копытами,
Чтобы вышла милая
С чёрными бровями.

А красавица спала,
Ничего не знала,
Правой ручкой обняла
И поцеловала.

ОН. Эх да и какой же русский
Не любит быстрой езды!

ВМЕСТЕ. Распрягайте, хлопцы, коней
Тай лягайте спочивать,
А я пиду в сад зеленый,
В саду криниченьку копать.

ОН. Эх да нет никаких границ меж людьми по ковылям, по степи широкой до самого Чёрного моря и далее, далее до любезной сердцу Италии.

ГОЛОС СВЫШЕ. И не заметила она, как перешел Гоголь в другое состояние: в мир иной – туда, вслед за ней, Хомяковой, а мы все остались тут сами, без него, как без Пушкина, и разом ведь пустыми сделаешь, осиротели.

И в графский двор въехал катафалк - весь в белых розах, с горячими, застоявшимися конями! А на кой ему розы, на кой ему катафалк! Положили на него шинелочку чью-то – Акакия Акакиевича, скорее всего; своей-то за жизнь так ведь и не приобрел. Однако взмахнули люди рукой на катафалк, подняли люди гроб над собой с его ветхим, слабеньким, птичьим тельцем да и понесли его по Москве над собой, как хоругви, на своих могучих руках.

Молча, с надрывом в душе двигалась людская река от Гоголевского бульвара вниз туда, к казаку, - по Дороге к Храму.

И опять пошли по порядку колокола:
Кремлевские куранты,
Владимирские куранты,
Суздальский звон,
Ростовские звоны.

И далее Архангельские (Малые Карелы), Минские, Феодосийские и т.д.

И голоса хора, людской реки, пришедшей сюда от Пушкинской площади, по этой Дороге к Храму. И сама песня «Дорога к Храму», исполняемая лучшими басами, баритонами Руси (от Максима Дормидонтовича Михайлова до Петрова, Штоколова, Хворостовского), а тенора колокольцами, колокольцами витиеватыми между ними (от Собинова до Атлантова).

И понесли эту песню, этот гроб на могучих плечах, понесли самого Николая Васильевича Гоголя, понесли, понесли его

в шинелочке-то; что-то больно много носит Русь в последнее время хороших людей – дочерей своих, сыновей.

Сцена четвертая

Там же, на Гоголевском бульваре, а вот эпоха (благодаря «машине времени»), резко уходит вперед, к 1931 году, когда в Свято-Даниловом монастыре, по распоряжению властей, была произведена эксгумация праха Гоголя с целью переноса захоронения в Новодевичий монастырь.

На том же месте, где накануне смерти писателя собирался Комитет общественного спасения во главе с Владимиром Далем, также кучкуются люди, именуемые теперь «общественностью» - это культурный слой столицы, обсуждающий текущий момент. Поскольку уже тогда следовало больше держать язык за зубами, прежде чем предавать разглашению истинную конкретику фактов. Попробуем представить воображаемую картину, как ее тогда трактовали.

ВАЛЬСИНГАМ (*новый Председатель Комитета общественного спасения, вместо Владимира Даля*), *обращаясь к Юродивому*. Опять, скажешь, отняли копеечку?

ЮРОДИВЫЙ (*неожиданно*). Да нет! Другое скажу. Слыхали ль вы?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Львы слыхали, а мы?

ЮРОДИВЫЙ. Слыхали ль вы, что Гоголя при вскрытии могилы нашли в перевёрнутом виде? И, вообще, могила провалилась, оказались близко поддонные воды.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Живого похоронили, ужас!

ВОЗМУЩЕНИЕ В ТОЛПЕ. А ведь предупреждал: глядите, живым не предавайте земле, полностью удостоверьтесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Это все Вий! Вий все в чёрных одеждах. Силы мистические...

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Это беспризорники. При НЭПе в Даниловом монастыре беспризорников содержали. Эти чертенята до чего хошь докопаются. Говорят, вот так же было и с Фетом. Деревенские рябятишки бегали по Клейменово в его сапогах, из склепа...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Хватит вам! Достаточно домыслов! Официальная комиссия была, акт составлен.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Комиссия отца Дионисия. Факты не удостоверены, подписи не разборчивы. Говорят, темно было, прах, как следует, не разглядели... А как святые мощи растаскивать, кусочки материи с гоголевского сюртука по карманам себе совать, так пожалуйста, стопроцентное зрение... И куда смотрят власти?..

ЮРОДИВЫЙ (*голосом Владимира Высоцкого*). Слухи, слухи тут и там, а беззубые старухи, а беззубые старухи их разносят по умам...

ГОЛОС СВЫШЕ. И через семь лет, в 1938 году, умы эти восторжествовали. Там же, на Гоголевском бульваре. Иных уж нет, иные уж далече, однако говорят своё.

ЮРОДИВЫЙ. Опять отняли копеечку?.. Слухи, слухи тут и там, а беззубые старухи уж расселись...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Где расселись?

ЮРОДИВЫЙ. ... уж сидят, где Вальсингам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Ну и при чём тут моё имя? Слава богу, прах Гоголя упокоен на Новодевичьем.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Даже головы, говорят при эксгумации не оказалось. Писатель Половецкий из комиссии, говорят, череп себе забрал, прикарманил.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Это как говорится, кому чего не хватает... Майор НКВД ... с Эльдорадо... занимается специально этим вопросам. Как это у Гоголя нет головы, быть такого не может... Нагромождение мистики, фантастика...

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Так Гоголь же, Вий фители вставляет.

ЮРОДИВЫЙ. Опять у людей отняли копеечку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Господи! Да что же это такое! Ну просто бельмом в глазу этот Юродивый. Уж революции прошли, мировая война, Пушкину 140 лет отметили, а этот все сидит и каркает, идиот.

ЮРОДИВЫЙ. Да вот сию! Совесть у властей пробуждаю.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Вон Гоголь пробуждал, пробуждал, да взяли голову и оторвали.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. Этот факт ещё не установлен. Майор дл всего докопается.

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС. Майор уже генерал-майор, а царь как был полковником, так и остался.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. В самом деле, даже царю голову оторвали, а также Марии – Антуанетте. А уж с Гоголем как-нибудь разберутся, не иголка в сене, время покажет.

ГОЛОС СВЫШЕ. И тут собравшиеся на Гоголевском бульваре спохватились и стали провозглашать Николаю Васильевичу Гоголю больше уже по привычке «многая, многая, многая лета».

Сцена пятая

Все там же, на Гоголевском бульваре. Но время опять-таки, по согласованию с общественностью, исчисляется относительно Гоголя. Отмечается уже 200-летие писателя.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. И с головой Гоголя к этому времени разобрались, и стало их теперь три: одна на памятнике на Гоголевском бульваре и еще две на другом памятнике – Гоголю - птице, во дворе: вверху и внизу. Да ещё и четвёртая объявилась над могилкой где-то в Новодевичьем монастыре. Зато в самой могиле, говорят, как не было, так и нет, ни одной...

ИРОНИЧНЫЙ ГОЛОС. Повторяю! И стали отмечать 200-летие Гоголя. Даже в Париже, в Буживале, к Тургеневу вопрос Гоголя подцепили.

«Амбивалентный смех», - с такой темой возник там один молодой отечественный ученый, наш современник.

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС. Это в чем же он состоит, этот смех? В том, что три головы или одна? Одна или три?

ЮРОДИВЫЙ. Господи! Опять отняли... как её, эту... копечку!

РЕЗОННЫЙ ГОЛОС (*на Юродивого*). Видали, на что намекает? На экономический кризис. Целый мир и тот, брат, теперь как без головы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Горе от ума, – сами знаете. А ум, согласно новым веяниям, состоит ныне из нанотехнологии, может помещаться во что угодно. Даже в пробирку. Может уйти в космос и не вернуться, так и с Гоголем.

ЮРОДИВЫЙ. Но это уже новая версия. Массовая культура. Классическая же литературе, где состоит Гоголь Николай Васильевич, никакого отношения к этому не имеет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Вот такой теперь разброс мнений. К началу XXI века. Пригодился и Гоголь с его Вием и Тарасом Бульбой.

ГОЛОС СВЫШЕ. Надо же, 200-летие Гоголю попало прямо на 1-е апреля в День Смеха. Хотели было современные юмористы ознаменовать это выступлением у пьедестала, но Председатель Вальсингам отверг притязания: голову надо иметь. Это смех у него амбивалентный, а Гоголь – автор серьезный, национальное достояние, не до смеха.

Так и стояли тут, на Гоголевском бульваре, новые люди – наследники того ещё, строго прижизненного Комитета общественного Спасения, во главе Владимиром Далем. С какими тоже не так-то всё просто, а какая-то опера – буфф получается. Стояли и ждали, когда же от Пушкинской площади людская река прихлынет, идучи к ним сюда по атмосфере этой дороги к Храму, к Гоголевскому бульвару.

Сцена шестая

Там же, на Гоголевском бульваре, у памятника Гоголю. Всё те же во главе с Председателем Вальсингамом.

ГОГОЛЬ (с памятника, с высоты своего положения) Идут, идут!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. И кто персонально, Николай Васильевич?

ГОГОЛЬ. Да классики же! Пушкин, Есенин, идут под «Колокол» Герцена, и современники тоже, например, журнал «Вопросы литературы», стоящий у истоков Пушкинской площади.

СОБРАВШИЕСЯ ТУТ, У ГОГОЛЯ. Уррра-а-а!

Грачи прилетели было сюда, к современной Пушкинской площади, да и назад улетели туда, к Саврасову, в девятнадцатый век.

Наконец, подошла людская река с портретами Гоголя, стали кланяться все ему: Николай Васильевич! Что вам спеть - какую народную, международную?

ГОГОЛЬ (*в ответ*). Вы сначала портреты мои уберите. А то один генерал даже по детским библиотекам портреты свои распихал, а ружья у него кирпичом чистят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ (*запевая, авторская песня на слова Алексея Кольцова, и все хором за ним*).

Расступитесь, леса тёмные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь – дороженька!
Дай мне весточку, моя пташечка!..

Это ты, моя Русь, Русь державная!
Моя Родина православная!
Широко ты, Русь, по лицу земли,
В красе царственной, развернулася!

Уж и есть за что, Русь могучая!
Поллюбить тебя, назвать матерью,
Встать за честь твою против недруга,
За тебя в нужде сложить голову!

ГОЛОСА СНИЗУ. Сидите, Николай Васильевич, сидите!.. А то, гляньте-ка, что он говорит, только руку подайте! Дайте сойду, говорит, да туда вниз к вам со своего пьедестала. Припаду, поцелую землю – у ног своих да и начнем наводить тут порядок.

У нас теперь и без писателей обходятся. Особенно первые лица, сами всем пример подают. В том числе и в речи родной, и между.... на... родной...

ГОЛОСА РАЗРОЗНЕННЫЕ. Не надо, на надо! И так сойдет. А вы стоите, Николай Васильевич, у нас высоко! Как пример, водруженный на погляд всяя Руси святой, на пьедестал всему прогрессивному миру, всему человечеству! Православный писатель!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВАЛЬСИНГАМ. Хомякову сюда, Хомякову! Сбегайте, кто-нибудь, в девятнадцатый век, позовите! Пусть вдвоем споют с Николаем Васильевичем свою любимую песню, недопетую ими при жизни.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ (*появляясь неожиданно, подводя какую-то женщину из Малого театра к самому пьедесталу*). Да вот же, вот она, Хомякова!.. Пойте, пойте вдвоем, с Николаем Васильевичем!

И запевают они тихо, вместе с деревьями, с купой дерев, чтобы распеться.

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

ВЛАДИМИР ДАЛЬ. Все, все подхватывают хором!

Извела меня кручина,
Подколотная змея!
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Река людская, сдвигаясь с места, снова трогается вперед.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Россия, вперед! Вперед, Россия! По Дороге к Храму! По святыням нашим – вперёд! Высоко несём над собой имена свои, как пламена!

Не житьё мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.
То не ветер ветку клонит...

ГОЛОСА УЖЕ СЛИВАЮТСЯ, СБИТЫЕ В ХОР. Колокола, колокола вступают! Московские куранты, Владимирские куранты, Суздальский звон, Ростовские звоны...

Все поют, под колокола идет общий, вселенский ход.

Дорога к Храму
(песнопенье)

Московские бульвары – Дорога к Храму,
Дорога к Храму.

Голову приподнял и – прямо вперёд!
Перед собой в сиянии неба, как диараму,
Вижу золото куполов, золотые купола,
Слышу свой голос, народ.
На подвиг зовут, призывают к служению
Тут же, на этом пути.
К Храму, к спасению, постижению
Тут, в галерее святых,
Тут, на конечном пути.
Тут, на народном пути.
Московские бульвары – дорога к Храму,
Дорога к Храму,
Колокола встречают, к ним меня ведёт.
Тверской, Никитский, Гоголевский прямо -
К колоколам, к Спасителю, вперёд!
И, если памятник и мне бы
Воздвигнуть где-то рукотворный,
То только тут, где я увидел небо,
Алкающих ни денег и ни хлеба,
А облик Бога чудотворный.
И купола, и к куполам – вперёд, вперёд,
Колокола, колокола - наш голос, наш народ!

ГОЛОС СВЫШЕ. Памятник остаётся на пьедестале, на своем посту, а Гоголь вместе с Пушкиным, Есениным в первом ряду общей людской реки отправляются в путь по всей Москвематушке.

И Хомякова берёт кого-то под руку, а кто-то рядом, из современников, запекает.

«Малиновый шарф»
(Песня Незнакомки)
Красивый малиновый шарф,
Краски как в горсаду.
Левую к сердцу прижав,
Женщину в вальсе веду.

Кружится снег, слышится смех,
Тут в хороводе и мы.
Среди потех имеем успех.
В проводах русской зимы.

Красивый малиновый шарф
В стороны чуть отведу.
Щеки горят, как пожар
Как хохлома в горсаду.

Кружится снег, слышится смех,
Женщину в вальсе веду.
Среди потех имеем успех
Мы с хохломой в горсаду.

Красивый малиновый звон.
Женщина песню поёт,
И колокольный канон
Чудо в тебе создаёт.

Милый малиновый шарф
Светит, сияет двоим.
Весь обхватив земной шар,
Женщина кружится с ним.
Жаркие, вещие сны,
Краски живые весны.

ГОЛОС СВЫШЕ. *Проходят далее по бульвару, поклонились казаку, сидящему на носу лодки. Перешли Дон, прежде чем двинуться вниз по бульвару, навстречу судьбе.*

И тут из толпы раздаётся дерзкий ГОЛОС, уже слышанный нами прежде.

На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржёт жеребёнок - горластый, чертёнок!
И я ему в голос, ага.

И тут в конце Гоголевского бульвара, в ветках деревьев, и возникает сам Храм Христа Спасителя всяя Руси. С тем и вступают они под своды.

И ударил набат.

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СВЫШЕ. Я – Игорь Коновалов, главный звонарь Московского Кремля и Храма Спасителя, всех двадцати его звонарей, всех четырёх храмовых звонниц! Как махну рукой, так и загудим, братия! Ударим во все тяжкие на всю Москву, на всю Русь православную, на весь мир крещёный!

ГОГОЛЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ – великому сыну земли Русской – многая, многая, многая лета...

ГОЛОС *прорезался и потёк над людской рекой. Авторская песня - слова и музыка Леонарда Золотарёва.*

Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, -
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы – берега!
Заржёт жеребёнок – талантлив, чертёнок!
И я ему в голоса, ага.
Так под колокольные звоны и опускается

Занавес.

ГОЛОС СВЫШЕ. Леонард Золотарёв.

«Московские бульвары»

(Песня о бессмертии, крестном ходе живых)

Под мелодию Булата Окуджавы
«Пока земной шар ещё вертится,
Кружится земля,
Помните Николая Васильевича Гоголя,
И не забудьте меня.
Пока земной шар еще вертится,

Не исчезла земля,
Помните Александра Сергеевича Пушкина,
И не забудьте меня.

Помните, люди, Сергея Есенина,
Помните Михаила Александровича Шолохова,
Рихтера, Михаила Ульянова, Высоцкого и Шукшина.
Помните, русские люди, язык свой русский и Родину,
И не забудьте меня».

ГОЛОС СВЫШЕ. Пойте, пойте, Московские бульвары!
Ведите людей дорогой к Храму
И не забудьте меня,
И не забудьте меня!

Занавес.

По занавесу тень птицы,
Летящей над серединой Днепра.

г. Орёл.
16 мая 2009 г.

ЕСЕНИНСКИЕ КОЛОДЦЫ

(о любимом поэте)

Из разговора.

Ткни палку в землю – вырастет тарантас.
Ткни пальцем в землю – забьёт фонтан,
А из фонтана – поэзия, а из поэзии – Есенин,
А из Есенина – мы.

Авторская песня

А не родись Есенин у Оки,
Напротив церкви, у откосов этих,
Языческой Мещоре вопреки,
И не было бы крайностей в поэте.

У осени глазищи велики –
Бездонные, пропащие колодцы.
Как в них не пасть, в горсти не расколоться
На звёзды, первитые у Оки.

На ливни, пролитые с небеси,
Разбрызганные щедро по Руси.
Пусть, говорят, пьяна бывает Русь,
Я всё равно когда-нибудь напьюсь.

Мы пьём из брызг, со дна родных криниц.
Я упью и упадаю тут же ниц.
Из Красоты, о Русь, из твоих влаг
С коленей пью и не напьюсь никак.

СВАДЬБА НА СОЛОВКАХ
(драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – в будущем великий русский поэт.

ЗИНАИДА РАЙХ – в будущем его жена, мать его двоих детей – Кати и Кости.

ДРУГ ЕСЕНИНА НИКОЛАЙ КЛЮЕВ – поэт из северян.

КАПИТАН КОРАБЛЯ, идущего из Архангельска на Соловки.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА НА ГОРЕ СЕКИРНОЙ.

МОНАХ – СХИМНИК в скиту на Соловках.

ПРИЗРАК АРИСТОТЕЛЯ у Лабиринта, около Соловецкого Кремля.

ПРИЗРАК ХАФИЗА – персидского поэта из XIV века.

ПРИЗРАК НИКОЛАЯ РУБЦОВА – поэта после Сергея Есенина.

НЕЗНАКОМЕЦ В ЧЕРНОМ.

АВТОР.

Действие происходит сначала на белоснежном корабле, следующем по маршруту «Архангельск – Соловки», затем на самих Соловках, на Большом Соловецком острове. Сюда направляется Сергей Есенин с Зинаидой Райх, чтобы именно тут совершить таинство брака, тут намечена у них соловецкая свадьба. Свидетелем с Есениным едет его друг Николай Клюев, тоже поэт. Как не только великий, но и гениальный поэт, то есть причисленный к Богам, Сергей Александрович нутром своим чувствует значение Русского Севера, Соловков, их истории, идущей вроде бы от Атлантиды. Когда-то тут было невероятно тепло, как на юге. Именно отсюда племена ариев спустились вниз по Уралу, попали в Индию. В индийских «Ведах» поныне существует легенда о Белом, Счастливом Острове где-то на Севере, скорее всего, речь идет о таинственных Соловках.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Корабль рассекает мощные - литые, холодные волны Белого моря. На палубе никого.

Сцена первая

Появляется Сергей Есенин с Зинаидой Райх. Стоят, полуобнявшись, на носу корабля. Тут же, в отдалении, поэт Николай Клюев. Облокотясь, смотрит он на скользящую мимо воду, прислушиваясь к разговору будущих молодоженов.

КЛЮЕВ (*про себя, в сторону*). Надо же, куда катят на свадьбу. Не могли там у себя, в Серединной Руси, окрутиться? С глаз долой, куда подальше? Он-то наш деревенский, а она – райх... с немецкого «государственная»... Кровь слишком разная...

ЗИНАИДА РАЙХ (*замечая его*). Что это ты там бормочешь, смазной сапог?

КЛЮЕВ. Стихи составляю.

ЗИНАИДА РАЙХ. И кому, интересно?

КЛЮЕВ. Для вас с Серёгой.

Ты, судьбинушка – чужая сторона,
Что свекровьими попреками красна,
Стань-ка городом, дорогой столбовой,
Краснорядною торговой слободой!

Муж повышпилит булабочки с косы,
Не помилует девической красоты,
Сгонит с облика белила и сурьму,
Не обрядит в расписную бахрому.

ЗИНАИДА РАЙХ. Чего это ты – вроде по-русски, а как-то странно, чудно говоришь?

КЛЮЕВ (*подходя к ним вразвалочку*). Это вы не тутошние, а я тут свой. Олонецкие мы. Из Вытегры я – городок такой есть, за пятьсот вёрст от железной дороги.

ЗИНАИДА РАЙХ. Такой тёмный? А ещё поэт.

КЛЮЕВ. Мы не тёмные, мы даже дюже светлые. Мой дед с медведем-плясуном по людям ходил, скоморошничал – частуш-

ки пел, сам сочинял. В Белозерске на ярмарке за год по пятьсот рублёв заколачивал.

ЗИНАИДА РАЙХ. Ну, а ты-то чего не ходишь? По Москве бы ходил с медведем-то – тысячи бы огребал. А так с Сергеем что вы имеете?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*приближаясь к ним*). Два ляда, три огляда.

КЛЮЕВ. Два притопа – три прихлопа. Такая власть – заснуть не дать.

ЗИНАИДА РАЙХ. Она всегда такая.

КЛЮЕВ. С медведем не велено было деду ходить! Шкуру с медведя – кормильца велели содрать да на барабан. По сю пору висит в избе у меня, в Выгтегре... моль пока что не съела... «Сталоверы» – старообрядцы мы. От протопопа Аввакума идем... самосожженцы...

ЗИНАИДА РАЙХ (*усмехнувшись*). Что - и вы себя сжечь можете? Как протопопа Аввакума на костре?

КЛЮЕВ. Мы – поэты, мы по-другому жжём себя, из нутра. (*Сергею Есенину*). Да, Сережа?

ЗИНАИДА РАЙХ (*отвечая за него*). Видишь, фамилия какая – Есенин, Осенин. Осенний, листья сожжены осенью, золотые. А ты – Клюев. Клюй – хищник, злой ты, бес, демон.

КЛЮЕВ. А ты го – су – дарственная. Значит, ничья. С Зинаидой Гипиус одинаковые.

ЗИНАИДА РАЙХ (*на Есенина*). А у вас с ним стихи разные, не одинаковые.

КЛЮЕВ. Я видел звука лик и музыку постиг,

Даря уста цветку, без ваших ржавых книг.

ЗИНАИДА РАЙХ. Серёжа, Сергей Александрович! Почитай свои стихи какие-нибудь про осень. У тебя есть хорошие.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*сначала тихо, почти про себя, потом все набирая и набирая голосу, глядя невесте своей прямо в глаза*).

Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

ЗИНАИДА РАЙХ (*пристраиваясь к плечу поэта*). Неужели так уж плохо было тебе, Серёжа? Юность же светлое время.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

ЗИНАИДА РАЙХ (*приласкиваясь к нему*). А я? А я?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадёт трава.
Как дерева роняют тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

Энергично качнув головой и тут же затихая.

И если время, ветром разметая,
Сгребёт их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

На палубу из рубки своей выходит капитан – пожилой, небольшого росточка, в своей капитанской фуражке, с якорем. Молча слушает последнее четверостишие.

ЗИНАИДА РАЙХ (*Клюеву*). Ну как?... Каждому поэту только своё и нравится. Из семи нехороших человеческих качеств зависть всегда на первом месте, особенно у поэтов.

КАПИТАН (*подходя поближе*). И какие ещё, по-вашему, нехорошие качества у человека?

ЗИНАИДА РАЙХ. Да вот. Ложь, зло, ненависть, корыстолюбие.

КАПИТАН. Корыстолюбие – это что, жадность?

ЗИНАИДА РАЙХ. А дальше чревоугодие, прелюбодеяние.

КАПИТАН. И какие есть хорошие качества? Или нет их вовсе? У поэтов бывают только плохие?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*вступая в беседу*). Ну, что вы! Как можно? Особенно в поэзии. Вот они библейские качества... боже-

ственные... добро, любовь, истина, красота... Всё в душе кипит, борется чёрное с белым...

ЗИНАИДА РАЙХ. Странно слышать от такого светлого, гармоничного поэта... Был бы масон, еще ладно бы...

КАПИТАН (*обращаясь к ней*). А что масоны – нелюди? Что их так все боятся? Скрывают, не говорят о них, а втайне думают про них.

ЗИНАИДА РАЙХ. У нас император Павел I был даже магистром ордена.

КЛЮЕВ (*буркнув*). То-то его и задушили, кажется, подушкой... Среди всех, кажется, был и его собственный сын.

ЗИНАИДА РАЙХ. И сам Петр I если и не был масоном, так целый корабль привез их к нам сюда из Европы... Санкт-Петербург – масонский город... Весь в прямых линиях и в камне весь, почти без деревьев... Масоны-то в переводе – «каменотесы»... «Свобода, Равенство и Братство», – вот что начертано было на знаменах Наполеона. Император, скорее всего, был тоже масоном...

Сцена вторая

Те же, там же.

ЗИНАИДА РАЙХ (*продолжая*). Когда после Эльбы, во второе свое пришествие к власти, шел Бонапарт на Париж, по всему Провансу пронес он эти пламенные слова: «Либерте. Эгалите. Фратерните»...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. У нас и по Москве таинственных знаков хватает. Екатерина Великая выкорчевывала их, выкорчевывала – не выкорчевала. Александр I взялся... сам слетел... Николай I взялся – тоже слетел...

КАПИТАН (*поморщась*). Да откуда хоть вам все это известно?

КЛЮЕВ (*весело*). Ходят слухи тут и там. Ходят слухи там и тут...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Когда Пушкин был в Кишиневе, написал такие строки: «Здесь лирой северной пустыню оглашая, скитался я»...

Не будем трогать Пушкина. Имя поэта светло (*Зинаиде*).
Плывем с тобой на Соловки, на свадьбу? К тайнам древности
прикоснуться. К арийскости... Два перстня я приготовил – тебе
и себе. Темно-зеленый изумруд, как у Пушкина.

*Белый корабль бежит вперед и вперед по Белому морю –
туда, к Соловкам. Все стоят молча на палубе, слушают плеск
волн об острый нос корабля. Ожидают встречи с таинствен-
ным дыханием Атлантиды.*

КЛЮЕВ.

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,

Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Вишь, куда бреду я, Сережа? К тебе туда, в твои «цивилиза-
ции», к твоим поэтам: Никитину и Кольцову, Некрасову.

КАПИТАН (*Клюеву*). Откуда хоть сам-то, землячок?

КЛЮЕВ. Из своих бурчаг и медвежьих углов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
« К костру готовьтесь спозаранку!» -
Гремел мой прадед Аввакум.
Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?... Какая разница?...
Костры самосожженья...

*Засеверило. Ветер. Откуда-то с Севера – холодный, непре-
рекаемый.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Полюс близко. Дыхание Атлантиды.

И голос АВТОРА откуда-то с юга. От наших, как и Зинаида
Райх, из срединнорусских, тут едва вспоминаемых мест.

«Неупиваемая чаша», -

Так называется родник,
Откуда дух вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Когда наклонишься чуть-чуть,
Чтоб в зазеркалье пить свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь с небес отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет.
Как славна наша сторона!
Каков нам от богов привет!

КЛЮЕВ. Твои голоса все это, Серёжа, Серединная Русь.

КАПИТАН. Поэты, прямо какое-то состязание.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*мимолётно*). Как в Москве, в Политехническом бывает такое: состязание на звание «принца поэтов».

КЛЮЕВ (*оживясь*). Да что мне этот ветер, полюс!

Костры зажгу, сгорю в кострах!

Стихи мои уж позади, они из варварской груди. Глядишь, как птицы, полетели.

Набат сердечный чует Пушкин –
Предвечных радостей поэт...
Как яблоневые макушки,
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньей ряби, в запятой.
Моя душа, как мох на кочке!
Прогрета пушкинской пятой.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Один ты, Коля, друг у меня любезный, один. Станный, конечно, чудной, но ведь друг. Где ты видал еще кого-то, чтобы в литературе дружили? Пушкин сближает...

КЛЮЕВ (*вздыхнув*). И у него самого никого рядом не оказалось, не отвели руку от Пушкина тогда там, на Чёрной речке...

Да вот и эти... втроём ходят по Невскому... Маяковский Владим Владимыч в своей желтой кофте, Давид Давидыч Бурлюк – в красной, Крученых Алексей Елисеич...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да это они так рядятся... ряженные, как на маслену... А нас с тобой, Коля, деревня сближает, глухомани наши.

КЛЮЕВ. Какая у тебя глухомань? Это у меня моя Вытегра в пятистах верстах от железнодорожный дороги, а у тебя всего сорок и прямо в Москву.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Зато у тебя Вытегра – городок, а у меня что?

КЛЮЕВ. У тебя напротив дом Лидии Кашиной – фрейлины императрицыной? Сразу тебя повезли в Царское село, к Пушкинскому лицу...

ЗИНАИДА РАЙХ. Что вы спорите! Помните, юный Пушкин читал на экзамене: «Старик Державин нас заметил?...» А ты, Сережа, что бы прочитал императрице Марии Федоровне? Ну, прочитай, прочитай нам, не красней...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ну, может, это? Из моего первого сборника «Радуница». Но они не очень-то совершенные.

Лисица

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой строчкой кровь отмежевала,
В снег упала, как перед концом.

В глаз глядел в колючем дыме выстрел,
Колыхалася лесная топь.
Из кустов косматый ветер мыслил
Всыпать дробь ей, звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Есенин, приостанавливаясь: «Ну, хватит?» Метнув нервно взгляд по лицам.

КАПИТАН. Читай, читай. Жалостливые стихи!

ЗИНАИДА РАЙХ. Голос у тебя у самого дрожит, птичку жалко! А надо, чтобы люди слезу пускали.

КЛЮЕВ. Эхма, молоти, Серёжа! Выворачивай душу, дочитывай.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Желтый хвост упал в метель пожаром,

На губах – вчерашняя морковь.

Пахло смертью, глиняным угаром,

А в прищур сочилась тихо кровь.

Есенин совсем сникшим голосом.

На раздробленной приковыляла,

У норы свернулася в кольцо.

Так она одна тут и лежала.

Снился теплый снег перед концом.

Голос АВТОРА вместе с ветром с юга.

Ничего, ничего. Строчки кой-какие поправим, положим на музыку. И споём, конечно. На аудиокассету после запишем. На своего «япошу».

На все времена, чтобы люди слушали, и легче было, насыщенной жить.

Сцена третья

Там же, те же.

КЛЮЕВ (*подняв голову к небу, откуда слышится голос Автора*). Читай с этого боку – справа, а то с левого уха я недо-слышу.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Отчего?

КЛЮЕВ. С детства так. Спичкой барабанную перепонку проткнул. Мать самогонку варила. Пришёл я со двора да за крышку хватать. А оттуда огненный пар, и по лицу, по лицу... Да все в ухо, в ухо...

Обращаясь к Белому морю.

А ты чего расшумелось? Волны высишь, гремишь. Могло бы и помолчать. Не вишь, поэты вирши читают.

ЗИНАИДА РАЙХ. Подумаешь, шишка большая. Самое время языческим богам твоим погреть.

КЛЮЕВ. Кш, кш! (*взмахнув руками на волны, на пролетающих белых лебедей*). Кш, кш, туда в море – окиян!

И тут накатила волна еще выше, качнуло корабль, и Клюев, оскользнувшись на мокрой палубе, махнул за борт. Только пятки его и видали.

Ах-х-х! – так и ахнули все на палубе.

- Человек за бортом! – закричал капитан.

Зинаида Райх схватилась за поручень. Капитан побежал в свою капитанскую рубку давать сигнал. А Есенин стал сбрасывать с себя дорогой пиджак, приготовленный на свадьбу. Спихватился, бросил туда Клюеву спасательный круг. Затем стал снимать штаны.

Зинаида ухватилась за него, не отпускала.

Сергей ласточкой с борта кинулся в воду.

ЗИНАИДА (*заорав*). Двое за бортом!

Мотор чихнул еще пару раз и смолк. Спустили шлюпку, вытащили обоих на палубу.

КАПИТАН (*подойдя к ним*). Поэты! Как цуцки мокрые! Этот (*на Клюева*) еще ничего – свой тут, язычник. А вот вы, Сергей Алексаныч, вы-то чего туда за ним следом? И без вас бы вытащили это бревно (*на Клюева*).

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Друг же мой, закадычный.

КАПИТАН. Где вы так научились, Сергей Алексаныч, с водой обращаться-то?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да на Оке. Лет семь тогда было мне. Отец в Москву, бывало, уедет на заработки, а мать моя деду на лето отдавала меня. А дед был, Никита, и лихой же, ого! И еще жили с ним два сына. Оторви да брось. На охоту, бывало, на уток с ружьишком ходили. Ну, и я увяжусь за ними. Они утку, бывало, подстрелят, и меня вместо собаки в воду за уткой – тащи им сюда. А закапризничаеть – хворостиной или по морде кулаком.

Вот и рос я таким, отчаюгой. Низкорослый и озорной...

- Бррр, - зуб на зуб не попадает Сергей и одевает на себя впопыхах сухую одежду – пиджак свой свадебный и штаны на-оборот – задом наперёд.

Появляется капитан. Веселясь, подает Сергею свою капитанскую фуражку:

- На-ка, погрейся.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Привык и так перед всеми быть златоку-дрым.

Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли...
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

КАПИТАН (*доставая из-за пазухи бутылку*). Сейчас будем греться по-нашенски, изнутри (*Клюеву*). А ты чего стоишь? Давай-ка садись под него (*на Есенина*), бери на закорки, бегай по палубе, живо согреешься. Море вздумал ругать. С морем надо ладить. А еще поморы мы, да, олонецкие?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*приняв стопарик, на дружка своего Клюева*). Землячок! От железной дороги за пятьсот вёрст, а уж от Белого моря незнамо сколько.

КЛЮЕВ. У нас тоже река. Широка. Не хуже твоей Оки у Константиново. (*Дрогнувшим голосом*). Спасибо тебе, Серёжа!.. Я стихи тебе сочинил, целый цикл посвятил.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Что – прямо сейчас наклепал?

КЛЮЕВ (*застеснявшись*). Уж давно! Как увидел тебя, так все пишу и пишу.

ЗИНАИДА РАЙХ (*подлетая к нему*). Ну почитай, почитай.

КЛЮЕВ (*Сергею*). Читать?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Валяй.

КЛЮЕВ (*откашлявшись, строго*). Поэту Сергею Есенину.

Цикл.

Изба – святилище земли,
С запечной тайною и раем;
По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем.

На грядке веников ряды –
Душа берез беденоустых...
От звезд до луковой гряды
Все в вещем шепоте и хрустах.

Земля, как старище – рыбак,
Сплетаёт облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*аж присев*). Ох!

КЛЮЕВ (*метнув острый глаз*). Что, Сергей?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Хорошо!

КЛЮЕВ (*продолжая*). Провижу я: как в верше сам,
Заплещет мгла в мужицкой длани, -
Золотобревный, отчий дом
Засолнцевет на поляне.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ох, ох, очень, очень! «Золотобревный,
отчий дом».

КЛЮЕВ (*смеясь*). Пшеничный колос-исполин
Двор осенний целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат –
Твои певучие чернила.

ЗИНАИДА РАЙХ (*подбегая к Клюеву и бросаясь ему на шею*).
Твои певучие чернила,
Твои певучие чернила!
Сергей! Тебя не хуже.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да, лучше, лучше! Как хорошо, Колюня!
И где же ты так научился, от кого?

КЛЮЕВ (*скромно*). От тебя, Серёжа Есенин. Осенний, зем-
ляной ты наш, деревенский. Избяной, золотобревный.

КАПИТАН. Да, ребята. А ещё потом многое пойдёт от вас. Потому как самое дорогое, что есть у нас... я так понимаю... это наше русское слово, наша родная речь... По этому Белому морю еще будут плыть и плыть корабли...

АВТОР. Так и будет. И если Сергея Есенина назовут «золотым поэтом России», то тутошнего, олонецко-вологодского поэта Николая Рубцова назовут потом «серебряным голосом» России, северным сиянием.

Сцена четвертая

Капитан в рубке. По сторонам его – Сергей Есенин и Николай Клюев.

КАПИТАН (*всматриваясь в дымку впереди*). Видите что? Тоже корабль. Военный. Провижу: на нём будет служить матросом Николай Рубцов! Тоже ведь из глухомани. И ему надо добираться до железной дороги пешком. А отчего ж тогда у него такие тонкие, «цивилизованные» стихи? Оттого что, как помор, ходил по морям? На Соловки – в Атлантиду. Из Атлантиды – домой. Дорогу домой помни, не забывай...

Вот он, поэт! Я вроде вижу, я слышу голос его со встречного корабля...

ПРИЗРАК НИКОЛАЯ РУБЦОВА.

Положил в котомку сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль
Хлеб не взял.
- Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! –
Всё же бабка
Сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
- Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несёт...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*услышав слова Николая Рубцова*).

О Господи, как хорошо! Хорошо жить на свете.

ПРИЗРАК НИКОЛАЯ РУБЦОВА (*прибодраясь, в голос*).
Все вместе поём мы одно: родную русскую речь.
ГОЛОС АВТОРА. На рубцовские слова на мою мелодию.

В минуты музыки печальной

Я представляю желтый плёс.
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз.

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно пора понять настало,
Что слишком призраки люблю...

Как буден вечен час прощальный,
Как будто время не при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

ЗИНАИДА РАЙХ (*появляясь в капитанской рубке*). Что вы,
поэты, делаете тут, что?

КЛЮЕВ. Да вот он (*показывая на Сергей Есенина*) читает
стихи.

ЗИНАИДА РАЙХ. Чьи, свои?

КЛЮЕВ. И свои тоже.

ЗИНАИДА РАЙХ. Почитай, Серёжа. Умоляю, прошу.

*Пауза. Слышно, как корабль режет острым носом волну.
Приветствуя их долгим, протяжным гудком, мимо проходит
встречный корабль с поэтом Николаем Рубцовым на борту и
исчезает во времени.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «**Сукин сын**».

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.

Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен.
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

ЗИНАИДА РАЙХ (*Есенину*). Серёжа, это ты про Рубцова?
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Нет, это я про себя. Это я – сукин сын.
АВТОР (*издалека*). О Русь! Взмахни крылами.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*Клюеву*). Взмахни крылами и ты, Коля.
Читай.

КЛЮЕВ. Мы, как Саул, искать ослиц
Пошли в родные буераки
И набрали на блеск столиц,
На ад, пылающий во мраке.

И вот, окольную тропой,
Идем с уздой и кличем: сивка!
Поют хрустальною трубой
Во мне хвоя, в тебе наливка –

Тот душегубый варенец,
Что даль рязанская сварила.
Ты – Коловратов кладенец,
Я – бора пасмурная сила.

Таран бумажный нипочем
Для алмазковой кольчуги...
О, только б странствовать вдвоем,
От Соловков и до Калуги.

ЗИНАИДА РАЙХ. На Соловки плывем, а вы про Калугу, Рязань. Как будто там где-то ваша душа, а сюда вас тайно ведут какие-то тайные, непонятные силы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да, тайные, да, непонятные силы. Мы с ним (*кивнув на Клюева*) что-то знаем о Соловках... Скажи, Николай, Зинаиде, что ты знаешь об Острове?

КЛЮЕВ. Словами больно долго рассказывать, лучше стихами.

Нескоро починка и стег неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу...
То Индия наша, таинственный ужин,
Звонящий потирами в красном углу.

Сцена пятая

Там же, те же.

КЛЮЕВ (*продолжая*). Помнит моя подоплека
Жёлтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездочетного Нила
В шорохе слышен моём.

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

ЗИНАИДА РАЙХ. Ты, Николай, как Лермонтов.

КЛЮЕВ (*насторожась*). Чем это? Или как Шота Руставели?

ЗИНАИДА РАЙХ. Шота называет Тариела на Кавказе «индийским витязем». А ты тут, на Севере, «помор, как витязь, в медвежьей шкуре», тоже все Индию поминаешь. Веди, веди, хозяин, на свои Соловки.

КЛЮЕВ. Ну да, это я так.

Пусть стол мой и лавки-кривуши-
Умершего дерева души –
Не видят ни гостя, ни чаш, -
Об Индии в русской светелке,
Где все разноверья и толки,
Поёт, как струна, карандаш.

Появившись незаметно, капитан стоит, слушает разговор.

КАПИТАН. Ключевое слово «Индия». Всё Индия да Индия вам, а плывёте-то на Соловки. В чём дело, товарищи?

КЛЮЕВ (*на Сергея Есенина*). Вот его спросите: почему он держит путь с невестой на Соловки? На Соловках едет играть свою соловецкую свадьбу. Он это лучше нас тут всё знает.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Капитан! Друзья мои! (*обращаясь к Зинаиде и Клюеву*). Легенда такая существует или, может, научная гипотеза, версия. Когда-то тут, на Соловках, было тепло. И жили-были тут анты, атланты, что-то вроде того. То ли пришельцы на землю из космоса, то ли остаток от прежней земной цивилизации. В общем, высокоразвитая ветвь человечества. Историк Геродот связывает её с Антлантидой, есть адрес: она где-то за Геркулесовыми Столбами. А ищут люди её угодно: в Средиземном море около Греции, и за Гибралтаром в Атлантике, и где-то в районе Бермудского треугольника, в Вест-Индии... Одним словом, пирамиды, как в Египте, и другие следы... Мне лично кажется, это была такая цивилизация, разбросана всюду... по всем адресам... и тут в том числе...

КАПИТАН. Друзья мои, почётные мои пассажиры (*пожимает Капитан руку Есенину и Клюеву, кивнув Зинаиде Райх*). Мы скоро расстанемся, разойдемся с вами, как в море корабли. Вон уже и Соловки, Большой Соловецкий остров: Кремль на траверзе, шпиль соборный, стены монастыря... Такое большое событие у вас, Сергей Александрович, и у вас, Зинаида. Предстоящая свадьба...

Я вас поздравляю. И хочу пригласить вас всех (*отдельно кланяясь Клюеву*) к себе, в капитанскую каюту. Там уж накрыли нам столик. По рюмашке примем, закусим чем бог послал. Не возражаете? Там и доскажете легенду, Сергей Александрович...

- Не возражаем, - едва улыбнулся Сергей Есенин, как Клюев подтолкнул его под локоток. - Вишь, за стеклом мелькнул кто-то в чёрном...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*мигом очистясь от благости*). Чёрный человек?

КЛЮЕВ (*шепотом*). Незнакомец. Я давно уж заметил... Особо не пьем. Так, символически - по рюмашке, и ша. Скоро сходить на берег. Жукни Зинаиде, чтобы тоже не расслаблялась...

Переходят в капитанскую каюту.

Все прежним составом в капитанской каюте.

КАПИТАН (*с радушием хозяина*). В тесноте, да не в обиде.
Откупоривает бутылку.

Ну, за счастье молодых! За их долгую совместную жизнь! За их детей... Присядем, друзья. Ну, и что там у вас в конце концов, Сергей Алексаныч, с атлантами этими?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А ничего. Просто наша Земля кувыр-кается. И тут случилось... исторически так, в эпохах... да, в эпохах... и тут случилось резкое похолодание. Льды пошли, оледенение и прочее. И атланты эти наши дальние предки – отправились отсюда на юг. По Уралу, Уральскому хребту. Еще ниже – Аральское море... Чуете слова – Урал, Арал, арии?.. Ну, и одна ветвь оказалась где-то на самом конце земли, у дравидов в Индии... В общем, в Индии, в их древнем эпосе «Ведах», и существует эта легенда о Белом, Счастливом Острове где-то на Севере, откуда некогда вышли их предки...

Обращаясь к Клюеву. Коля, ты у нас словотворец. Словами играешь, как мячиками. Поиграй-ка перед нами этим таинственным словом «Веды».

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ (*врастяжку*). Да что там, да ничего тут такого... Ну, «Веды» - от слова «ведать», «известие», «знать». О чем знать? Вот что самое главное.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Вот об этом люди и хотят знать. О своей связи с атлантами, о божественной связи с небом, откуда, возможно, на землю явились атланты...

КАПИТАН (*засмеявшись*). Ну, поэты! Вам только дай ниточку, вытянете рукав и всю, как у Гоголя, красную свитку...

КЛЮЕВ (*вновь подтолкнув Есенина под локоток*). Вишь, тень – кто-то в чёрном... мелькнул в иллиуминаторе...

АВТОР. Кто-то сначала едва слышимо, а потом уж слышно всем, поскребся в дверь капитанской каюты.

ЗИНАИДА РЕЙХ (*не выдержав*). Что это, капитан? Призраки какие-то, тени...

КАПИТАН (*отмахнувшись*). Да так, ничего особенного. Как у нас в Одессе говорят.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*резко*). Так вы одессит, капитан? А тут плаваете, на северах?

КАПИТАН (*вздыхнув*). Одессит. Родился на Ланжероне.

ЗИНАИДА РАЙХ (*настороженно*). И все-таки кто же это скребется в дверь, капитан?

КЛЮЕВ (*на ухо Есенину*). И кто-то в чёрном, Сережа, опять мелькнул в иллюминаторе.

ЗИНАИДА РАЙХ. У Сергея Есенина, кажется, есть поэма такая «Чёрный человек»? Или, может, повесть у Чехова?.. Почитай, Сережа, что-нибудь почитай...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*уклончиво*). Когда читать-то? Уж берег вот он, скоро сходить. Капитану в рубку надо, не то налетим, как говорят, на скалы.

ЗИНАИДА РАЙХ (*настойчиво*). И все-таки, капитан. Что это у вас тут в дверь поскреблось, поскреблось и исчезло.

КАПИТАН (*засмеявшись и махнув куда-то в пространство*). Да так, блажь моя... Кота завел черного, крыс ловить... С детства книг начитался, мол, крысы, если что не так, первыми бегут с корабля... Вот я и завел себе тут чёрного кота. Чтобы крысы особо не разводились, ходором чтоб не ходили.

А то крысы эти, как гадалки. «Дай погадаю! Дай погадаю! Позолоти ладошку – судьбу предскажу». А зачем мне предсказанья? Когда знаешь срок своей смерти, живешь со страхом в душе, а зачем?..

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*вставая*). Ну мы пошли, Капитан! Спасибо.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большой Соловецкий Остров. У Кремля. Берег Белого моря. Знаменитый Лабиринт – древнейшее сооружение из камней-валунов, сохраняющееся в веках.

Сцена первая

У Лабиринта трое: поэты Сергей Есенин, Николай Клюев и Зинаида Райх – невеста Есенина. Все трое прибыли сюда на свадьбу Сергея Есенина с Зинаидой Райх, на их соловецкую свадьбу.

Дело к осени, но на Соловках сине и золотисто, тепло и безветренно.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Празднично как-то. Умиротворение разлито. Будто природа знает, что приехал сюда великий русский поэт Сергей Есенин со своей невестой.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. И хозяин всех этих мест, из зырян – поморов, замечательный русский поэт Николай Клюев – мой друг закадычный.

ЗИНАИДА РАЙХ. Как-то пустынно тут, Пустозёрск. Ни колокола не звонят, ни народ не ходит. В монастырь – из монастыря.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*вглядываясь в глубь острова*). А ведь когда-то тут, у монастырских стен, проводились ярмарки. Со всего Русского Севера съезжались. И не только торговлей занимались, товарообменом...

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Дед мой тут скоморошничал со медведем-плясуном. Пел частушки, показывал людям свое словотворчество.

ЗИНАИДА РАЙХ. А вам с Серёжей и некому себя показать... Читала в газетах, монастырь Соловецкий новая власть ликвидировала, монахов куда-то сослали...

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. А куда еще-то ссылать? Край земли. Дальше только Северный полюс.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. В Пустозёрск, к протопопу Аввакуму. К самосожженцу.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Да нет, самосожженцы – это другая, особая часть православия. Двумя перстами крестятся. Как и дед мой, отец...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Язычники?

ЗИНАИДА РАЙХ. Значит, попали мы на Остров в безвременье? Старое проиграли, новое еще не пришло, не знают, чем старенькое заменить.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Продумают что-нибудь.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Сногшибательное.

ЗИНАИДА РАЙХ. Золотобрёвное. Где же мы, Серёжа, будем с тобой венчаться-то?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Кто нам будет служить?

ЗИНАИДА РАЙХ (*тут же успокаивая поэтов*). Ничего, ничего, друзья мои. Люди тут есть. Вон женщина пошла на посёлке, вёдра понесла на коромысле.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Идиллия. А это Лабиринт. Валуном его тут называют, сколько ему веков? Оторопь берёт, что он знает, что видел. Каменные круги, числа тайные, переходы... Давайте походим в нём...

Зинаида Райх приближается к воде, что плещется о берег.

ЗИНАИДА РАЙХ. Друзья! Нет, вы только взгляните! Глубина какая, прозрачность! Это же водоросли, морские водоросли – ламинарии! Морская капуста. Ехать сюда – готовилась, начиталась о Соловках. Такие водоросли водятся значительно южнее – на Балтийском море, да ещё где-то на Дальнем Востоке, в заливе Посьет...

Пишут, ламинарии эти используются в пищевой, парфюмерной промышленности, не дают продуктам быстро сохнуть, ссыхаться... берут такие продукты в экспедиции...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А я всё за своё: походим, походим по Лабиринту.

ЗИНАИДА РАЙХ. Походим-походим.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Гуськом – гуськом.

ЗИНАИДА РАЙХ. Итак, вопрос к каждому. Задумайтесь: нормальны ли вы?

Есенин, за ним Клюев едва двинулись по Лабиринту, приостанавливаются, стоят в нерешительности.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*щёлкнув Клюеву по носу*). Какие же мы нормальные? Мы – поэты.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. И чем ненормальнее, тем талантливее.

ЗИНАИДА РАЙХ. Так можно и до сумасшествия докатиться. Что же Серёжа ненормальнее тебя, Николай?..

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ну, вошли в Лабиринт! Встали в затылок друг другу. И пошли по виткам времени, по Лабиринту.

И они пошли – все втроем. Гуськом по виткам, по эпохам.

АВТОР. И откуда-то свыше, из небесных сфер, заморосило, грянула музыка сфер. Переливчатая такая, необыкновен-

ная, странная. Волшебство какое-то. То ли от звуков, еще сохранившихся от скоморошьих припевок-частушек на той еще Соловецкой ярмарке. «Слышишь, Клюев? От твоего деда с медведем-плясуном катятся звуки сюда, как горох». – «Клюев: «Слышу, слышу тебя, диду! Слышу, слышу тебя»». – Есенин: «Слышишь, слышишь, мать Медведица! Полярная звезда вокруг тебя крутится, вертится»»...

И тут ритм сменился, музыка пошла другая. А какая, какая?

АВТОР. А такая-сякая, однако тоже волшебная. Как будет ещё только, будет! Это все Аристотель придумал свою «машину времени» - времена уже не витками, а в перепутанном виде. То будущее, то прошлое, а то настоящее и опять-таки будущее... вперемешку... когда и что надо там кому-то, в высших сферах, эта музыка исходит из фильма Феллини «2 ½».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А чего «2 ½», чего оттуда хоть?

АВТОР. «Я, к примеру, пол-второго ночи родился – ночной, а сын у меня пол-12-го дня. А все равно мы дневные. Потому что фамилия у нас такая, общая, как у Чиполлино. и мы все Золотаревы: и отец, и сын, и мама, тоже Чиполлино. Как от лука, что ли? А Золотаревы – это дневная, солнечная, золотая фамилия. Потому что и тут, и там есть сочетание «оло». А у Солнца тоже есть «оло» (солнце – солонце), а оло – от «аро», «аро», «ар» - проверяется на арийскость. Значит, мы тут свои, соловецкие...

Но тут подул ветер. От близкого Северного Полюса и изменил картину, перевёл её в натуральную жизнь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*оглядываясь по сторонам*). Видите? Шли, шли по Лабиринту, и в тупик зашли. Стенка. Надо возвращаться, искать другие пути... Так вот целые века Россия и блудит, ходит по Лабиринту...

АВТОР (*вскользь*). 21-й век. Пора по Лабиринту... возвращаться обратно, к Серебряному веку.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ (*оттуда*). И что будем связывать с Серебряным веком - себя? С тем временем, что впереди, позади?

ЗИНАИДА РАЙХ. Связать-то, может, время и свяжут, да не каждый в той «вязанке» окажется. Ты, Сережа, окажешься.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А Клюев?

ЗИНАИДА РАЙХ. Пусть стихи почитает.

КЛЮЕВ. Какие?

ЗИНАИДА РАЙХ. Подходящие.

КЛЮЕВ. Из подвалов, из тёмных углов.

От машин и печей огнеглазых

Мы восстали могучей громах,

Чтоб увидеть все небо в алмазах.

Город-дьявол копытами бил...

Обручились мы с пламенным гневом,

Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы...

Мостовые расскажут о нас...

Сцена вторая

Там же, в каменном Лабиринте.

ЗИНАИДА РАЙХ (*Клюеву*). Ну доскажи, доскажи, голубчик, свое – кержачье, затаенное.

КЛЮЕВ. Камни знают кровавые были...

В золотой победительный час

Мы сраженных орлов хоронили.

ЗИНАИДА. И еще, Николай, одну строчку. Для двоеперстия. Два на два - четыре.

КЛЮЕВ (*глядя вопросительно на Есенина*).

Мостовые расскажут о нас.

ЗИНАИДА (*Сергею Есенину*). А теперь ты читай, Сережа. Да такие, чтобы, ведя нас по Лабиринту, доводили до выхода.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*раздумчиво*). Ну какие стихи? Может, эти?

Несказанное, синее, нежное...

АВТОР (*голосом откуда-то со стороны*). Читай, читай, поэт! Они у меня уже в музыке, я уже их пою.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз,

И душа моя – поле безбрежное –

Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая

(Л.М.З. – В этой книге Русь-тройка: Пушкин – Гоголь – Есенин) прокатилась во всю страну.

* * *

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители.
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа! Мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году –
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

ГОЛОС АВТОРА. Эта песня и вывела всех троих из соловецкого Лабиринта.

КЛЮЕВ. И куда мы теперча?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. В Храм. Зачем сюда мы ехали? Обручаться.

Подходят к Соловецкому монастырю, ворота закрыты. Огромный такой пудовый замчище. Подняли голову на соборные маковки, а там вместо золота одни грачи на крестах. И вокруг ни души. Грачи, как бесы, с креста на крест, с крыши на крышу попрыгивают – перепрыгивают да черные перья роняют, темные силы тревожат.

КЛЮЕВ (*решительно*). Не может этого быть, чтобы ничего светозарного не осталось. Непременно что-то божье должно сохраниться.

ЗИНАИДА (*встревожась*). Что же с Сергеем у нас ничего не получится?

КЛЮЕВ. Идем искать святых людей. Когда-то бывал я тут... паломником... Идем на Дамбу. В нескольких километрах отсюда. Соединяет Большой Остров с маленьким Муксалмой. Там скит. Извечно там монахи – затворники. Еще со времен Савватия – основателя Соловецкого монастыря, монах приплыл сюда от Карелии в XV веке.

* * *

Выходят из Лабиринта и присаживаются тут же на большой камень – валун. Зинаида Райх раскрывает хозяйственную сумку с продуктами, которые они везут еще от Москвы, в поезде не тронули, ели-пили другое. Зинаида стелет салфетки – каждому. Нарезает хлеб, сыр, колбаску, кладет яблоки.

КЛЮЕВ. Как в ресторане.

Есенин замечает длинное темное горло бутылки, торчащее из Зинаидиной сумки. Энергично трет ладонь о ладонь, так что из ладоней сыплются искры.

ЗИНАИДА (*набросив на бутылку салфетку*). Всякому овощу свое время.

Со стороны моря раздается резкий протяжный гудок. Это из залива – губы, врезающейся к самой стенке Соловецкого монастыря, выходит корабль, который привез их сюда.

ЗИНАИДА. Капитан прощается с нами, одессит.

Поэты машут вслед кораблю.

КЛЮЕВ. Пошел в Одессу, на свой Ланжерон.

Есенин, взглядываясь туда – за стволы соседних берез.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А следы Капитан тут оставил.

ЗИНАИДА (*насторожась*). Что оставил?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Что-то чёрное за березой. Чёрное-чёрное за белым стволом.

КЛЮЕВ. Чёрный человек.

ЗИНАИДА (*Сергею Есенину*). Где он, этот ваш Чёрный человек, я не вижу. Вы какие-то ненормальные. Видите, чего нет в самом деле.

КЛЮЕВ. Мы – поэты.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да вон же он, вон! Пошёл вразвалочку. Враскачку, матросской походкой.

ЗИНАИДА (*вручая Есенину самое большое яблоко*). Осеннее полосатое – «штрифель»... Да, матросская походочка есть, а матросика нет, не вижу.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*озадаченно*). Как это? Походочка есть, а матроса нет.

ЗИНАИДА (*рассмеявшись*). А где же видите Чёрного человека? Береза есть, а Чёрного человека нет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Зато стихи есть, стихия слов, и это факт уже неопровержимый.

ЗИНАИДА. Ну читай. Что-нибудь...

КЛЮЕВ. Подходящее?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «**Просто песня**». Знаю, кто-то будет петь потом эти «двоперстия», двоестишия...

И читает стихи.

А Автор поет их, положенные на свою мелодию.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ.

Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, росла – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось – сталося, сам не понимаю.
Ночью жёсткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется – обнимаю милую.

Сцена третья

Там же, те же.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*продолжая*).

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поётся внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха –
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвёл, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, была – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Эх раз, ещё раз!

Еще много-много раз!

Песня понихидная по моей головушке.

ЗИНАИДА (*Клюеву*). Ну, что нальем Сергею, что ли, наливочки? Чтобы пелась ему просто песня, а не панихидная по своей головушке.

* * *

ГОЛОС АВТОРА (*откуда-то со стороны*). И все втроём гуськом, в затылок друг другу, как ходили по Лабиринту, так и отправились отсюда, от Соловецкого Кремля, на Дамбу, на малый островок Муксалму, где находится древний, моховой Скит. В нем непременно должен быть священнослужитель, к которому можно было бы обратиться со своей просьбой.

Дабы не было разочарования от поездки на Соловки.
*Дорога имеется на Муксалму. Шли-шли по ней, а тут стежка
налево. Отвлекающая тропа. Не выдерживает Сергей Есенин,
идуший первым, сворачивает на нее. А за ним следом свернула и
Зинаида, Клюев за ней. За березовой рощей глазу открывается
широкое такое, зелёное такое луговое пространство.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Вода захлюпала под ногой. Болото. Болотистая местность...

КЛЮЕВ. Знаю, знаю! Всегда, с незапамятных времен, ещё дед рассказывал, наведывался ведь на Соловецкую ярмарку, сюда ходили по ягоду. По бруснику и клюкву. Брусника – «царская» ягода. Туесы с брусникой, бывало, отсылали в столицу, к императорскому двору...

Идут и идут они по тропе. Потом тропа развеялась на более мелкие стежки, а вскоре стежки и вовсе исчезли в луговом пространстве болот.

ЗИНАИДА (*ступая с опаской*). Не утонуть бы.

КЛЮЕВ. Не утонем. Вишь, земля какая – упругая, твёрдая.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Красота-то какая! Зелень да зелень, а на зеленом, как в туесочке, ярко-алое – это брусника... А вот потемнее – бордовое: клюква... Брусника и клюква, клюква и брусника...

Читает нараспев. Царская ягода, царская ягода.

Клюква с брусникой переплелись.

Где-то вдали тайландская пагода,

Мы из Рязани сюда добрались...

КЛЮЕВ. Стихи пошли, что ли, опять покатались?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да это я так, для разминки. Голос пробую. Кто-то откуда-то мне его подаёт... Видишь, по стежке ходил тут народ...

Наклоняясь и в ладошку. Наклоняясь и в ладошку. А с ладошки и в рот себе. Отсыпает от себя, от своего Зинаиде.

СЕРГЕЙ. На, Зинаида, попробуй.

ЗИНА. Я сама.

И в ладошку, и в рот себе. Набрала и Сергею:

- На-ка, с моей ладошки.

И втислась ему в его мокрые, сладкие, алые губы. Намертво присосалась.

КЛЮЕВ. Горько, да?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Идем к священнику. В скит. Где он на жёрдочке сидит.

ЗИНАИДА РАЙХ (*иронично*). Сидит и бдит?

И смело пошла по болоту – по тонким ягодным местам.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*раздраженно, вслед ей оборотясь, Ключеву на неё*). Бродячая собака.

КЛЮЕВ. Сочувствую. Только зачем тогда тут мы с тобой?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А она?

КЛЮЕВ. Она – женщина.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А мы с тобой... Серебряный век... (*И резко*). Ну хватит!.. Зина-а, Зинаида-а!.. Идем же, идем туда вон – на Дамбу, соединяющую берега, идемте все втроём на Муксалму...

* * *

ГОЛОС АВТОРА. На плотине из больших литых валунов, сброшенных в воду, проходит дорога на Островок. Справа и слева - вода. Спокойная и прозрачная, все насквозь видеть, как на Байкале.

Есенин останавливается и с усилием взглядывается в самое дно, пытаясь разглядеть в гольшах судьбу.

ЗИНАИДА РАЙХ. По этой дороге проходили века. Верующие монахи и монахи – безбожники. Бездари и таланты... Если бы чужеземные корабли захватили Соловки, могли бы ступать и римские легионеры...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*иронично*). Н-да? Ты так считаешь? И тогда бы из Древнего Рима своего первого ссыльного поэта Октавиана сослали бы на Север не Причерноморья, в Одессу, а сюда бы – на настоящий Север, на Соловки...

КЛЮЕВ. Видите? Дорога с Дамбы выше, все выше, а там дом златобрёвный взбирается ввысь – это Скит. Может, там и живет этот Октавиан, ссыльный поэт?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Нет, это монах-схимник, пушкинский образ... «и пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья

переписывает»... Пушкин нашел образ в Ярославле, в соборе, склоненном набок, как Пизанская башня...

Они стучат в дверь. Стучат и стучат. Наконец, дверь с собачьим рычанием отворяется. Выходит моховой старичок. Лицом серый, в чёрных одеждах.

КЛЮЕВ. Кто ты, отец?

МОХОВОЙ СТАРИЧОК (*щурясь на свет божий*). Пимен я, монах.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*выступая вперед*). Приехали вот издалече. Я – из Рязани, она – из Орла. Обвенчаться хотим, обвенчай.

Монах впускает их в келью.

МОНАХ ПИМЕН. Что – в России храмов нет?

КЛЮЕВ. Там, отец, теперь одни атеисты. К тебе вот пришли. Вспомнили про этот Скит.

ПИМЕН. Не могу... Не умею... Не знаю... Вы, что ль, спятили? Это же Скит. Я – затворник.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Значит, душу хранишь... сохранился... еще человек.

ЗИНАИДА. Распиши ты нас, человек.

ПИМЕН. У меня и бумаги-то нет. Никакой. Ни бумаги, ни стела церковного...

КЛЮЕВ. Вот блокнот тебе. Мы поэты, это те, отец, кто пишет стихи.

Кладёт блокнот на стол перед монахом.

ПИМЕН. А сами-то на чем писать будете?

ЕСЕНИН. В памяти будем хранить. Как цыгане. Устно будем хранить свою речь. У тебя, отец, распишемся, у тебя блокнот и оставим

МОНАХ. Тут оставите?

СЕРГЕЙ И ЗИНАИДА. Тут.

МОНАХ ПИМЕН. Ну давайте.

Ставит крест на блокноте во весь лист. Молодые расписываются под ним. Монах смотрит на Зинаиду.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ничего-ничего, отец. Да, я еврейка, но «выкрест» я. Веры-то православной.

Сцена четвёртая

Там же, те же.

ПИМЕН-МОНАХ (*перекрестив молодых щепотью*). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Боже, милостив буде мне грешному.

Кладя поклон в угол, где горит лампадка.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,

Молитве ради Пречистые Твоя Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь.

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Прочитав молитвы. Старец достаёт из поставца кусочек хлеба и даёт его молодым.

КЛЮЕВ. А чего не крестишь?

ПИМЕН (*Есенину*). Как зовут-то тебя, Сергей? Хорошего, духовного звания... Сергей из Радонежа. А тебя? Зинаида? Значит, Зевесова рода. Царской власти. Вы пришли сюда ко мне, на Соловки, как к Богу пришли сюда, к Иисусу. А зачем? Грешники вы, поэты. Вы пришли сюда с покаянием? Покаянные вы пришли сюда к Господу Богу перед Судным Днем? Господь справедлив, он отпускает грехи ваши... Идите, поэты, ведите за собою людей...

Старец крестит им след.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*кланяясь старицу, читает вслух, нарасспев*). Из моего – о Боге

Шел Господь пытатъ людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дубраве,
Жамкал деснами зачверстевшую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с клюшкою железной,
И подумал: - Вишь, какой убогой.
Знать, от глада шаток так, болезный.

Подошел Господь, скрывая муку:
- Видно, сердце разбудил и будишь.

Протянул старик сухую руку.

- На, пожуй... маленько крепче будешь...

КЛЮЕВ (*завопив*). Ой – ой – ой!

СТАРЕЦ. Чего тебе дерёт?

КЛЮЕВ. Да в ухе левом. Как застряло, так и сидит. Звенит тонко, на самой высокой ноте.

СТАРЕЦ. Небось, двумя перстами крестишься. Тоже кержак, из «сталоверов».

Сказал это и на том отвернулся.

Назад дорогу старец Пимен показал им вдвое короче. Через лес, так скорее дойдешь до Кремля.

* * *

Возвращаясь, снова проходят они через Дамбу. Берут левее, на ту дорогу, которую показал им Пимен.

Идут через лес, мимо белых берез. А с берез этих уже сыплется на плечи листва. Кое-какие листья сухи, пожелтели. Все втроем идут они, как и шли сюда, друг за другом.

КЛЮЕВ (*приостановясь*). Эй вы, молодые, молодожены! Кто хоть вы опосля Муксалмы?. Целовались бы, что ли? Обнимались бы, миловались бы... А вы идёте отсюда, как шли сюда...

ЗИНАИДА (*Есенину*). Серёжа, скажи ему что-нибудь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*в сторону*). Как это он сказал? Пришли сюда не на свадьбу, а ради покаяния... Хорошо, так оно и есть... «Борода» померкнет предо мной, жены-мироносицы проклинать перестанут...

ГОЛОС СВЫШЕ. Есенинское.

Ну целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселья не для нас.
Понимай, мой подружка,
На земле живут лишь раз.

Увядаящая сила!
Умирать – так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

И, чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас –
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

*И тут где-то в стороне грохнул выстрел! Пробежал громом
по макушкам деревьев!*

ЗИНАИДА (*запнувшись*). Охота, что ль? На кого?

Пролетела крупная ярко-пестрая птица.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Глухарь, да?

КЛЮЕВ. Глухарь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Откуда хоть он тут взялся? Ведь это же
Остров, вокруг Белое море.

КЛЮЕВ. Тайна, покрытая мраком неизвестности, да, Зинаида?

ЗИНАИДА. Какая там тайна. Птица может лететь десятки,
сотни вест над морем. Например, белые лебеди или дикие гуси.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Гуси – да, а глухаря - нет. Святые места,
намоленные. Грешить тут грешно...

КЛЮЕВ. Архимандриты тут жили. Поесть любили. Развели
рыбу в ставке, ягоду – в саду... Ну, скорее всего, и глухарей
завезли... для своего стола, для охоты... грехи снимают эти ме-
ста...

ЗИНАИДА. Ну, и кто же теперь тут охотится?

КЛЮЕВ. Да те же, что за «царской» ягодой сюда приезжали.
Одни из Архангельска, другие с того, карельского берега.

Пам!.. Пам!..

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. И опять выстрел за выстрелом. Из «дву-
стволки» кто-то садит. Грешат люди, греховодники.

КЛЮЕВ. Из «тозовки»

ЗИНАИДА. Что это – «тозовка»?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Тульский оружейный завод.

ЗИНАИДА. Что их тут море, что ль, глухарей? Бах да бах.
КЛЮЕВ. То ли еще будет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Слава богу, не утки. В болото не надо лезть.

ЗИНАИДА. От чего слово такое – «глухарь»?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не слышит. Когда глухарь токует, хоть руками его бери.

ЗИНАИДА. И вы такие, поэты. Токуете все, глухари. Вас обкладывают, а вы не слышите.

КЛЮЕВ (*насторожаясь*). Кто нас обкладывает, где?

ЗИНАИДА. Город! В деревню вас назад загоняют, в болота. В грехи.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ты сама-то из Армавира. Там что – болот нет?

ЗИНАИДА (*рассмеявшись*). Там море низко, Тамань близко. Когда-то ушло на дно моря греческое поселение, и сократилось население.

КЛЮЕВ. А тут наоборот, из моря выпер берег, взлетел вулкан, как жерех... Тут, на Соловках, есть такая гора Секирная, навроде вулкана... А может, и не вулкан, а, Сергей? Может, это люди его наносили руками? Курган это над могилой вождя?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А у вас, Николай, в Олонецкой губернии есть такие курганы? Или что-то навроде.

КЛЮЕВ. У нас местность ровная. Как стол, на котором стоят горшки с кашей из солдатского сапога.

Сцена пятая

Они, все те же трое, на Острове.

На тропе от Муксалмы до Кремля.

Сергей Есенин, идущий первым, приостанавливается, начинает вытряхивать из туфли соловецкий песок. Вытряхнув из левой и правой туфли, оглядывает окрест. Обернувшись на скит, поэты приостанавливаются, смотрят длительно себе вслед.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*знобко*). И все-таки страшновато тут, в этом диком лесу. Какие-то призраки, тени, исторические па-

раллели... Народные восстание и сенные копешки, английский корвет с грохотом, Пушкин и патриарх Никон... И костры, костры... Вижу как будто все это было вчера... И Чёрный человек этот тут прямо сейчас...

ЗИНАИДА. Да бросьте ты все это! Выкинь из головы (*Клюеву*). А тебе что-нибудь видится?

КЛЮЕВ. Мне? Ничего.

ЗИНАИДА (*Есенину*). Ну вот. Никому ничего – не видится, не слышится, только тебе одному чертовщина вся эта мерещится.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. До вон же, за березой стоит... Чёрное за белой березой....

ЗИНАИДА. Человек?

ЕСЕНИН. Может, и человек.

ЗИНАИДА. А может, и не человек?

ЕСЕНИН (*неуверенно*). Может, и не человек.

ЗИНАИДА. Так что же это? (*Клюеву*). Как по-твоему?

КЛЮЕВ. По-моему, что-то есть, но только не человек.

ЗИНАИДА (*добываясь своего*). А что же все-таки?

КЛЮЕВ. Что-то маленькое и живое, шустрое. Кажется, кот. Чёрный кот.

ЗИНАИДА (*рассмеявшись*). А-а, кот. Знакомый товарищ. Капитан оставил его тут, подбросил нам...

ЕСЕНИН... своего человека, Чёрного человека.

ЗИНАИДА. Сережа, опять ты за свое? (*Клюеву*) Коля! Дорогой друг-товарищ! Сбегай-ка за котом, принесли сюда, удостоверь Серёжу, что это именно Кот, а не человек, тем более Чёрный человек.

Поймай попробуй... На, возьми кусочек колбаски. Не откажется.

Клюев тащит лесное чудище: Чёрный кот с ушедшего корабля.

КЛЮЕВ (*глядя его по спине*). Губа не дура. Любишь колбаску, любишь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*приходя в себя*). Дай подержать. (*Тоже гладит его*). Ах ты, усатик! Ах ты, полосатик! (*Вспыхнув весь, загоревшись от собственных слов*). Счастлив я, что целовал я женщин...

КЛЮЕВ (*встревая*). Пил кефир?...

ЕСЕНИН: ... валялся на траве

И зверье, как братьев наших меньших,

Никогда не бил по голове.

ЗИНАИДА (*Клюеву*). Не встревай, когда поэт в экстазе...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ого! Заявочки! С первой строки все начинается.

ЗИНАИДА. Не пришло время. Мужики пока что в поэзии, в литературе, а мы – женщины – возле детей. Но придут времена...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*насторожаясь*). Какие? Перестанут бабы рожать? И начнут сочинять? Мужики же будут пахать...

КЛЮЕВ (*продолжая*). Чтобы кормить население?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «Капитану земли».

КЛЮЕВ. Капитану корабля.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ещё никто

не управлял планетой,

И никому

не пелась песнь моя.

Лишь только он,

С рукой своей воздетой,

Сказал, что мир –

Единая семья.

КЛЮЕВ. Кота оставь. Пускай гуляет.

ЗИНАИДА. Зачем его оставил Капитан?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Чтоб крысы тут не разводились – на Острове, какой нам Богом дан.

КЛЮЕВ. Следы, следы оставил Капитан.

Вон наследил тут его Чёрный кот,

Аж оторопь берёт...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Гляньте на глаза у этого Кота.

То щелки узкие, как лезвие ножа.

А то зеленые, как бесы, неспроста...

По бабе русской, чтобы не рожа...

КЛЮЕВ. Чтобы с Острова они не убежа...,

Чтоб вкалывали тут, на острие ножа...

ЗИНАИДА (*расхохотавшись*). Ну-ну, ребята! Прозорливцы! Как в транс вошли. Провидеть стали... Поэты, состязанье устроили... Кот ввёл вас в транс. А ну, Сережа, отпусти его. Пускай идёт и шарит по карманам, по буеракам твоих изб, товарищ Ключев – избяной стилист.

КЛЮЕВ (*обиженно*). Я верноподданный... ни-ни... Таких стихов я не пишу. Ну, разве чуть, и то сам предан...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*придя в себя окончательно, иронично*)... самосожженье. То прототоп! А это прототип! Аввакум! Товарищ им, мне друг и даже кум.

Сергей Есенин аккуратно ставит Кота на стезжу, и тот – зеленые глаза и хвост трубой - исчезает в таинственной атмосфере Соловецкого леса.

ЕСЕНИН (*Зинаиде*). Слушай, зачем мы сюда прикатили? Чтобы Кота погладить по спине, по шее?

КЛЮЕВ. Не Кота, а ката привезли, то есть палача.

ЗИНАИДА. Словотворцы! Чтобы лучше познать себя, лучше увидеть время.

ЕСЕНИН. Своё или чужое?

КЛЮЕВ (*настаивая*). Своё или чужое?

ЗИНАИДА. И своё, и чужое.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Когда познаешь, будет всё твоё. Все люди, все чувства, мечты – все твои. Чужие лишь шрамы на сердце. Болезнь века - сердечно-сосудистые, инфаркты в мире выходят на первое место.

КЛЮЕВ. Надо больше петь, а не пить. Надо больше плясать, а не писать. Надо больше ходить с медведем по ярмаркам...

ЗИНАИДА (*иронично*)... тщеславия?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. По ярмаркам неудач, чтобы ценнее была фортуна. Чтобы ценнее была вся Земля, надо любить этот Остров. Сейчас желать ему счастья, удач, чтобы не было страшно потом...

Клюев, надо больше пить, а не есть.

Зинаида Райх ставит на моховую кочку сумку, достает из нее бутылку с длинным горлом. Накатывает Клюеву доверху граненый стакан.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А мне?

ЗИНАИДА РАЙХ. Мой чемодан, кому хочу, тому и дам.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*оторопев*). Не может этого быть.

Какое-то шипенье над его головой, на берёзе, на ее зеленой, бесконечной шее, уходящей в синее небо. И голос оттуда, странный, злоеущий, словно во сне.

ГОЛОС ЧЁРНОГО ЧЕЛОВЕКА. Это не сказка, а быль. Не в прошлом, а в будущем. И не в переносном смысле.

Сухие листья задрожали от ветра, зашелестели, заговорили как бесенята.

БЕСЕНЯТА (*в ушах Есенина*). То ли ещё бу... ба... бы... дет... дет... дет...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*четко переводя самому себе*). То ли ещё будет, да?

КЛЮЕВ (*беря огонь на себя*). Артисты какие, а? Откуда? Из театра Мейер... хольда...

ЗИНАИДА РАЙХ. Из МХА... та Немировича-Данченко...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие происходит на другом крае Большого Соловецкого Острова – у горы Секирной. Сюда, к Маяку, добрались в конце концов пешком - герои драмы: Сергей Есенин, Николай Клюев и Зинаида Райх. С высоты орлиного полета от горы Секирной хорошо видеть пространство и время перед собой. Смотреть на историю в своих внешних и внутренних измерениях. Девиз всех троих: «Свобода, Равенство и Братство».

Сцена первая

Перед тем, как подняться на плоскую площадку на этой горе Секирной. Глаза Маяка и глаза Секирной на облике самого Острова.

КЛЮЕВ (*Сергею и Зинаиде*). Послушайте, молодожены! Может, тут хоть найдется священнослужитель, какой обвенчал бы вас в соборе тут на Секирной, занес бы в анналы истории.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*охлопывая себе карманы*). У меня нет второй записной книжки.

ЗИНАИДА РАЙХ (*Есенину*). Тебе недостаточно одной регистрации?

КЛЮЕВ (*во весь голос, на всю Секирную площадь*). Эй! Есть тут кто?! Есть живые и мертвые? Эй, кто бы мог нас встретить!?!..

Все троим выстраиваются в затылок друг другу и гуськом-гуськом они поднимаются на саму Секирную площадь, на ровную площадку перед Собором.

Зинаида Райх, споткнувшись о камень, падает навзничь. Лежит лицом вверх в полном молчании – на спине, разбросав в сторону руки.

ЗИНАИДА (*пошевелившись, иронично*). Распласталась крестом! Спина на земле, глазами в небо. Большую Медведицу держу прямо перед собой.

КЛЮЕВ. Кто главный у лона природы? Большая Медведица, Полярная звезда? Полярная звезда, белые ночи! Бури, метели; кравенцы мы – идем вечно по Млечному пути, к своей Небесной корове – доить её, получать молоко...

Зинаида Райх поднимается, отряхивает одежды от праха земли.

ЗИНАИДА (*Сергею и Ключеву*). Хватит чудить! Переходим на нормальную жизнь. Видите! Дом у Собора. Наверно, тут кто-то живет. Встретится нам, наконец, хоть одна живая душа? А то мы все как в заколдованном царстве...

КЛЮЕВ. Как в невидимом граде Китеже.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Смотрите, дверь настезь, никакого замка.

ЗИНАИДА. А на вратах в Кремль висел пудовый замчище.

Заходят в дом. От дверей, не проходя в глубь дома, подавая голос... Ау... ау!.. Есть кто-нибудь?...

Выходят наружу. Переходят к самому Маяку.

ЗИНАИДА. Тоже дверь нараспашку, и опять никого.

КЛЮЕВ. Винтовая лестница вверх. Там, скорее всего, этот кто-то и есть.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Вот откуда хорошо смотрится. Посмотри же на мир. На весь белый свет!

КЛЮЕВ. В самом деле, Серёжа, там должен быть кто-то.

Слышатся шаги по лестнице. «Ага, спускается кто-то!»
Это хозяин владений, скорее всего, смотритель Маяка – крепкий еще, седоватый мужчина.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (подавая голос). А я слышу: внизу кто-то. Да, я – смотритель Маяка. А вы? И кто вы такие, из каких мест?

КЛЮЕВ. Да свои, свои, отец. Я – зырянин, олонецкий я. Из Вытегры родом. Мой дед в Соловки на ярмарку с медведем ходил.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Ключев? Не знаю таких.

КЛЮЕВ (капризно). Как не знаете? В Москве знают, а тут не знаете?

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Москва нам не указ. С времен еще патриарха Никона. Был прежде тут у нас настоятелем... А это кто с тобой, парень?

КЛЮЕВ. А это друзья мои из Серединной Руси. Вот он из Рязани – Сергей Есенин, и она Зинаида - из Орла.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. И что общего у них?

КЛЮЕВ. Да с Оки они, с одной реки.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. А что у них разного?

КЛЮЕВ (веселя). Он – мужчина, она – женщина. Тут вот у вас, на Острове стали мужем и женой.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Ну, и чем, вообще-то, вы занимаетесь?

КЛЮЕВ (на Сергея). Да поэты мы, в рифму пишем и в ритм.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (рассмеявшись). Скоморошничаете, а? (На Зинаиду) Водите ее с собой, как медведицу... Ну, и про что же вы сочиняете свои бывальщины?

КЛЮЕВ. Земля и люди – вот мой мотив.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А мой – Высота и Красота.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*энергично*). Ну, пошли! Тут я вам их покажу. И высоту, и красоту.

Поднимаются по лестнице на самый верх, входят в округлое помещенье.

СМОТРИТЕЛЬ. Вот это и есть соловецкий Маяк. Вот сюда лампа когда-то вставлялась, а теперь вставляется электрическая батарея. Включаем в ночное время, в шторма. Светим людям, даем ориентиры. Чтобы корабли не блудили...

Открывает окно. Тут же пахнуло свежим ветром, Зинаида закашлялась.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*высунувшись наружу*). Нет, каков вид на Белое море, а? И какая же Красота!

ЗИНАИДА. И какая же Высота!

ЕСЕНИН (*вглядываясь в пространство перед собой*). Вижу корабль. Во-он где-то там, далеко-далеко. А вон туча уже зависает, шторм будет...

СМОТРИТЕЛЬ. Вот тогда и включим... свет.

ЕСЕНИН. И какая прекрасная работа тут у тебя, человек! Светить людям, не давать заблудиться...

СМОТРИТЕЛЬ (*Клюеву*). Как тебя зовут?

КЛЮЕВ. Это Сергей Есенин – русский поэт.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Надо запомнить: Сергей Есенин.

Смотритель включает Маяк. Луч света уходит в даль, прыгает по волнам. Сергей Есенин следит за ним, прорывает личным своим напряжением пространство и время, возвращает историю.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Вижу, ходили тут когда-то поморы на мелких карбасах-суденьшках – Ломоносовы. Ломали носы себе, бились о скалы. Утоляя жажду познания, уходили туда за Шпицберген. И вела их на Северный полюс Полярная звезда... Белыми были у них большие самые красивые корабли...

КЛЮЕВ. Были тут когда-то и черные, крутобокие. С пушками к нам сюда приходили... чужие...

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Этим мы не светили. Не ставили лампу им, удесятерая свет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*задохнувшись от ветра*). За темной пря-
дью перелески,

В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, -
И кажется с тропы далекой –
Вода качает берега.

А степь под пологом зелёным
Кадит черёмуховый дым,
И за долинами по склонам
Свисает полымя над ним...
И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О роковом тоскуешь небе,
О голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

СМОТРИТЕЛЬ (*Есенину*). Сам написал?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А кто же?

СМОТРИТЕЛЬ (*восхитясь*). Прямо как я.

«О роковом тоскуешь небе»,
«Пуглива где-то темнота
И в кандалах твоей Сибири,
В горбу Уральского хребта».

Смотри-ка, а? Как будто там где-то Русь и тут она тоже, все наше... Друзья! Идемте домой ко мне, в гости... Ко мне – по-мору, зырянину, зову к себе вас – степняков...

КЛЮЕВ. Эх, гулять, так гулять!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О, Русь! Взмахни крылами.

Сцена вторая

Дом Смотрителя. Главная комната. Хозяин на кухне, а тут гости из Серединной Руси. Ключев, на правах зырянина, ныряет в соседнюю комнатушку, тащит граммофон. Огромная такая граммофонная бандура - труба. Зинаида несёт пластинки.

КЛЮЕВ. Вот это богатство!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Цивилизация.

КЛЮЕВ. Ну и что за пластинки?

ЗИНАИДА (*перебирая диски*). Анастасия Вяльцева... Опять Вяльцева... И опять...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Хозяин любит Анастасию Вяльцеву... Из Брянска родом певица-то, тоже Серединная Русь... Зинаида, поставь что-нибудь.

Ключев поправляет трубу. Зинаида ставит пластинку. Раздается вальс «На сопках Маньчжурии». Все впадают в звуки духового оркестра, летящие из трубы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*проникновенно*). Композитор Агапкин - капельмейстер Моркшанского полка

Протерев пыль, Зинаида ставит другую пластинку.

ЗИНАИДА. Анастасия Вяльцева? «Сухой бы я корочкой питалась»... Нет, какая старина!..

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не такая уж старина, но все-таки... ретро...

Появляется хозяин. Несет угощенья к столу – в основном рябчики и ягода – дары Соловков.

ХОЗЯИН ДОМА (*расставляя посуду*). Жена уехала к сестре своей на карельский берег, так я один тут. Уже третий месяц.

ЗИНАИДА (*вставая из-за стола и начиная ему помогать*). А где же вы хлеб-то берете?

ХОЗЯИН ДОМА. Да всяко бывает. Корабли мимо идут от карельского берега на Архангельск, так капитаны меня уважают, лодку сюда посылают... И хлеб, и почту привозят, кое-когда даже книги.

КЛЮЕВ. А зимой? Когда нет навигации?

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Белое море не всегда замерзает. Почти целый год ходят корабли. А когда долго не приходят, мы

вместо хлеба блины печем, блинами обходимся... Кислые, без дрожжей... Так и живем...

Хозяин дома, глядя достает из шкафчика заветную бутылочку.

ОН ЖЕ. НЗ – неприкосновенный запас... Нет, самогонку мы не гоним. Хоть ягод тут, на Острове, тьма. Есть из чего гнать... Жена у меня с характером, дюже умная. Говорит, если бы гнала, ты бы давно уже спился.

ЗИНАИДА. Северные народы подвержены: карелы, чухонцы...

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Вообще-то, мы – русские, только по званию поморы, зыряне. На Севере тут живём. Однако (*щелкает себя по кадыку*) лишнее не потребляем...

ГОЛОС АВТОРА. Наливают по первой. За молодых, конечно. Потом по второй – за родителей. По третьей – за счастье молодых, за будущее детишек.

И затевается разговор на всякие темы.

ХОЗЯИН ДОМА (*Зинаиде*). Извините, мадамочка, а где же, извините, ваши родители?

ЗИНАИДА. В Армавире. Это на самом юге России.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. А как они попали туда?

ЗИНАИДА. А туда они приехали с Украины.

КЛЮЕВ. Видал, какой путь! Как запорожские казаки. Переехали на Кубань из Тавриды, когда Екатерина Великая Крым присоединила к России.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. А нас, поморов, никогда ни к кому не присоединяли. Это к нам сюда все присоединялись. (*Есенину*). Так! да?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Так оно, так. Эта гора Секирная, возможно, курган, насыпанный некогда руками, на могиле вождя... Цивилизация шла по Северу... Первая столица Руси – Новгород Великий. Полностью так: «Господин Великий Новгород»... Великий Новгород – город ганзейский. «Ганза» - лига торговых городов, такая была на Балтике...

ЗИНАИДА (*вступая в разговор*). В Великом Новгороде были уже деревянные тротуары, еще когда в западноевропейских го-

родах, внутри на улочках, люди тонули в грязи. А тут по «берестяным грамотам» известно, что новгородцы давно умели читать и писать...

Цивилизация Севером шла на Сибирь...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Великий помор Ломоносов сказал: «Россия прирастать будет Сибирью». Сибирь! Что означает, «всю бери», всю «до Тихого океана, до Аляски и Калифорнии...»

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Надо же, а мы и не знали. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Достает из шкафа вторую.

ХОЗЯИН ДОМА. Заветная. Для закадычных друзей. Главное – чего я её достал-то: тост за нашего земляка, великого помора, назрел – за Ломоносова, братцы!

КЛЮЕВ. Тоже, говорят, был поэтом.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. (*Изумясь*). Да ну? А что – тоже слагал?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. И сам слагал, и систему такую создал – силлабо-тоническую. До сих пор по ней пишут. Например, ямбом – размером из двух слогов ... ударным и безударным...

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Кто же это тебя обучил-то всему?

КЛЮЕВ. У них, в рязанском селе Константиново, жила помещица – фрейлина царицы.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Сам учился в Спас-Клепиках, в церковно-учительской семинарии. Выучился на учителя, стал поэтом...

Зинаида заводит граммофон, попадаетея та же пластинка: вальс «На сопках Манчжурии».

ЗИНАИДА (*читая вслух*). Да, в самом деле, композитор Агапкин – капельмейстер Моркшанского полка. А на обратной стороне – русский романс, поет Анастасия Вяльцева. Почему?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А что, не знаешь – почему?

ЗИНАИДА. Не знаю.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Война была с Японией. В 1905 году. Все силы свои Россия бросила на тот фронт. Знаменитой в то время русской певицей была эта певица – Анастасия Вяльцева. Ездил с матерью в голубом вагоне по всем городам России. И пела под овации, по сорок раз вызывали... Поёт, бывало, с вечера

до утра... Замуж вышла. Муж – дворянин, офицер. Поехал на Восток добровольцем, тяжело ранило, так она тут же полетела туда к нему в госпиталь. Сиделкой была при нём. Отмолила, упросила Бога, подняла мужа на ноги...

ЗИНАИДА. Да, а тут написано, название романса: «Сухой бы я корочкой питалась...»

Сцена третья

Все вместе выходят из дома на Соборную площадь.

СМОТРИТЕЛЬ. (*Показывая Есенину на Маяк*). То – Высота и Красота. А тут вот... подойдем к краю горы Секирной... Тут вот смотрите.

Видите? Какой вид открывается! Голубые глаза озёр по зеленому хвойному морю лесов на Острове. А тут вот, почти от самой горы и туда, подальше, – Святое озеро. На том краю тоже кирпичные строения – тоже Скит. Богу молились монахи,

ЗИНАИДА. А теперь никого?

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*оглядчиво*). Никого.

ЗИНАИДА. А Маяк не трогают, почему?

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Без нас нельзя.

ЗИНАИДА. А без них можно?

Смотритель Маяка пожимает плечами.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*опустив плечи*). И без монахов нельзя.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*подходя к самому краю Секирной*). Видите? Спуск. Туда вниз 278 ступенек. Тыщи раз просчитал по одной, бегая туда-сюда к озеру – с озера. В Скит туда на лодке – со Скита оттуда на лодке...

Заходит чёрная туча сбоку, от карельского берега. Начинает бусить мелкий, въедливый дождь.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Не к добру, Боги гневаются.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Сердце вешует, что-то будет...

Отталкиваясь мыслью от прошлого, начинает вникать мыслью в будущее. И сверлит душу в отдалении голос Автора. Такие его слова, стихи его стихов, которые слышит из будущего только он сам и Сергей Есенин. Вот они, эти строки.

АВТОР.

«Соловецкий камень»

Как с горы Секирной белыми ночами
Головы летели, падали с горы.
Мы их величали, тут нас и кончали –
Всех недосидевших до поры.
Что же ты, Россия, сыновей-то губишь?
Все туда же нас – на Соловки.
Отчего таланты так свои не любишь?
Все под камень нас да на крюки.
В православную, в белокаменную
Провезут на Лубянку, под окна.
Чтобы видели, чтобы впрок нам,
Как обидели, что наделали!
Острые ступеньки свысока – высока,
Двести семист восемь сверху вниз.
Я – твоя кровинка, мой отец, мой сокол!
Вот мы и дождались, вы – не дождались!
Ах, отец, отец мой, вновь сиренев вечер ли,
Скользкие ступеньки, а под бичевой
Тянем мы, потянем, а навстре... навстречу
Ты – мой Соловецкий Камень гробовой.
В православную, в белокаменную
Провезут по крови да под окна.
Чтобы видели, что наделали!
Как обидели!
Камень – честному, Камень – смелому,
Пыль по чёрному – кровь по белому!

Клюев подходит к Сергей Есенину.

КЛЮЕВ. Что это ты бормочешь, Серёжа?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Да так, стихи читаю.

КЛЮЕВ. Чьи – твои?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Нет, свои и чужие, авторские. В конце концов, тоже свои.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*подходя к Есенину*). А можно и мне послушать?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Согласно «машине времени» Аристо-
теля – и эти стихи тоже из будущего.

- «А вот это?

- Што да што, пострел!

Штокало какое! Надоел.

Ведь и мы не враз сообразили

Штоколов каких сюда свозили...

* * *

Вот они какие Соловки!

Острова свободы и тоски».

* * *

«Все словом возможно:

Убить и любить,

Запомнить и позабыть.

Нам надобно с ним осторожнее быть,

Священные камни долбить...

«Авеста» - невеста

Развернута вместо

Дел тёмных и чёрной дыры.

На белом, на смелом

Замешано тесто

С высокой Секирной горы!»

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. (*Глядя подозрительно на Сергея
Есенина*). Неужто так будет? Ты знаешь?

КЛЮЕВ. Он знает, он посвящен, я знаю.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. (*Клюеву*). А ты знаешь что?

КЛЮЕВ. А я знаю то, когда это начнётся.

ЗИНАИДА (*приблизившись к нему*). И когда?

КЛЮЕВ. Сразу после него (*показывая на Есенина*). Как
только он уйдёт.

ЗИНАИДА. (*Дернувшись вся*). И когда, когда?!

КЛЮЕВ. Когда ты, Зинаида, отойдёшь от стихов и сядешь на
кятры.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*помрачнев, отойдя в сторону – к
Большому Камню*). Кладет руку на камень, говорит скорбно:

- Лобное место – вот что такое гора Секирная! Пусть знают это во всей России.

И смотрит высоко в Небо – туда ввысь, к Полярной звезде.

- Прочитай, Сергей Есенин, своё! Чтобы помнилось, пелось, никогда не забылось.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*С затаенной болью*).

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину свою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога.
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И новь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озёрам.
И Русь все также будет жить,
Плясать и плакать под забором.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. (*С дрожью в голос*).

И в эту мразь, и в эту склизь,
Во всенародный вопль, как в слякоть,
Тут с Маяка я брошусь вниз,
Чтобы при людях не заплакать.

Сцена четвёртая

Все стоят молча, без слов, просто остолбенели. Наконец, Ключев кладет руку на плечо Смотрителю Маяка.

КЛЮЕВ (*едва слышно, про себя, словно реквием тем, что тут будут потом*).

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
Мы сраженных орлов схоронили,
Дохоронят другие за нас...
Поле Марсово – красный курган,
Храм Спасителя, крови невинной...
На державе лазорев изъян,
Мы помазаны кровью орлиной.

* * *

АВТОР. *И вот они все троём на том берегу Святого озера. Сергей Есенин, Ключев, Зинаида. У большого каменного здания – администрации поселка. И тут безлюдно, ни единого человека.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*Ключеву и Зинаиде*). Как странно, оцепенелая тишь. И тут совсем по-другому, чем там. Гора Секирная нависает, как Дамоклов меч. Заслоняет полнеба.

КЛЮЕВ. Это не администрация, какая у монахов может быть администрация? Скорее всего, это трапезная. Что, что – а любил монахи поест. Вон какие щеки свисают обычно с монашеских лиц.

ЗИНАИДА. А посты на что? Чего стоит великий пост.

КЛЮЕВ. Посты для паствы, а не для пастырей. Для пастырей - трапезная.

АВТОР. И вот они разбредаются – кто куда – по всему монашескому поселку. Сергей Есенин находит себе отдельное от всего строенье – что-то вроде кельи.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*в сторону, про себя*). Тут и жил, спасался видимо, отдельно от всего мира, схимник. Общался с самим Иисусом...

Так, зайдём в келью. Всё тут на месте. Как будто вчера ушёл монах, покинул вчера свою келью. Постелька направо, за дверью. В углу лампадка, но не горит. Видно, хвостик огонька погашен был пальцами. Бесчувственными, чёрными, заскорузлыми пальцами... Нет, почему же заскорузлыми, чёрными? Что он землю копал, что ли, хлеб насущный выращивал?.. Странно, на месте иконы Спасителя никого. Понятно, икона унесена монахом с собой... Однако не это странно, а то, что рядом с иконой, поближе к оконцу, на стеночке висит картина, писана маслом. Светский сюжет – мальчик.

На крыше дома – труба, на трубе – аист. Снизу ввысь на аиста смотрит дитя. Что сие означает? Аист на крыше символизирует будущих детей. А ведь тут монастырь, скит. Тут – келья. Отдельно взятый монах. «Что же он, отдельно взятый монах, протестует против общих канонов? Тогда зачем он, вообще-то тут, в монастыре, вместе со всеми?..»

ГОЛОС АВТОРА. Есенин погружается в размышления, ищет ответы у себя же в подходящих стихах. Был таким мальчиком, писал такие вот вирши еще в «Радуницу» - в свою первую книгу.

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок
Мне мерещится Иисус...

Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.

Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*в сторону, про себя*). Смотрите-ка, каков этот мальчик. Льянные, ржаные волосы, голубиный взор от Бога... Да-да, в детстве я был так похож на этого мальчика... Сколько было надежд, радости, энергии, и куда все это делось, куда и на что все это ушло?.. Детство, славные детские сны. И отягощение жизнью сейчас... Отрок Варфоломей и отец Сергей... Радонеж где-то далеко-далеко...

ГОЛОС АВТОРА. Сергей Есенин чувствует, как смежаются веки, глаза закрываются. Он ищет местушка, куда бы это ему притулиться? Ага, кстати вот и постелька монаха. Сергей снимает с себя пиджак. Кладёт под себя, ложится, сладко вытягивает ноги... И проваливается во тьму...

* * *

ГОЛОС АВТОРА. Но снится ему другое. Тоже Кремль, но не Соловецкий, а тот, откуда идут нити по энергосистеме всей огромной страны. И кто-то большой, непонятный, как будто паук в углу, перебирает этими нитями...

Он – вождь, он должен вести, но куда, какими путями? Да вот же, вот Соловки. Смотрите, каково тут, сколько труда, что монахами за века наработано. Какие кругом озерца, а между ними каналы. Они соединяют эти озера, по ним возят грузы. И не надо никаких машин, лошадей. По воде везти легко и приятно. Бурлаки на Волге везли против течения, потому везти тяжело, а тут вода вековая, стоячая, спокойная, нет никакого течения, и в то же время вода чиста, глубока и прозрачна...

Соловецкий опыт надо распространить. Сначала на весь Север. Прорыть такие канала от Балтики до Белого моря – получится Беломоро-Балтийский канал. А если южнее, где Волга, изгибаясь, почти сходится с Доном, прорыть еще и перемышку, то Москва станет портом пяти морей... Да-да, портом пяти морей... Но станет ли мальчик во всей демагогии, на этой картине, что тут, в монашеской келье, в картине, что писана маслом, ста-

нет ли этот мальчик, который так смотрит на этого аиста, этот мальчик с льняными, ржаными волосами на кудрявой головке, станет ли этот мальчик счастливее?..

Есенин просыпается, долго приходит в себя, не совсем понимая, где он сейчас в каком Кремле – в Москве ещё или уже вместе с другими тоже тут на Соловках?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Итак, келья, картина писана маслом: аист на крыше, мальчик с льняной головой, так похожий на тебя в детстве. Это я помню, остальное покрыто мраком неизвестности... Что-то укрупняется, уходит за каналы на Острове, по которым монахи возили грузы, за идеи где-то когда-то какого-то «Беломорканала», Москва – «порт пяти морей». И какие же эти моря? Тут, на Севере - Балтика и Белое море, там, на Юге - Каспийское, Азовское, Черное... Действительно, пять морей, даже с выходом в океан... Через севера...

Потягиваясь, Есенин выбирается из душной кельи на воздух. Тут, в пустом монашеском поселке, его уже ищут.

ЗИНАИДА. (Подбегая к нему). Где же ты пропадал, Серёжа?

ЕСЕНИН. В будущем. А ты?

ЗИНАИДА. Я? Сидела на берегу. Волны считала. Достают до большого валуна и не достают.

КЛЮЕВ. (Обнимая Есенина). Где же ты пропадал?

ЕСЕНИН. А ты, Николай? Ай на троне сидел?

КЛЮЕВ. В трапезной. Развивал в себе воображение, представляя, как восседают за трапезой. Что едят и что при этом говорят? Ничего не понял, стены ничего не сказали.

Сцена пятая

Все трое, опять же на этом берегу, тут – на Соборной площади, у Секирной. И опять же их встречает радушный Хозяин всех этих мест - Смотритель Маяка.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ну вот мы и тут, а не там.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Добро пожаловать, милости просим. И куда дальше держите путь – на север Острова? Там еще есть скиты, щедрые рыбные уголья...

ЗИНАИДА. Да нет, нам пора возвращаться.

КЛЮЕВ. Опять пешком? Двадцать верст до Кремля.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Нет, зачем же? Мы сейчас с Маяка посигналим проходящему кораблю, капитан примет сигнал, приостановится и пришлёт сюда лодку. И вы отсюда напрямиком на Архангельск или на карельский берег – куда корабль держит курс... А там уж и до Москвы оттуда, до своей Серединной Руси...

Зинаида, суетясь, начинает перебирать вещички. Мужчины деликатно отходят в сторону. Есенин извлекает из сумки книжку.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Смотрителю Маяка*). Вот вам мои описи. Рад, что книжка останется тут у вас – на Соловках.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Как зеницу ока буду хранить. Имя врублю в себя: Сергей Есенин... Буду читать, стихи сами выучатся. Такие звонкие, лёгкие для запоминанья...

КЛЮЕВ (*подписывая свою книжку*). Если позволите, и мне...

СМОТРИТЕЛЬ (*искренне радуясь*). Ну, конечно, конечно! Наш – олонецкий, зырянин, помор... Можно гордиться, я горжусь...

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА (*он же Хозяин дома и всех этих мест*). Ну что, братцы, на посошок?

ЗИНАИДА (*приподнимая сумку, ощущая ее на вес*). Тут у нас апельсины.

Вопросительно смотрит она на спутников.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН и КЛЮЕВ (*решительно*). Выгружай!

ЗИНАИДА (*весело*). Как один мужик двух генералов прокормил.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. На Подъяческую к себе, на Подъяческую! Вон уже стоит пароход.

ЗИНАИДА (*приласкиваясь к Есенину*). Главное, Серёжа, мы внесли ясность в свои отношения, да?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*нервно, в сторону*). То «борода» мучила меня, теперь Армавир... (*Вслух*). Соловки солнцем меня напитали, в детство вернули. К аисту на холодной трубе... Николай, дорогой, почитай на прощание...

СМОТРИТЕЛЬ. Почитай, почитай, землячок. Душу пошевели.

КЛЮЕВ. Скалы – мозоли земли...

Скоро родной материк
Ветром борта обцелует,
Будет ничтожный – велик,
Нищий в венке запирует.
Светлый воспрянет певец,
Звукам прибоя обучен.
И не изранит сердец
Скрип стихотворных ключин.
Скалы – мозоли земли,
Вновь увезут корабли
К тем, кто нас резал и мучил.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА. Ну, пошли, пошли в дом, попрощаемся с Вяльцевой... «Сухой бы я корочкой, ах, да пита-а-алася-я-я...»

* * *

В доме Смотрителя Маяка за тем же столом, у того же граммофона с огромной желтой трубой.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН *(на него)*. Раритет.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Граммофон.

ЗИНАИДА. Затертое прошлое в новом театре Мейерхольда, Станиславского и Немировича-Данченко...

КЛЮЕВ. Не много ли имен сразу в одном?

ЕСЕНИН *(иронично)*. И сколько?

КЛЮЕВ. Как сколько? Четверо.

ЗИНАИДА. Один чего стоит.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА *(подавая голос с кухни)*. Вы имеете в виду его – Сергей Есенина?

ЗИНАИДА. Я имею... *(на поэтов)* они не имеют... Почитаё стихи свои, Серёжа.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН *(опустив голову, с непомерной тоской)*.

«Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,

Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что твоя жизнь – стезя.
Пусть обманут мальчика подруги,
Пусть изменят верные друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, -
Я живу давно на все готовый,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Пауза. Все сидят молча, в оцепенении.

ЗИНАИДА (*со слезами на глазах*). Зачем же ты так, Сережа?
Мы же любим тебя.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Мы! А нужно, чтобы любил хотя бы один человек.

КЛЮЕВ (*на Сергея Есенина*). Он предчувствует, он провидит... Что-то случится... Нужно скорее отсюда... Обезлюдели земли...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Мы совершили сюда свой хадж, принесли, положили свое покаяние к Большому Соловецкому Камню.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА, *хозяин дома и всех этих мест (поэтам)*. Ребята, сыны мои! Возвращайтесь туда, откуда пришли: в села свои и деревни, к рекам, рощам своим и лесам... Город

вас пережует и выплюнет. Вы не нужны городу... Русь всегда была деревенской...

ЗИНАИДА. Не хотелось бы, но что делать: на печальной ноте... Что ж, пора собираться... Очистились, почистили перышки, и домой...

СМОТРИТЕЛЬ (*поднимаясь из-за стола*). Сыны! Тут вам рады всегда.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Приезжай отец, к нам туда... в наши деревни и города...

ЭПИЛОГ.

ГОЛОС АВТОРА.

Белое море. Белоснежный корабль. Протяжный гудок – Маяку, Соловкам. Смотритель стоит на берегу шепчет, вслед: «Что было – знаем, что будет – увидим. Все у нас впереди».

Падает занавес.

По занавесу бегут строка за строкой. И голос свыше читает последнее из есенинского:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой! Ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

* * *

О Русь, взмахни крылами!

18-25 марта 2012 года.

ЗОЛОТАЯ СОРВИГОЛОВА
(мюзикл, музыкально-лирическая драма)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Устав от городской жизни, Сергей Есенин, как гармонь – ли-венка на сжим и разжим, стремится туда – в родное село Кон-стантиново и обратно – побудет дня три, и назад в Москву его тянет. Окунувшись в родную стихию, в свой песенный край, созданный им же самим, он возвращается в город другим чело-веком. Познав «низа» и «верха», Сергей Есенин – светлый рус-ский поэт, трагическая фигура. Только после того, как совсем ведь еще молодым, в 1925 году, когда погибнет он, возвратив-шись в Северную Пальмиру, где начинал как поэт, станет воз-можен «год великого перелома». То есть засилия города. Поэт и тут воскликнет в предчувствии перемен: «О Русь! Взмахни крылами».

* * *

СТОРОНА А. *Оркестр Рея Кониффа «Зеленые поля». На его фоне голос Автора.*

Рязанщина. По дороге со станции движется телега. В теле-ге двое: возница и Сергей Есенин – московский поэт. Сергей Есенин едет на побывку домой, в родное село Константиново. Грустные думы владеют им: что осталось там, в Москве, у него за спиной? Что ждет его впереди как поэта? Что ждет его как человека?

В поле работают женщины. Слышится русская песня «Шу-мел камыш».

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они проснулись:
Кругом помятая трава,

Здесь не одна трава помята,
Помята девичья краса.

Приду домой, а дома спросят,
Где ты гуляла, где была?
А я скажу: в саду гуляла,
Домой тропинки не нашла.

А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда...
Она пришла: его там нету,
Его не будет никогда...

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночь темная была.

Ностальгия по малой родине, по матери, сестрам, по близким людям. Усталость от жизни в великом городе, уход от верхов и низов, стремление к отдыху.

Под гитару, под женские голоса. **Александр Подболотов.**
«Что взгрустнулось?» Тихо, элегически. Отдаленные обрывки слов.

Что взгрустнулося тебе
В это чудное мгновенье?
Все не так, не по себе,
Даже пенье уже не пенье.
То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закружилась?
То ли молодость прошла,
Как подруга изменила?
Ах, как подруга изменила.

.....
Господи! Хоть бы
Застрелиться, что ли?

Вскрик грачей. Выстрел. Черные птицы как предчувствия. Мелодия. Голос Николая Баскова из кинофильма о Сергее Есенине «Золотая голова на плахе». Музыка на слова Есенина.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные...

АВТОР. А дальше, подхватывая настроение поэта, звучат слова Сергея Есенина, положенные на моё настроение – музыку моего сердца. Сам пою а' капелла.

«Песнь о собаке»

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым ее животом.
А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.
И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

АВТОР (*резко стихами, в попытке быть оптимистом*).

«Песни, песни, о чем вы кричите?»

* * *

«Лейся, песня, звяньше!»

* * *

«Сыпь, тальянка!»

АВТОР (*прозой, элегично*). И перед поэтом, что стремится туда, в Константиново, к матери, возникает её светлый образ, тоскующий по нему, её сыну. Как она пела, бывало, в Константиновской церкви, как ходила богомолкой с клюкой по святой Руси. Какой она станет потом, в преклонные годы? И возникает в Есенине «**Письмо матери**», всё это поющееся мной, моим голосом, а' капелльно.

Ты жива ещё, моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж,
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная, успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось,
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня, не надо.
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

АВТОР. И тут Сергей Есенин подумал об отце своем Александре Никитиче. Как приехал он, Сергей, туда к нему, в Москву, как попал в контору мясника Крылова, это после своего церковно-учительского училища в Спас-Клепиках. А потом там уж, в Москве, перебрался он, Сергей, в книжную лавку товарищества Сытина. Так с той поры они с отцом, можно сказать, и не виделись. Может, отец тут сейчас, в Константиново? Пом-

нится, «худощавый и низкорослый, среди мальчишек всегда герой», он, Серёжка, был отдан на воспитание деду по отцу Никите Осипычу. Так у того было ещё два сына – тоже оторви да брось. Как учили дядья плавать Серёжку. Швырнут, бывало, в Оку – плыви, а не хочешь – тони.

Потом Серёжка таскал для дядек подстреленных уток, был им вместо собаки.

Эх ты, жизнь моя бесшабашная!

До чего ж ты меня довела!

Поет **Александр Подболотов**. На слова Сергея Есенина, песня «Под окошком ветер». Откуда-то издалека, лирически, слегка разочарованно.

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий -
И такой родимый, и такой далёкий.

Плачет и смеётся песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

И следом за моим голосом. Та же песня, те же слова Сергей Есенина в моём исполнении а' капелла. Более утвердительно, оптимистически.

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

ОТ АВТОРА. Где ты моя липа, липа вековая? Не так давно вышла книга моих рассказов «Липа вековая». И пошла книга по библиотекам. По читателям моим и почитателям. Кто-то спро-

сил меня: а откуда хоть берутся такие названия? И отсюда, говорю, от Сергея Есенина. А вот и эта народная песня.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Луг покрыт туманом,
Словно пеленой;
Слышен за курганом
Звук сторожевой.

Этот звон унылый
Давно прошлых дней
Пробудил, что было,
В памяти моей.

Вот все миновало,
Я уж под венцом,
Молодца сковали
Золотым кольцом.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

ГОЛОС АВТОРА. И уже как въезжать в Константиново, справа от дороги, возникает березовая роща. Осенью она золотая. Пою а' капелла известную песню на слова Сергея Есенина как бы его голосом в предчувствии появления передо мной в Константиново его родного, материнского дома.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.

И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник.
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребёт их все в один ненужный ком,
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

* * *

СТОРОНА В. ГОЛОС АВТОРА (на фоне мелодии). И вот Сергей Есенин в родном Константиново. А вот и само село. Вот четырехклассная земская школа, где учился когда-то будущий поэт. (*Радостно*). Вот родной материнский дом («воротился в низенький наш дом», как и я в своем Малоархангельске).

Под баян. *Поэт Александр Новиков*. Ветром гоняет туда-сюда обрывки есенинских слов.

Ах, снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь.
И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином...
Ты Рассея, моя Рассея –
Азиатская сторона...

Мелодия. На ее фоне мой голос. Он подхватывает эти обрывки и вместе с Есениным утверждает:

Вот он, вот он! Родной низенький домик!

А дальше туда, слева к реке, - церковь Казанской божьей матери. И откос – высокий, крутой над Окой, а там далеко-далеко тёмная щётка леса, это языческая Мещора. Где-то там и Спас-Клепики. А тут через дорогу дом константиновской барыни Лидии Кашиной, знаменитый кашинский сад. Ему, тогда еще совсем юному, дети Кашиной (фрейлины императрицыной) утрами приносили, бывало, розовые розы.

МОЙ ГОЛОС (*радуясь родным местам*).

АННА СНЕГИНА (*поэма*). «Село, значит, наше Радово». Слова есенинские на музыку моего сердца. Пою а' капелла.

«У калитки».

Письмо как письмо. Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет».

Знакомые, милые были.
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас.

Мой реальный голос. Ещё как! И любим! (*О поэте и о себе проникновенно*).

Сергей Есенин – мой крестный отец. Он позвал меня в поэзию. Помню, прочитал я стихи его в сером коленкоровом переплете с березками и задохнулся от чувств. С той поры и пишу стихи, с четвертого класса школы, а песни – с седьмого. Помню, в седьмом классе шел я голубым мартовским утром в школу тут, на нашей улице, проходил мимо сквера, мимо сирени и услышал капель... как синички, тинь-тинь, пиу-пиу... Зазвучала мелодия, с той поры и пишутся песни. И свои авторские, и на слова таких поэтов, как Сергей Есенин. И только потом я узнал, что Сергей Есенин и мой отец натуральный – одногодки, натуральный был старше моей матери на шестнадцать лет. Какое совпадение. И гений парадоксов друг (Пушкин), какое вселенское счастье!

БОЯН. Под тут же мелодию, под какой пел и Александр Новиков.

ГОЛОС АВТОРА (*сдвоенный образ*). После встречи в родном материнском доме, когда все в душе отбушевало, лежит Есенин в сарайчике на душистом сене, и думает, вспоминает. И один на один, и как бы напару со мной. Вспоминает и слушает как бы себя самого, свои песни из будущего. На музыку авторов, в том числе и мои. Слушает народные песни, близкие нашему сердцу. Прозревает те песни, которые потом напишутся, например на его слова из «Персидских мотивов». Издалека возникает трио «Реликт».

Поле, русское поле!

Светит луна или падает снег,
Счастьем и болью связан с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек.

Русское поле, русское поле!
Сколько дорог прошагать мне пришлось.
Ты - моя юность, ты - моя воля.
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.
Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря,
Ты со мной, моё поле, студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу не тая,
Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок.

Поле, русское поле!
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут мое сердце тоской.

Русское поле, русское поле!
Я, как и ты, ожиданьем живу.
Верю молчанью, как обещанью.
Пасмурным днём вижу я синеву.
Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря,
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу, не тая,
Здравствуй, русское поле!
Я твой тонкий колосок.
Поле, русское поле!

Тот же «Реликт» доносит издалека песню на слова Сергея Есенина «Ты поила коня». И я пою вместе с вокальным трио эти есенинские слова.

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, берёзы ломались в пруду.
Но с лукавой улыбкою, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

И тут же, сменяя настроение пою вместе с Надеждой Кадышевой «Очи чёрные» на слова Евгения Гребёнки.

Очи чёрные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

Скатерть белая залита вином,
Все цыгане спят беспробудным сном.
Лишь один не спит, пьет шампанское
За очи чёрные, за цыганские.

Не любил бы вас, не страдал бы так,
Я бы прожил жизнь, припеваючи.
Вы сгубили меня, очи чёрные!
Очи страстные и прекрасные!

И страсть сменяется удалью, бесшабашностью. Мной поётся народная песня под оркестр народных инструментов.

Начинаются дни золотые
Воровской непроглядной любви,
Крикну: «Кони мои вороные!
Черней ворона, кони мои!»

Устелю я сани коврами,
Ленты в конские гривы вплету,
Прилечу, прозвеню бубенцами
И тебя на лету подхвачу.

Мы ушли от проклятой погони!
Перестань, моя радость, рыдать!

Нас не выдали верные кони,
Их теперь, вороных, не достать!
И еще «Ой, мороз, мороз» (в том же тоне, в том же исполнении).

Ой, мороз, мороз!
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня.

Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня,
Белогривого.

Моего коня,
Белогривого...
У меня жена,
Ох, ревнивая!

У меня жена,
Ох, красавица!
Ждёт меня домой,
Ждёт печалится.

Я вернусь домой
На закате дня -
Обниму жену,
Напою коня!

* * *

За русской удалью следует перемена чувств: свое вроде бы и не свое, отдаленное, народное. Есенинские слова, положенные на музыку моего сердца. Пою а' капелла. Из «Персидских мотивов».

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнём.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далёком имени - Россия -
Я известный, признанный поэт.

Я давно искал в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою весёлую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре,
Я тебе придумаю о нём.

Все равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём.

*И тут же я пою а'капельно другое есенинское на музыку
моей души. Лирически и в то же время как-то балладно, по-
человечески.*

**Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?**

Я спросил сегодня у менялы,
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце радость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать мне, что она моя.

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят.
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты - моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.

Нет, какова звукопись! И ещё СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД
ЗОЛОТАРЕВ, пою а'капелла «Шаганэ ты моя, Шаганэ». Об-

ращение к девушке, говорят, к Мариэтте Шагинян. А может и нет.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли?
Что луна там огромней в сто раз.
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли?

Я готов рассказать тебе, поле,
Эти волосы взял я у ржи.
Если хочешь, на палец вяжи,
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она странно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

* * *

СТОРОНА С. Снова задушевные звуки баяна, под который пел Александр Новиков. И на его фоне звучит вдохновенный голос.

АВТОР. И когда пролетели деньки в родном материнском доме в селе Константиново, Сергей Есенин снова затосковал, но теперь уже по Москве, по своему Тверскому околотку. И в душе возникли другие мотивы есенинских слов на музыку моего сердца и других авторов. Вот я пою а' капелла на известную мелодию.

Клён ты мой опавший,
Клён заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись,
Под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.
И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче
Чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома
С дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же клёном,
Только не опавшим, а вовсю зелёным.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Музыка. Все тот же баян. И на его фоне.

ГОЛОС АВТОРА. Слова обращены к той, которая сейчас там, в Москве, а сама из Орла. Златокудрый рязанец нашел себе любовь к ней по имени Зинаида, от которой у него было двое детей: Катя и Котя-Константин. Сергей Есенин всегда с нежностью смотрел сюда к нам на Орловщину, в верховья Оки, со своей Оки срединной, широкой. Вот как писал Иван Сергеевич Тургенев: «Любимая! Меня вы не любили». А вот как писал Сергей Есенин: «Я вас любил! Меня вы не любили».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ. Пою а' капелла.
С нежной страстью.

«Письмо женщине»

Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел - катиться дальше вниз.

Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несёт нас рок событий.

Лицом к лицу, лица не увидеть.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье...

Сегодня я в ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь я сообщить вам мчусь,
Каков я был и что со мною случилось!

Живите так, как вас ведёт звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием, вас помнящий всегда,

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

ГОЛОС АВТОРА. Туда в Москву, в Москву! Как чеховские сестры. И опять едет, поскрипывая, на станцию, среди полей телега, возница в ней и Сергей Есенин, но едут уже из Константиново.

Музыка. Оркестр Рея Кониффа. «Зеленые поля». И на фоне мелодии я читаю есенинское, глубоко затаенное, связанное с родными местами, прощальное.

Спит ковыль. Равнина дорогая.
И свинцовой свежестью полынь
Никакая Родина другая
Не воьлет мне в грудь мою теплынь.

Как сказал Глинка, звуки в народе рождаются, мы их только оранжируем. А музыка эта – в самой стихии есенинских слов.

О Русь! Взмахни крылами.

И музыка всё звучит, звенит.

И голос мой: СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ.
Слова есенинские, положенные на музыку моей души. И получается песня.

«Просто песня»

Ёще раз! Ёще раз, ещё много, много раз.
Есть одна хорошая песня у соловушки -
Песня панихидная по моей головушке.
Цвела - забубенная, росла - ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.
Как случилось-сталоь, сам не понимаю.
Ночью жёсткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую!
В темноте мне кажется - обнимаю милую.
За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю - милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь - заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.
С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха -
Все равно любимая отцветет черемухой.
Я отцвёл, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.
Эх, раз ! Ещё раз! Ещё много, много раз!
Песня панихидная по моей головушке.

В последних словах «Просто песни» слышатся отголоски
кольцовской поэзии, которая, по мысли Белинского, одолеет
дали всей беспредельной Руси! И тут же голос переходит в есе-
нинское, исполняемое мной а' капелла.

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

*Известная мелодия переходит в мелодию моего сердца, ис-
полняемую мной опять-таки а' капелльно.*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ.

Несказанное, синее, нежное.
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя - поле безбрежное -
Дышит запахом мёда и роз.

Я утих. Годы сделали дело.
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году -
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

ГОЛОС АВТОРА (*свежо, оптимистично*). А напоследок я скажу: «Как упоительны в России вечера»... Слова-то какие: гоголевские! «Капли жемчужные». Слова есенинские. Пою вместе с ВИА «Белый Орел».

Как упоительны в России вечера
Пускай все сон, пускай любовь-игра,

Ну что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера...

МОЙ ГОЛОС. Вклиниваясь в эту песню, поем мы вместе с Николаем Басковым.

Вначале те же грачи. Выстрел. И – Николай Басков, за которым вступаю и я.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

МОЙ ГОЛОС. Капли жемчужные, капли прекрасные...

И тут же возвращается то, что было в начале. ВИА «Белый Орел» в песне «Как упоительны в России вечера».

... Пускай все сон, пускай любовь – игра.
Ну что тебе мои порывы и объятья?
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера,
Как упоительны в России вечера,
Как упоительны в России вечера-а-а.

* * *

МОЙ ГОЛОС. Читаю свои стихи о любимом поэте Сергее Есенине. Может, когда-нибудь положу их на музыку.

Есенинские колодцы

А не родись Есенин у Оки,
Напротив церкви у откосов этих,
Спас-Клепикам, Мещоре вопреки,
И не было крайностей в поэте.

У осени глазищи велики,
Бездонные, пропащие колодцы.
Как в них не пасть, в горсти не расколоться
На звезды первитые у Оки,

На ливни, пролитые с небеси,
Разбрызганные щедро на Руси?
Пусть, говорят, пьяна бывает Русь,
Я все равно когда-нибудь напьюсь.

Мы из пьем из брызг, со дна родных криниц.
Я пью и упадаю тут же ниц.
Из Красоты, о Русь, из твоих влаг
С коленей пью и не напьюсь никак.

МОЙ ГОЛОС. Из моей «**Есенинианы**» - последний сонет.

На Мещоре – сплошное язычество,
По берёзовым чреслам поляны.
Был царем бы тут – Ваше Величество,
На Москве б не зализывал раны.
По Тверскому-то по околотку
Не бродило б в тоске одиночество.
У Толстых, дав целковый на водку,
Называли бы Ваше Высочество,
На Неве звали б Ваше Сиятельство.
Знак беды, знак Руси. Так насели,
Что сразили, повесили начисто
Золотого, любимого всеми.
Мы – количество, качества узкого.
Освяти, Боже, этого русского!

Снова баян. На его фоне я пою а'капелла.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах мёда от невинных рук.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЕВ. *Пою а'капелла.*

Сестре Шуре

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий вид
По часовням висел в рязнях.

Я на эти иконы... вздыхал,
Ты мне грубость и крик. Поверьте,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада.

Я не нищий, ни жалок, ни мал,
И умею расслышать, как было.
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог,
Сумасшедшее сердце поэта.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ. Пою а' капелла.

Не гляди на меня с упрехом,

Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.
Ну и что же, лови, я не струшу,
Только как бы твой пыл не погас,—
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.
Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза голубень.
Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.
Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.
Но и все же, тебя презирая,

Я смущенно откроюсь навек.
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

ИСПАНСКАЯ ГИТАРА. АРМИК. «Фламенко».

МОЙ ГОЛОС. «Алёшня». Моя авторская песня. Пою
а' капелла.

Как вдохновляет Есенин на музыкальное слово и словесную
музыку.

Алёшня в пойме травяной настой.
Страна раки в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной
Воз с перементом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут временной!
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться
Пока мы живы, Бога не гневи.
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алёшне от берез светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

ГОЛОС АВТОРА. Алёшня, между прочим, тут поблизости
впадает в Зушу, а Зуша чуть ниже впадает в Оку, в Оку! Кажется,
ясно? Она несёт свои воды туда, к Есенину, в Константиново.
Но начинается тут у нас, на Орловщине, неподалеку от
Малоархангельска, за станцией Малоархангельск. Здесьние
места, пожалуй, самые высокие на Среднерусской возвышенности.
С одной стороны Малого города берёт начало Ока – это
Пояс Богородицы.

Все реки России на юг и на север
И только Ока поперек.

А по другую сторону, от Малого города, в каких-нибудь тоже нескольких километрах, течет Тихая Сосна – самый большой тут приток Дона Иваныча, который движется далее к Азову – в Азовское, Черное море.

Тихая Сосна – Тихий Дон. «Поручик Голицын» и Леонард Золотарев, исполняющий известную песню на фоне ансамбля.

ГИТАРА. Музыкальная пауза. Александр Малинин, и я вместе с ним.

Четвёртые сутки пылают станицы,
Горит под ногами донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Мелькают Арбатом знакомые лица,
С аллеи цыганки заходят в дома.
Подайте бокалы, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

А где-то уж кони проносятся яром.
Ну что загрустили, мой юный корнет?
А в комнатах наших сидят комиссары,
И девочек наших ведут в кабинет.

Над Доном угрюмым идём эскадроном.
На бой вдохновляет родная страна.
Раздайте патроны, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, надеть ордена!

Ах русское Солнце, великое Солнце!
Корабль - император застыл, как стрела.
Поручик Голицын, а может вернёмся?
Зачем нам, поручик, чужая земля?

* * *

И опять же возвращение к Сергею Есенину. И какой же русский не любит Есенина?

МОЙ ГОЛОС. Читаю есенинские стихи, переходя на пение к своей мелодии есенинских слов.

**Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.**

Был я весь, как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать,
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил.
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Вместо эпилога

ГОЛОС АВТОРА (*обращаясь к слушателю, читателю*). Заметили вы, что в телеге, везущей Есенина на станцию, а дальше ему ехать в Москву, было не двое? Не только Сергей с возницей, а ещё и третий там оказался. «И кто?» – спросите. А третьим к ним присоединился я, Леонард Золотарев. Это ведь я клал есенинские слова на музыку моего сердца, и пел их – когда сам а' капелльно, а когда с кем-то другим.

Так вот, расстался Есенин с возницей – своим константиновским земляком, стоит на перроне и смотрит на синие рельсы железной дороги, убегающие в Москву – столицу, туда в его тверской околоток.

«И как та улица теперь называется? – призадумался он. – Улица Горького? А по околотку была ведь Тверская. Значит, будет снова Тверской. А ещё ранее как называлась? Песнь такая есть, Шаляпин поёт.

«Вдоль по Питерской.
Ах, Ямской да Тверской,
Эх!..»

МОЙ ГОЛОС. Питерской ранее называлась – вот как! – говорю. – Это потом уж Тверская – Ямская. Ветерок, вей со степи со словами: «Эх да, - подумалось, - а колокольчик-то – дар Валдая - звенит уныло под дугой. Ещё севернее от Твери где-то там и Питер. Там когда-то увидели свет первые есенинские стихи...» А теперь их поют везде по Руси. И слышатся Есенину новые слова, долетающие из Константиново. И ветерок родной, легче Ванских струй, как поцелуй той женщины, которая ждет его, Сергея, там в Москве, куда воротились они с ней тогда из Соловков.

О Русь, о Русь! Взмахни крылами.

Аудиокассета прилагается.
Орёл, 8 Марта 2012 г.

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ
(лирико-героическая драма)

Нет уз святее товарищества.
Н.В. Гоголь

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ГОЛОС СВЫШЕ, вне времени.

На авансцене, перед занавесом, Сергей Есенин – русский поэт, златоглавый рязанец.

На занавесе фото командира погибшей роты из 43-го, у Оки, в битве на Орловско-Курской дуге. Это Евпатий Коловрат, прозванный так в полку, родом из Рязани.

АВТОР.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первое действие

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН в Орле.

ЗИНАИДА РАЙХ – его жена.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ – поэт-орловец, первый заметивший в Москве поэтический дар Есенина.

ДЕНИС КОЛОВРАТ – молодой человек, журналист.

Жители Крылатого города.

Второе действие

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН в Судьбище.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

ДИРЕКТОР ТЕЛЕВИДЕНИЯ.

АВТОР.

Действие третье

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН в Козюлькино, на родине Фета.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ – Шеншин.

В ЭПИЛОГЕ

РОКОССОВСКИЙ – Командующий Центральным фронтом
тут, в Малом городе, после войны. Незримо, в сердцах.

ВОЛОДЕНЬКА ЛИСУНОВ – внук командира погибшей
роты, не вернувшейся из Чечни. Незримо. в сердцах.

ЕГО МАТЬ, до сих пор ждущая сына.

ПРОЛОГ

На авансцене Сергей Есенин – русский поэт, прислоняясь
щекой к березке у истока Оки. Вслушивается в шелест листвы.

ГОЛОС СВЫШЕ. Малоархангельск. В 43-м в июле на вы-
сотке погибала 8-я рота. Командира ее в полку звали Евпатием
Коловратом. За любовь к стихам Есенина, за железную, колов-
ратскую стойкость на боевых позициях.

АВТОР. А это уже в наши дни.

Малоархангельск. Сажу на скамейке под яблоней в мате-
ринском саду, прислушиваясь к тому, что доходит из прошло-
го, чтобы дальше увидеть будущее. И, как видение, возникает
мое выступление на традиционном празднике поэзии у Фета в
Клейменово. С песней, исполненной мной а' капелла, мелодия
на сей раз не моя, а Ножкина, но слова оттуда мои.

МИХАИЛ НОЖКИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ.

Про погибшую роту старшего лейтенанта Буланова.

Есть такой памятник у истока Оки, возле деревни Васильев-
ки, что у станции Малоархангельск.

«Крылатый солдат»
(пронзительная песня)

Мы слишком долго, слишком долго отступали.

Аж от границы пятились сюда.

И вот мы дома тут, мы дома тут, мы встали,

Мы – серединные, мы были тут всегда.

Малоархангельск, Малый городок,

Жестокий фронт, но мама рядом, близко.

Дай на побывку пустят на часок,

Прильну к груди и снова в зону риска.

Курган в степи, курган в степи. Гробы и доски –
И нам туда, и нам туда в рассвете лет.
А был ведь хуторок тут, Рокоссовский,
Тут люди жили, а теперь их нет.

Я завтра под Сабурово намечен,
А послезавтра лягу под Панской.
Не бойся, мама, я бессмертен, вечен
В кровавой сатанелости людской.

Запомнюсь я, запомнюсь я, как щит и меч.
Наверно, скажут, был солдатик честный.
А я такой, а я такой, - об чем там речь? –
Так и останусь, мама, неизвестный.

Я в плащ-палатке на крылах взлетаю
Под облака, под самую грозу.
Дай до Берлина после смерти прошагаю,
На пузе до Победы проползу.

Малоархангельск – Малый городок.
Мы же свои, святая Русь, святая.
Как что давать, так чуточку-чуток.
Как погибать, так братских тут хватает.

Запомнюсь я, как щит и меч, как щит и меч.
Наверно, скажут, был парнишка честный.
А я такой, а я такой, - об чем там речь? –
Так и останусь, мама, неизвестный.

Один полет, один полет, одна семья.
Наверно, скажут, был солдатик честный.
Ах, мама-мамочка, да что там ты и я?
Да весь наш фронт, Центральный фронт,

Центральный фронт, Центральный фронт,
Останется тут примечательностью местной.

ГОЛОС СВЫШЕ. Под Малоархангельском, в битве на Орловско-Курской дуге, легло тогда больше населения нынешнего Орла. В основном это был народ чувствительный, есенинский, деревенский, мирные жители, хлеборобы вчерашние, пришедшие на войну.

Напеваю про себя. Из авторской песни Леонарда Золотарёва.

Как приеду в городок свой стольненский,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку:
 «Отдохни маленько, пой, не голоси».

Горлинка, горлинка – птица судьбоватая,
 Не вещуй нам, мимо пролети.
 По-за каждым окнушком, над любою хатою,
 Мой цветочек аленький, цвети.
 Мой цветочек аленький, цвети.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в Орле, издавна считавшемся центром дворянской культуры.

Сцена первая

Сергей Есенин и его жена Зинаида Райх выходят из вагона на железнодорожном вокзале.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*потрепав Зинаиду по щёчке*). Ну вот ты и дома.

ЗИНАИДА (*отстранясь*). А ты?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Давно мечтал побывать в Орле. Что за город такой чудной, интересный? Классиков сколько: Тургенев, Лесков, Леонид Андреев... Фет, Тютчев, Апухтин...

ЗИНАИДА (*сдержанно*). Ничего странного. тут они только рождались, начинали свой путь, а классиками становились где-то... в столицах...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*стоя на своем*). Нет, интересный. Смотри, какая высокая культура... Дворянское гнездо...

ЗИНАИДА. Я тебе его покажу. Есть тут такое гнездо – на крутом откосе, над Орликом. В дворянской части Орла.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А вы где живете?

ЗИНАИДА. Мы-то? Мы – плебеи, да еще и евреи, мы в низкой части города, на Посадской, почти на Пушкарной.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А что это – Посадская, Пушкарная?

ЗИНАИДА. Слобода Пушкарная, пушкари – жили тут, артиллеристы. С времен Ивана Грозного.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Какие же вы плебеи? Не может быть, чтобы пушкари жили где-нибудь в захолустье. Пушки у власти должны быть всегда под рукой.

ЗИНАИДА. Мы теперь там, где были дворяне. Высоко. На Дворянском гнезде.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Кто это мы? Райхи?

ЗИНАИДА (*рассмеявшись*). Плебеи! Кто был никем, тот станет всем. Тут располагался Ревком, Военно-революционный комитет – вот кто... Гляди, кто идет! Гляди...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Кто?

ЗИНАИДА. Да вон, среди толпы, вываливает из-за вон тех кирпичных домов. Пешком пришли сюда люди из города.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Недоуменно пожав плечами*). Что ж тут пешком, что ль, до вокзала добираются?

ЗИНАИДА. Пешком. Трамвай уже второй год не ходит. В Швеции был куплен еще царским режимом. Сколько же ему служить массам, пора и на слом.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Город губернский, а трамвай пустить не можем, на это у нас не хватает революционного пылу... Да, гляньте-ка кто – Сергей Городецкий!

ЗИНАИДА. Пришел, Сережа, встречать тебя. Два Сергея, два друга.

Городецкий обнимает Есенина, увлекая его за собой.

ЗИНАИДА РАЙХ. (*Не отпуская Есенина*). Ну, и куда ты его тащишь?

ГОРОДЕЦКИЙ. На пролетку. Вон стоит, видите?

ЗИНАИДА. Одна всего тут. Наверно, проезд нам не по карману.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Кладя руку на плечо Сергею Есенину*). Ничего для такого человека не жалко.

Проезжают на пролетке по мосту.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Трогая за плечо сидящего впереди Городецкого*). Что за река?

ГОРОДЕЦКИЙ. Ока.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ока? А чего она такая узенькая?

ЗИНАИДА РАЙХ. (*Обидчиво*). Какая же она узенькая? Нормальная река. Вспомни рассказ Лескова «Грабеж». Пока человек перешел через речку, сколько событий произошло?

ГОРОДЕЦКИЙ. Это ты, Сережа, широкий такой – русский поэт со своей Оки серединной.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. И улица эта широкая, а вот тут поуже, но дома красиво стоят, один в один. По обе стороны.

ЗИНАИДА РАЙХ. Торговые ряды. Обрати внимание, вполне приличная архитектура. Главный проезд из Москвы на юг – на Курск, Украину... Вот на этой широкой улице мы и живем, вот наш дом.

Возница останавливает пролётку, все втроем разом ступают на орловскую землю. Зинаида уверенно ведет поэтов к своему дому. Останавливается в недоумении: на двери висит тяжёлый замок. Зинаида стоит перед ним в недоумении.

Появляется соседка.

ЗИНАИДА. А где хозяйева?

СОСЕДКА. Ах, это вы, Зинаида Николаевна? Да ваши бабюшка с матушкой уж как три дня уехамши в Армавир.

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА. Как уехамши? Зачем? Я вот мужа привезла... показать им... А они уехамши? Письмо им послала.

СОСЕДКА. Стало быть, письмецо ваше не получили.

ЗИНАИДА (*оглядываясь растерянно по сторонам*). Ну и что будем делать, ребята? С этим амбарным замком?

Пауза.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ (*Сергею Есенину*). Что будем делать, весенний мой братик? Крестьянский самородок, поэт от сохи.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*загораясь*). Что делают в таком разе поэты?

ГОРОДЕЦКИЙ. Ну и что делают поэты, когда соберутся на вечеринку?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Стихи читать будем, пить и есть (*Зинаида*). Пей и поей, моя подружка, на земле живут лишь раз.

ЗИНАИДА (*встыхнув, Сергею Есенину*). Я тебя сюда что - пьянствовать привезла?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*сбычившись*). Ах ты, стерва эссэровская!

Ты меня еще будешь учить? Дебелая тёлка. Глянь на себя, лицо круглая, как тарелка... Ноги, глянь, какие, ходишь, как по палубе корабля... Сама ломай амбарный замок, иди одна в свой амбар...

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Да ты что, Серёжа, спятил? Глянь хоть, красивая женщина, спокойная, движения мягки, в пуховом платке. Прямо как русская баба. Эх ты, серёжка ольховая!

ЗИНАИДА (*Городецкому*). Какой же он весенний. Уже очень даже осенний. Ходит, задрал голову, простых людей не замечает.

ГОРОДЕЦКИЙ. Что вы, что вы, Зинаида Николаевна? Он на много лучше своих стихов.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Насторожась при последних словах Городецкого*). Что ж, по-твоему, я пишу хуже тебя?

ЗИНАИДА. Ишь, какой! Строптив, розовый жеребенок.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Зинаида Николаевна, прости ему, он прекрасный русский поэт.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Бурча, под нос себе*). Плохие стихи не прощаю.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Прощал, прощал мне, когда жил у меня в первое время, как приехал в Москву.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Жена твоя самовар заставляла ставить и в мелочную лавку за нитками посылала.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Так нитки ей были нужны, зачем?

ЗИНАИДА (*насторожась*). Да, зачем?

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. А чтоб бантик, кружавчики к кофточке пришивать, чтобы златоглавому рязанцу понравиться.

ЗИНАИДА (*настойчиво, Сергею Есенину*). Сергей, это так?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Лицемеры, завистники. И ты, Зинаида, как кислая эстетка, злая оса эта... тоже Зинаида... Гиппиус...

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ (*неожиданно рассмеясь, Есенину*). Слушай, Серега! Как это здорово сказал о тебе Мережковский!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. «Какая радость пришла в нашу русскую поэзию». Так, да?

ГОРОДЕЦКИЙ. Нет, это я так сказал.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А что сказал Мережковский?

ГОРОДЕЦКИЙ. А Мережковский тебя так определил: «Алеша Ка-га-мазов». А Горький так: «Город встретил его с восхищением, как обжора встречает клубнику в январе».

ЗИНАИДА РАЙХ. Неправильно. Клубника – летняя ягода, а Есенин – осенний. Златоглавый... (*склонив голову на плечо Сергею Есенину*). Клен ты мой опавший...

Городецкий, радуясь перемене настроения в их компании, пинает ногой амбарный замок на двери. Обнимает сразу обоих – Сергея Есенина и Зинаиду.

ГОРОДЕЦКИЙ (*энергично*). Есть предложение.

ЗИНАИДА (*весело*). Нет возражения.

ГОРОДЕЦКИЙ. Ко мне домой идем. Да, Сережа? Я самовар буду ставить, а ты побежишь в лавку за нитками?

ЗИНАИДА (*на Сергея Есенина*). Вот человек! Переносных смыслов не понимает. За бутылкой побежишь, Серёжа, за наливочкой... Клюев чем тебе угощал, когда на Соловки ездили, на соловецкую свадьбу? Наливкой, да?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Не Клюев, а смотритель Соловецкого маяка. И не наливкой, а водкой. Пряного посола.

ГОРОДЕЦКИЙ. А я буду наливать «спо-ты-кач». Сливянку собственного разливу... И что мы будем делать, Сережа?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Читать и петь. Басни читать и петь церковные хоралы.

ГОРОДЕЦКИЙ. Нет, мы, Сережа, будем у меня вам свадьбу играть. Ещё раз... Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз! А уж потом будем стихи читать и песни петь. Кто «за», кто «против», воздержавшихся нет? Вызываем пролётку...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*подхватывая Зинаиду*). Берем под руки Соловецкую молодку.

ГОРОДЕЦКИЙ. И айда. Вперёд к самовару!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О Русь! Взмахни крылами.

Сцена вторая

Все трое на Дворянском гнезде, на крутом откосе над Орликом.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Крылатый город, высокое место. (*Зинаиде*). Ваша Пушкирная вся внизу, как на ладони. (*Сергею Городецкому*). Красиво-то как! Синяя излучина, зеленые берега. На стихи тянет, в стихию слов. С кем будем состязаться? Мне с тобой – сохе молоту, деревне городу?

ГОРОДЕЦКИЙ. Где мы? Тут, на Дворянском гнезде. Значит, устроим состязание на звание «Принца поэтов» с дворянами.

ЗИНАИДА РАЙХ. (*Обрадовано*). Верно, классовый подход.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Как это с дворянами? Они же как класс ликвидированы начисто. Классиков нет в живых, никого. С кем же будем мы состязаться?

ГОРОДЕЦКИЙ. Бессмертны их произведения, будем читать. Например, Тургенева. Зинаида, ты помнишь «Утро туманное»?

ЗИНАИДА. Конечно.

ОБА СЕРГЕЯ В ОДИН ГОЛОС. Ну так читай!

ЗИНАИДА. Тургенев. «Утро туманное». Музыка Юлии Абазы.

АВТОР. (*Вслух*). Коли музыка есть, так я буду петь Тургенева.
ВСЕ ТРОЕ. Пой.

Автор поет а' капелла великий русский романс.

Утро туманное, утро седое.

Нивы печальные, снегом покрытые,

Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

(1843. Ноябрь)

ЗИНАИДА РАЙХ. Замечательно. Один романс у Тургенева,
но какой!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Городецкому*). С чем ты, Серёжа, возник
бы перед своим земляком?

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Раздумчиво*). «Стрибога» бы прочитал, да
канон какой у нас? Петь надо...

АВТОР. Петь, так петь! Я положил на музыку своей души
такие стихи Городецкого: «Нищая».

ЗИНАИДА РАЙХ. Так пусть Городецкий читает, он – автор.
А споют потом... позже...

ГОРОДЕЦКИЙ. Может, Апухтина споем что-либо? Это же
классик романса. «Ночи безумные, ночи бессонные».

ЗИНАИДА РАЙХ. Нет, лучше «День ли царит...»

ГОРОДЕЦКИЙ. Хорошо. (*Запевая*).

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же, одна, роковая,-
Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,

День был морозный и ветреный.
Плакал ребёнок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старою свиткой укрыт.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, принимай мой пятак!»
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнётся дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куёшь?
Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?..

Городецкий задохнувшись, молчит.

ЕСЕНИН (*обняв друга и глядя вниз туда, на Посадскую*).
Крылатый город. О Русь! Взмахни крылами.

ЗИНАИДА РАЙХ (*смахнув слезу*). Бунин, 1905.

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

ГОРОДЕЦКИЙ (*Есенину*). Серёжа! Ну почитай, почитай что-либо! Почему ты молчишь?

ЗИНАИДА РАЙХ. (*Как будто очнувшись от сна*). Мы забыли про Фета – самого крупного лирика тут, на Орловщине...

ГОРОДЕЦКИЙ. А Тютчев?

ЗИНАИДА РАЙХ (*дерзко, подняв голову ввысь*). Ну так читай, Городецкий!

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Проверено временем, даже эпохой.
Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.
28 ноября 1866.

К.Б.

Я встретил вас - и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,-
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!
26 июля 1870.

Сергей Городецкий заканчивает читать. Только ветер, да солнце, да дыхание города. И тишина. Тургеневский бережок, купы кленов и лип, под которыми переходят во времени души жившие в души живых.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Раздумчиво*). Все меняется, а порой исчезает. Такие важные мы – от сохи, земля и люди, хлебом кормим, когда хлеб съеден, что остается? Слово вечно, когда-то написано, а каково? Уходить буду, жаль оставлять мне только одно на всём белом свете – его, наше Русское Слово.

Сцена третья

Все трое у Стрелки, при впадении Орлика в Оку.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Глядя на Зинаиду*). Низкое было, даже, наверно, когда-то топкое место. Как и Пушкарная, ближе к народу. Даже не верится, что с него начинался Орел. В древности города обычно закладывали на откосах, перед речкой, чтобы с налету не взяли их степняки. Например, Курск, Новосиль, Мценск... да и Московский Кремль на холме...

ГОРОДЕЦКИЙ. Тут тоже так. Видишь, напротив Стелы желтый откос? Тоже подле реки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А почему все же здесь, в низком месте, закладной камень?

ГОРОДЕЦКИЙ. Легенда такая существует. Шли от царя ратники с повеленьем отыскать место, где бы можно было заложить крепость... защищать южную кромку Московской Руси. Пришли сюда, а тут, на слиянии рек, дуб могучий. И с дуба слетела птица. Сочли за добрый знак и основали крепость такую – Орел...

И тут за спиной ударил колокол. В листве мелькнул и золоченый купол, кресты.

ГОРОДЕЦКИЙ. Богоявленская церковь. Добрый знак. Собирается паства на богослужение.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Оживясь*). Самая первая церковь, говоришь? Построена прежде других? И по какому же поводу бьют тут колокола? Какой праздник сегодня?

Городецкий пожимает плечами, Зинаида Райх бормочет что-то невнятное.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ну да, конечно. Этот – язычник, а та – хазарской веры. Откуда вам знать?.. Сейчас спросим у человека...

Сергей подходит к старушке, стоящей поодаль, кланяется ей в пояс, сняв шляпу-цилиндр.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Матушки! Какой нынче праздник, что отмечает люд, народ православный?

СТАРУШКА (*подозрительно глядя на Есенина*). А ты кто такой? Из чьих будешь, сынок?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Мать моя богомолкой половину Руси с клюкой обошла. Рязанский я, из села Константиново.

СТАРУШКА (*оживясь*). Это у вас там Казанская – престол?

ЕСЕНИН (*удивленно*). Да.

СТАРУШКА. Я у вас там бывала. А у нас тут день Апостола и евангелиста Иоанна Богослова. А ты чем в миру занимаешься? Чем насущный себе добываешь?

ЕСЕНИН (*улыбаясь*). Да, как и Иоанн Богослов, – словом. Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и это Слово – Бог.

СТАРУШКА. Ого! Какой ты! Ну, и каких два главных слова в нашей православной церкви, сынок?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Радость и Любовь, Любовь и Радость. Хочешь я тебе такие стихи прочту?

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

СТАРУШКА. (Ахнув). Ух ты, батюшка ты мой! Какое тебе Слово-то Богом дадено! А счастья нет, горькая судьба у тебя. Я сейчас, щас...

И побежала к старушкам, стоящим кучкой у Богоявленской церкви. И сюда долетал её голос.

СТАРУШКА. (*Подбегая к церкви*). Матушки! Видите человека? Его мать богомолкой половину Руси обошла с котомкой. Такие слова говорит, идите послушайте... Как страдает человек от таланта, даденного Богом... Облегчим его участь...

Вскоре вокруг поэтов и Зинаиды образовался круг людей. Все придвинулись к нему и замерли.

СТАРУШКА (*обратясь к Есенину*). Скажи им то, что сказал только что мне.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Дрожащим голосом*).

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ ВОКРУГ. Ну что ты, сынок... живи, живи... в ладу с людьми и Богом... Поговори с нами ещё, почитай...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Ударив себе кулаком по коленке*). Иех, ладно!..

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облакает в плоть...

*Появляется батюшка – священник Богоявленской церкви.
Стоит, слушает Сергея Есенина. Кивает, шепчет старушка:
«Иоанн Богослов... наш человек, страдалец...»*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*продолжая читать*).

...Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, злотающихся во мгле.

Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

ЗИНАИДА РАЙХ. (*Увлекая отсюда Есенина, совершенно расстроенного*). Пойдем, Сережа, пойдем домой!

ЕСЕНИН. У меня нет дома, нет жены, нет у меня ничего.

АВТОР. Ночевать Сергей Есенин пошел к Городецкому. Целую ночь что-то писал, плакал, стучал кулаками о стол. Утром встал, как ни в чём не бывало. Сел с Городецким за самовар. Тут же вскочил, отвернулся к окну.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*напевая про себя а'капелла на мелодию Автора*).

«Письмо к женщине»

Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел - катиться дальше, вниз.

Любимая! Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье...

Сегодня я в ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь я сообщить вам мчусь,
Каков я был и что со мною случилось.

Живите так, как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием, вас помнящий всегда,
Знакомый ваш

Сергей Есенин.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Вслух, в сторону*). И куда же деть его, это письмо, как передать его ей? Передать через Городецкого, по почте послать или просто выбросить? А, может, опубликовать?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сергей Есенин и Сергей Городецкий в Судьбище – в месте Серединной Руси, где произошла битва с кочевниками (1555).

Сцена первая

Два Сергея – два поэта – два друга по дороге в Судьбище.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*Городецкому*). Интересное сочетание цифр – эта дата битвы в Судьбище: 1555 – три пятёрки. Что-то мистическое.

ГОРОДЕЦКОЕ. Если бы три шестёрки, то да, мистика. А три пятёрки – так, простое совпадение. Вряд ли что за этим стоит.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Просто так ничего на бывает. Ещё Пушкин сказал, что «гений – парадоксов друг». А гений – кто?

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Отмахнувшись*). А что – Чёрный человек, по-твоему?

ЕСЕНИН. Есть в Судьбище что-нибудь необычное, какие-нибудь особые меты природы?

ГОРОДЕЦКИЙ. Синий Камень. Огромный валун, весь облит лишайником. Возле него русские воины и встречали кочевников.

ЕСЕНИН. Стоит посмотреть, интересно. Видишь с Востока на Москву наступали татаро-монголы, с Юга – Золотая орда, хан Мамай, а с Запада – кто? Поляки, французы, и все?

ГОРОДЕЦКИЙ. Насчет Запада не волнуйся. Есть кому и с Запада шевелить наши границы. Только что была Германская война, с наследниками Тевтонского ордена... История кипит параллелями...

Как это у Кольцова, что ли?

Все друзья твои врозь порассыпались...

Ты одна, ты одна стой, Русь – матушка...

Не дадут тебе пасть, дети соколы...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Подхватывая*).

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы – ночной и зарубежной,

Я Александров не боюсь.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А это кто? Кто написал, ты знаешь?

Роковая страна, ледяная,

Проклятая железной судьбой –

Мать Россия, о Родина злая,

Кто же так подшутил над тобой?

АВТОР. Андрей Белый – настоящее имя Борис Николаевич
Бугаев.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*не обращая внимания*). Ну, и что там в
Судьбище – у Синего Камня? Что сейчас, интересно, с ним?

АВТОР. Автор один песню про те места сочиняет.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*допытываясь*). Кто автор – ты?

АВТОР. Ну я. Однако это, согласно «машине времени», произойдет в будущем. Мной будет написана песня об этом казачьем крае, о казачке Володеньке. Поеду в поезде туда, на Елец, и по пути слова напишу, а потом на музыку их положу, спою а'капелла...

Приехал в Хомутово и тут же Главе района – казачьему атаману Злобину Алексею Семеновичу - песню ту показал...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Автору*). Ну давай, показывай теперь нам с Городецким.

АВТОР. Потом, у Синего Камня.

Приехали. Увидели Синий Камень этот. Выступил из земли, порос лишайниками и самой историей края, донских казаков, присланных с Дона сюда ещё царем Петром для защиты южной кромки Московского государства.

АВТОР. Вот такая получилась современная казачья песня. Пою её а' капелла

«Судьба – судьбинушка,

Про орловского казачка Володеньку»

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под Синим Камнем в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сней²ом у краешка крутого.

Какие кони мимо хлопца скачут?
Кого еще за стремя долом тащат?
Ушел в Чечню парнишка наш горячий,
А из Чечни домой вернулся спящий.

ПРИПЕВ. Мы в чистом поле волю ищем,
Где, все на кончике клинка.
Судьба – судьбинушка – судьбища,
Лихая доля казака,
Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
В земле орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки –
Все спящие, все племени святого.

Еще царь Петр Лексеич с Тиха Дона
Прислал сюда полки, как для щита.

Храня Москву, Расеи край исконый,
Кзаки не жалели живота.

ПРИПЕВ. Мы в чистом поле волю ищем,
Где, вся на кончике клинки,
Судьба – судьбинушка – судьбища,
Лихая доля казака,
Лихая доля казака.

Под ивой плакучей под молоденькой,
Под Синим Камнем, в сердце Хомутово,
Спи, казачок! Святой ты наш Володенька.
Спи, казачок! У краешка крутого.
Гей, кони, кони – рыжие, гнедые!
Гей, ввысь бунчук, наш грозный атаман!
Эй, запевай! Про ивы молодые,
Про казачка, уснувшего от ран.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,
Где, вся на кончике клинка,
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая слава казака!
Лихая слава казака!
Лихая слава казака!

Сергей Есенин и Городецкий молчат какое-то время, переживая судьбу того казака в иные эпохи и времена.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (Наконец, нарушив молчание). А Дон далеко отсюда?

ГОРОДЕЦКИЙ. Да тут протекает, по этому краю.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ну и есть что-либо про это у Автора?

АВТОР. Есть, конечно. Да что получается – все я да я? А вы что молчите, классики русские?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Мы исторические не пишем. Прочти, прочти, еще что-нибудь в этом роде, не ломайся, как копеечный пряник.

ГОРОДЕЦКИЙ. (Автору). Прочти, казачок.

АВТОР. Может, это вот?

«Красивая меча»

Мамай стремился с поля Куликова,
Погоня настигала, горяча.
И конь засекался насмерть о подкову,
И сорвалась красивая меча.

По спинам, по головушкам, по шеям
И походил же ею грозный хан.
Она служила всем его затеям:
Пролитью крови, покоренью стран.

И ручич конный (пика так и пляшет)
Мечу поднял и поиграл слегка:
«Какой клинок! А будет ещё краше!»
И кинул вдаль, и сделалась река.

И, пожелав с жары охолодиться,
Воды испить нагнулись бунчуки...
С тех самых пор тут ворон не кружится,
Не забегают звери от реки.

И где булат багрянел в Диком поле,
Откуда наседала саранча,
Из наших мест по волюшке – по воле
Течет в моря Красивая Меча.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Прицокнув языком*). Красиво излагает,
стервец! А ну, Городецкий! Давай своего «Стрибога».

ГОРОДЕЦКИЙ. Что – с начала, что ли?

ЕСЕНИН (*иронично*). Давай с середины или с конца.

... - Я парус рыжий шила,
Я в лодке дно смолила,
Я рыбака любила,
Я сеть плела,
Я ветки жгла –
Смола текла.
Я плод несла.

Стрибог, Стрибог,
Суровый бог!
Верчу я рог,
Стучу в порог,
Чтоб ты, Стрибог,
Мутить не мог
Морских дорог.

Сорвал Стрибог кору с дубов,
Свернул трубой –
Трубит на жён, бегут гурьбой
С морских песков в глубокий ров,
За ними свист со всех краев.

Сцена вторая

(продолжение)

За ними вой со всех концов,
Поднятый, бог Стрибог, тобой!
- Хо-хо! Мужей бы надо вам!
Хо-хо! Я вам легко их дам! –
И скачет сам по тем волнам,
Где водный страх припал к челнам.
Назад, туда плыви, прилив!
Несись на них, разлей залив.
И в ров – хо-хо! – с верхов к пескам
Нахлынь, отдай весь ров валам.
Я жен – хо-хо! – отдам мужьям.

И валит, валит волны,
Расплескан кубок полный,
Качает кипень молный
И топит ров прибором.
Бегут тела и челны.
И всплыли жены с воем,
Несет их в море роём,
Хмелен победным зноем,

Стрибог упился боем
И воет: - Успокоим,
На дне любовь сокроем!
Морское дно покоем
И женам будь и воям!

ГОЛОС СВЫШЕ. И третий смолк, а двое просто обалдели от натиска необузданной, перевозданной энергии слов.

ЕСЕНИН. (*Сверкнув глазами, вздыбив пятернёй сноп своих ржаных кудрей, приглаженных конопляных маслом*). Хо-хо! Какие к черту токи, притоки, потоки во все нам эти строки! Вот камень! Синий Камень! Валун! Будь здоров! Его несло куда-то в ров! Хо-хо! (*Городецкому*). Да, Стрибог! Хороши твои упоения боем.

ГОРОДЕЦКИЙ. Несло-то несло у Стрибога весло, но пока что не унесло. Вон лежит камень какой. С незапамятных дней среди битв и огней, среди нынешних наших полей.

АВТОР. Камень этот? Это варяги, это мы их несём на плечах по эпохам и вехам. Никуда не деваются камни – переспелые зерна земли...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*Автору*). Ну-ка, ну-ка, еще что-нибудь выдай. Угомони во мне белую зависть.

АВТОР. К кому?

ЕСЕНИН. (*На Городецкого*). Вот к нему, пока он молодой и дерзкий. Старым станет – хитрым сделается, перестанет писать свободные стихи, про море.

ГОРОДЕЦКИЙ. А ты?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А я вот пишу.

Никогда я не был на Босфоре,
И ты мне не говори о нём.
Все равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём.

ГОРОДЕЦКИЙ. Ну так что же, идём?

ЕСЕНИН. Куда?

АВТОР. К кому?

ГОРОДЕЦКИЙ. К человеку из будущего.

АВТОРА. А-а, знаю к кому – к матери этого казачка, не вернувшегося из Чечни.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. К ней можно?

ГОЛОС СВЫШЕ. Поэтам всё можно ... манипулировать временем... Пишут как чувствуют, чувствуют как говорят, а говорят и пишут, как для Голливуда...

АВТОР. Почему именно для Голливуда? Что это даёт?

ГОЛОС СВЫШЕ. Потому что это для всех, для всего человечества.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О, Русь! Взмахни крылами.

ГОРОДЕЦКИЙ. Вдруг за лесом, на востоке,

Заблестел конец копья,

Заалелся крутобокий

Щит Перунова литья.

Вылит, выкован с отливом,

Ярко вызолочен щит.

В ожиданье молчаливом

Бог Перун за ним стоит.

АВТОР. А за мной тоже есть кому постоять – Невидимый Пан. Вот мои стихи из этого цикла.

«Берёзовый царь»

Я рожден в День Берёзы,

В краю, где царит

На российском престоле берёза.

Я – берёзовый отпрыск,

Во мне говорит

Всемонаршья поэза и проза.

Сок берёзовый каплет

Из мартовских вин,

Я – на лунном коне, на излёте.

Я – задумчивый царь,

Мне любой гражданин

Срубит голову на эшафоте.

Рубят – щепки летят,

Сок звенит с топора,

Брызжет пенная брага монаршья
Серебро к серебру,
От того серебра
Кровь, дичая, вскипает на марше.

Розу утром несу,
Всю росу растрясу,
Все умою, что тут не умыто.
Я – берёзовый царь,
И меня – на фонарь?
А за то, что в лесу я – элита!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Рассмеявшись*). Ну ты, брат, даёшь! Я –
гений Игорь Северянин. Или ещё что-нибудь в этом роде.

АВТОР. Про любовь?

ГОРОДЕЦКИЙ. Давай про любовь.

АВТОР. Оттуда же. «**Моя панна**».

Я – июльское эхо.
Лучом осиян,
Освещен неземной красотой, -
Я – лесной, я – лесной,
Я – берёзовый Пан
За роскошной зеленой листвой.
Где-то Панна моя,
Где на круги своя –
Красота по лесам и дорогам?
Это тайна моя
У лесного ручья,
Это трубная песня из рога.

Я укрою её
От метели любой,
От неверного взгляда любого.
Я пожертвую осенью,
Песней, собой –
От пожара спасу голубого.

Загорится октябрь,
Полетит по лесам.
Она выбежит – ветрена, странна.
Красота, Красота –
Это скрип колеса,
Это эхо, стыдливая Панна.

Мой изысканный стих,
Отчего ты затих?
Что она тебе, златокипяща?
Моя Панна – мой луч,
Это чудо на миг,
Остальное всё – не настояще!

ГОРОДЕЦКОМУ. (*Автору*). Слушай, друг! Это ему, а мне?
Почитай и мне.

АВТОР. О творчестве. «У седого ручья».

Пан не пил много дней.
И, копя в себе жажду,
Вдруг почувствовал зло –
Как кольнуло перо.

И пришёл он к ручью,
И напился в нем дважды.
И опять разлилось
По глубинам Добро.

И тогда посадил он
Березу, отважный,
Протоптал до ручья
Золотую тропу.

Пусть приходят сюда
Все, в ком горечь и жажды.
Пусть с березы всегда
Каплет сок на щеку!

Пусть приходят к ключу
Голубому напиться,
Пусть не копится жажда
В родимом краю.

Пан – языческий бог –
Тут напился однажды.
Ну а я до сих пор всем
Про это пою.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Слушайте, друзья мои! Такие стихи надобно защищать. И про Стрибога, и про Перуна.

ГОРОДЕЦКИЙ. А тебя, Серёжа, а тебя самого?

АВТОР. (*Глядя в будущее*). Его народ защитит, это нежность, орган, созданный для поэзии.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*С горечью*). Защитит... уже после того... уже после того...

АВТОР. (*Вздыхнув, про себя, глядя в будущее*). Знак беды, знак Руси. Так насели,

Что сразили, повесили начисто
Золотого, любимого всеми.
Мы – количество, качества узкого.
Освяти, Боже, этого русского!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О, Русь! Взмахни крылами.

Посинеет камень под нами.
Эшафот. Пьедестал. Человек.

АВТОР. Защитим Серебряный век!

Сцена третья

АВТОР. Определились в хомутовской гостинице, попили чайку, телевизор включили. «Какой тебе телевизор? Забыл в какое время живем?» «Обоих давно уже нет на свете», - шепчет этот голос Автору, а другой ему сопротивляется: - Поэтам, в поэзии можно жить и подольше, если, конечно, стихи хорошие, которые имеют возможность пожить, а иным, как Есенин, дают еще и бессмертие». Но телевидение в Хомутово есть, что правда, то правда. А в телевизоре как раз районная передача идёт, а в

ней один из местных тут авторов с маленькой буквы - директор читает рассказ свой, тоже небольшой по размеру, как раз про Володеньку этого, про казачка хомутовского, не вернувшегося из Чечни, лежащего тут в райцентре среди военных героев, и про мать Володькину, ждущую сыночка и ждущую... Рассказ называется так: «В низенькой светелке». Все втроем сидели и слушали.

Возьмём и опубликуем этот рассказ ещё раз. Пусть люди ещё разок прочитают. Все за директором.

Автор повторил в телевизоре название рассказа и сам стал читать свой рассказ.

«В низенькой светёлке»

Окошко светится в хатенке, а в окошке — бабушка Митревна. Божий одуванчик, в чем только душа. Топчется на солнышке с зари до зари, пока солнышко за ракиту не спрячется. Смотрит бабушка Митревна с краешка деревни Бездонной на дорогу, по какой сыночка - последыша её Володьку, казачка молодого бездонненского, в Чечню на войну увозили. Старшие развеялись по городам и весям, а младшенький туточки в Бездонной с ней проживал, под самым её материнским сердцем...

— Ты чего, Митревна? — проходит мимо Хорунжев Василий Димитрич, тоже из казаков, глава местной администрации. — Чегой-то ты потемнела? Личико-то, как яблочко, гляди, испеклось.

— По сыночку плачу, — качается-раскачивается в окошке бабушка Митревна, в самом деле, личико с кулачок. — По Володьке все плачу-то, по сыночку горюю.

— А чего плакать? — важно этак говорит главный тут на деревне Хорунжев. — На высоком месте твой сын, — в Хомутово! Где, мать, все наши герои.

— Об одном, сыночек, хочу тебя попросить, — утирает глаза бабушка Митревна. — Сюда бы к нам на бездонненское на кладбище-то прах Володькин бы перенесли.

— Нельзя, мать, — сочувствует ей Хорунжев и твердеет голо-
сом. — В районном центре твой сын, на мемориале! На погляд
всего района, для всех лежит, поняла?

— Дойдись туда не дойдёшь, ноги с кажным днем слабнуть,
— перестает бабушка Митревна блестеть глазёнками маленьки-
ми своими, выплуканными своими, вытирая их насухо концом
бесцветного, застиранного головного платка. — Сюда бы, под
бок матери, великая просьба, низкий материнский поклон.

— Не слыхала? В Гималаях, говорят, обнаружен, мать, гено-
фонд всего человечества, — заключает Хорунжев и проходит
далее по своим неотложным делам.

А бабушка Митревна из окошка назад к себе в хату. «Гено-
фонд... человечества... Слова-то какие находит Хорунжев», —
движется она по светелке, не скрипят под ней половицы — лег-
ка больно стала, безвесна и бестелесна, скоро к Богу, туда, где
и все. А под Володькой скрипели. И под девками, под Володь-
киными ухажерками, тоже скрипят. Являются пока что, про-
ведывают. Завмаг Зиночка-Зинаида хлебца свеженького, слава
Богу, приносит. А Галина с фермы молочка ей сюда кой-когда. А
Валюшка, учительница, Валентина Сергеевна, полы мыла с по-
рошком каким-то до желтизны. Вот в светелке и чисто, светло,
боголепно...

«А чего это «генотип» означает? И где это в Гималаях? —
шевелят слова всякие душеньку бабушке Митревне. — Это, на-
верно, где собираются восточные люди на «хадж», — так по
радио говорят. А она, бабушка, как зарыли Володьку, так и ни
разу там, в райцентре — в Гималаях у них, не была. — Как бы
это сходить, проведать Володьку. Недалеко тут, километров за
двадцать, Гималаи-то эти. Молодой была, как челнок, шмыгала
туда-сюда. То яблочек на базар, то корзину вишенок. Детишкам
на одежонку, на книжки. А ныне автобус не ходит уже второй
год, отменили...»

Прошлась по светелке бабушка Митревна, поглядела на фото
Володькино, поправила его на тумбочке, чтобы твёрже держа-
лось. Эх, держава ты, наша держава, держись! На Володькиных-
то костях, на слезах ее материнских... Ущипнула бабка хлебца

Зинкиного, молочка с фермы Галькиного отхлебнула — этого ей теперь на неделю. И назад к окошку, в окошке торчать. Глядеть на дорожку Володькину, куда увезли его и не вернули...

— Бабушка, — говорят, проходя мимо неё, школяры-казачата, — мы все ещё к тебе завтра придем.

— Приходите, приходите, — кланяется в пояс им бабушка Митревна. — Да с утречка пораньше. А не то к закату уж за ноги оттянут, отволокут.

А вместо казачат назавтра приходит опять же Хорунжев.

— Вишь, мать, — достаёт он из кармана коробочку, — чего я тебе схлопотал? — И вешает ей на кофточку это... как бы с бесцветной, застиранной ленточкой...

— И что же это?

— А орден Красной Звезды. В военкомате дали за Володькины подвиги.

И сидит теперь бабушка Митревна в окошке своем в хатёнке, что на краю Бездонной, не просто так, а с орденом на своей бесцветной кофтёнке. Сидит и глядит на дорожку Володькину. И вспоминает всё да никак не вспомнит, не держится в памяти Гималай этот — Мемориал, где лежит-то сыночек, «дорогой мой, поскрёбыш, последенький... с кем бы я доживала... кто бы кружку к постели подал... кто сам бы меня к отцам-матерям на погост проводил... Володька — сыночек мой, сыночек...»

Сидит бабушка Митревна в окошке к дороге ликом своим, изнутри испечённым, совсем что-то стала плохая. Тело с утра гудит, как мешками побитое. Не дойдешь до Гималая-то, до районного центра, по светелке пройтись и то ноги вихляются. Глядит бабушка Митревна на ракиту, аккуратную такую, поглядистую, и ждет над макушкой ее озарения. Первой такой вечерней, аккурат красной звезды. И звезда озаряется зорюшкой призакатной. Этот кончик неба видишь с Володькиным обликом, а звезда алая — в самом сердце её.

— Ещё один день прожит с Володькой, — сухими, бумажными губами шевелит старушка. — И, слава Богу, переволоклась в другой день. Это звезда не дает мне упасть, как и всей нашей Бездонной. Царствие небесное смотрит на нас живым зраком,

каждого надо заметить, ить не каждого Господь забирает к себе туда так высоко.

Проснулись наутро, все втроем они не весёлые. Какое веселье? Не за весельем они перлись сюда, в эту даль. А зачем? На Синий Камень посмотреть, на эхо битвы из далекого прошлого, а тут расстроились из-за казачка. Уж собрались к поезду – обратнo в Орел уезжать, Автор и говорит:

- Да вот ночью я тут накропал кой-что. Может, послушаете? В реализме.

«Бабкина медаль»

В балке деревушка,
Пятеро калек.
В хате мать – старушка
Доживает век.

Яблоня да клуня
С матерью одне.
Сын ее Колюня
Где-то на Чечне.

Треснет ли лесина,
Вздрогнет мать с лица.
Ждет теперь вот сына,
Как ждала отца.

Слепенькие окна
Проглядела все.
От речей оглохла
В средней полосе.

Пересох колодчик,
Вот еще напасть.
Средств на это, впрочем,
Не имеет власть.

Хлебца ждет старушка,
Завезет почтарь.
А зав. почтой Ньюшка
Принесла медаль.

Господи, помилуй!
Божья мать, спаси!
Ходит ветер стылый
По святой Руси.

Ветхая хатенка
Доживает век.
Бабка плачет тонко,
Тоже человек.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Автору*). Отдай в районное телевидение.
Может быть, и его прочитают?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Вот кто Евпатий Коловрат нынешний –
казачок этот, хомутовский Володенька. По-моему, так.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Все втроем опять-таки: Сергей Есенин, Городецкий и я - Автор, - оказываются на Родине Афанасия Афанасьевича Фета – Шеншина, у деревни Козюлькино.

Сцена первая

Все втроем лежат на травке – на берегу не большой, но довольно-таки полноводной речки. Автор чувствует, как кто-то быстрый коснулся его тела и скрылся. Галлюцинации? Телесные, материальные. А ещё бывают зрительные, слуховые. Птичка пискнет где-то близко, а её вовсе не было тут и нет. Вдали пройдет что-то тёмное: Медведица, Чёрный человек... Большая Медведица, Полярная звезда...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*покусывая травинку*). Что за речка?

ГОРОДЕЦКИЙ. Зуша. Впадает чуть ниже в Оку. В пойме её Шестаковский парк, Карандаки, тоже дворянское гнездо.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*раздумчиво*). Вот из таких речек и составляется главная река, в Нижнем, у устья, где Ока даже шире Волги.

ГОРОДЕЦКИЙ. Пройдём по дворам? Сделаем подворный обход.

ЕСЕНИН. Зачем?

ГОРОДЕЦКИЙ. А вот видишь.

Идут по деревне. На околице кучка крестьян. Останавливаются, кланяются им.

ГОРОДЕЦКИЙ. Вот мы с вами из разных времен. Из будущего. Мы с ним (*показывая на Есенина*) из ближнего будущего, а вот он (*показывая на Автора*) из дальнего, ближе к 21-му веку.

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН. Нет, батюшка, мы этого не понимаем. Нам это не надо. Это всё вам, господа, понятно, а мы народ бедный, непросвещенный.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. А престольный праздник у вас какой?

КРЕСТЬЯНЕ. (*Враз загудев*). Кладбище у нас в Подбелевце, носим туда. Козырной там, стало бытъ, Покров, отмечаем Покров.

АВТОР. А помещик кто у вас?

КРЕСТЬЯНИН. Фет.

АВТОР. А кто Фет, знаете?

КРЕСТЬЯНЕ. Помещик.

ГОРОДЕЦКИЙ. Поэт! Стихи пишет, и хорошие, знаете?

Пауза. Молчание затягивается. Крестьяне стоят, переминуются, виновато поглядывают друг на друга.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Наставая*). А Кольцова знаете или Никитина, Некрасова?

Снова молчание.

ГОРОДЕЦКИЙ. Ну вот такие слова.

Эх, родимая мать,

Русь – кормилица!

Не пришлось тебе знать

Неги – роскоши.

Под грозой ты росла
Да под вьюгами,
Буйный ветер тебя
Убаюкивал.

Умывал белый свет
Лицо полное...

АВТОР (*подпевая*). Холод щеки твои
Подрумянивал.

Много видела ты
Нужды смолоду,
И что с злыми людьми
Насмерть билася.

Все друзья твои врозь
Порассыпалися.
Ты одна под грозой
Стой, Русь – матушка!

ЕСЕНИН (*тоже подпевая*). Не дадут тебя пасть
Дети – соколы.
Встань, послушай их клич
Да порадуйся.

ВСЕ КРЕСТЬЯНЕ (*хором*). Пронесётся гроза,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раскинешься – я – я...

КРЕСТЬЯНЕ (*кланяясь в пояс*). Спасибо вам! Энту знаем,
поём. Когда косим и жнём.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*На Сергея Есенина*). А этого человека знаете?

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. Нет, батюшка.

ГОРОДЕЦКИЙ. А вот он ваши песни-то знает. И сам сочиняет. Например,

«Отговорила роща золотая
Берёзовым весёлым языком.

ТРЕТИЙ КРЕСТЬЯНИН, ИЗ МОЛОДЫХ (*подхватывая*).

И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком».

ГОРОДЕЦКИЙ. Вот этот будет знать его (*показывая на Есенина*). Сергей Есенин - в будущем великий русский поэт. Рязанский родом, из села Константиново.

КРЕСТЬЯНЕ. (*Переминаясь с ноги на ногу*). Да где ж нам, батюшка, знать такого человека, да ещё из Рязани.

ГОРОДЕЦКИЙ. Вот деревня ваша Колюлькино называется. А что это такое?

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. Козюля – это змея. По-нашему тут ко – зю – ля. Говорит, коз доит, что ли? Молока, бывает, у коз не хватает. А мы народ бедный, замечаем это и говорим так: это козюля, анчихрист, забирает удой...

ГОРОДЕЦКИЙ. А ваш барин богатый?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН. Шеншин-то? Бедный. До Тургенева ему далеко, у того незнамо сколько душ и земли тоже. По заграницам деньгу проживает. А наш барин из себя выходит, чтобы с ним подравняться... Говорят, опять где-то прикупил землицы, где-то под Курском, Воробьевкой, что ль, называется.

ГОРОДЕЦКИЙ. Грамотный ты, мужик, про Воробьевку, про Курск знаешь.

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН. Дак я у него староста... Я оброк собираю. А с кого и чего тут взимать? Земли кот наплакал. Наш барин в заграницы не ездит... Ну тады прощевайте, люди добрые, господа! Мы пошли, нам работать надоть, оброк Фету платить... (*Задерживаясь*). Да, вот что! Почему это он у нас один, но в двух лицах! То Фет, то Шеншин...

ГОРОДЕЦКИЙ. У самого спросите. Мы тоже пошли. Вот ему (*показывая на Есенина*) ехать надо. Жена у него тут в Орле, а ни слова ему уже две недели. Разбираться надо...

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН. У нас такого не бывает. Коли женился, так всю жизнь лямку тyani, мы такие.

ГОРОДЕЦКИЙ. А где барская усадьба?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН. Да вон-он лесок на бугре, туда хожу к барину. Новоселки называется.

Попрощавшись с народом, все втроем они, – Сергей Есенин, Городецкий и Автор, - направляются в Новосёлки.

АВТОР. Это вот и есть Новосёлки. В будущем если... то праздник поэзии проходить будет тут, в Новосёлках. Поэты, значит, по очереди читают стихи.

ГОРОДЕЦКИЙ. А что с Фетом у нас? Ни слова ни о нём, ни от него.

АВТОР. Фет молчит. В состязание не вступает.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Так давайте мы тут его стихи почитаем. Вспомним, тряхнём стариной.

АВТОР. А я ещё и спою. Хорошо поётся Фет, легко, слова сами ложатся на музыку... Каждый из нас, я думаю, знает что-то из Фета...

Знать, долго скитаться наскуча
Средь ширей полей и морей,
На Родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Помрачнев*). Роковая страна, ледяная...
Читаю Фета.

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся,
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет.
Что не знаю я, что буду
Петь, - но только песня зреет.

АВТОР. Сигнал есть! Мы поняли Фета! Поём. На мою мелодию, а' капелла.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. О Русь! Взмахни крылами.

Сцена вторая

Все трое на большой поляне в Новоселках, где проходят Фетовские праздники поэзии.

АВТОР. Учредил его Вася Катанов. Как областной праздник, а я сделал его Всероссийским.

Итак, пою а' капелла на музыку своей души.

Свеж и душист твой роскошный венок.

Всех в нем цветов благовония слышны.

Кудри твои так обильны и пышны,

Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,

Ясного взора губительна сила, -

Нет, я не верю, чтоб ты не любила:

Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,

Счастью сердце легко отдается:

Мне близ тебя хорошо и поется.

Свеж и душист твой роскошный венок.

ГОРОДЕЦКИЙ (*Есенину*). Что скажешь, Сергей?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Мятлев Иван Петрович.

«Как хороши, как свежи были розы».

А началось все с персидских напевов Хафиза.

ГОРОДЕЦКИЙ (*Автору*). Давай на свою мелодию, но сразу три. Так больше впечатления.

АВТОР. Лира, лирик Фет.
Пою а' капелла.

Тихая, звездная ночь,

Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! В сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь
Ты же светла, как любовь
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь.
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

* * *

Когда я блестящий твой локон целую

И жарко дышу так на милую грудь, -
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не сможешь взглянуть?

Хоть вечер и близок, не бойся порога,
Тебя я в широкий свой плащ заверну –

(ГОРОДЕЦКИЙ. Смотрите-ка, у Блока так:

«Ты в синий плащ печально завернулась»)

Луна не в тумане, а звезд хоть и много,

Но мы заглядимся с тобой на одну.

(ГОРОДЕЦКИЙ. Смотрите, как Фета впитывает Есенин).

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,

И взор мой, и трепет, и лепет пойми, -

И, жарким лобзаньем спаливши сомненье,

Ревнивая дева, меня обойми!

АВТОР. А это у Фета – «Соловьиное эхо».

У меня дача – домик деревенский – поблизости тут, в Синяевском. И там, и тут порой поёт один соловей, перелетая сюда оттуда и отсюда туда.

Я жду... Соловьиное небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!

ГОРОДЕЦКИЙ. В самом деле, как помещик Фет стремился сравниться с теми, с кем он тут во Мценском крае встречался: с Тургеневым, Львов Толстым, но в поэзии Фет был ни с кем не сравним.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Сколько имён, сколько творчества, сколько словесных находок!

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Тут же вроде бы вскользь*). У Тургенева: «Я вас любил, меня вы не любили»... До сих пор Зинаида, как в воду канула. Никаких вестей тебе, Сергей, как будто ты не мужик. А ведь сколько прототипов и прототипиц вокруг!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Обиделась, старое вспомнила.

ГОРОДЕЦКИЙ. Кто старое помянет, тому глаз вон.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Опустив голову*). Да нет, это, в самом деле, обидно. У нас двое: старшая – Катя, блондинка, как я. А вот когда Котик родился – Константин, помню, в Москве дело было, ссорились мы, отдельно жили с Зинаидой, так вот, Котик родился – прилетел я посмотреть. Показала мне. Вижу – черненький! «Не мой сын! – кричу, а про себя шепчу: - Сука сумасбродная».

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Отирая испарину*). Неужели ты так можешь, Сережа?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Резко*). Могу. Всё могу. Но зверьё, как наших братьев меньших, Никогда не бил по голове.

АВТОР. Знаю, знаю, золотой наш! ... «Если душу вылюбить до дна, Станет сердце глыбой золотою...».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Беря себя в руки*). И всё-таки что тут за земля по верхней Оке! Магнетическая! Рождает такие таланты.

АВТОР. С каких-то пор я тоже думал об этом. Даже в стихах выразил. Вот. Моя авторская песня. О Спасском-Лутовиново.

«Ключ камергера»

Ключ камергера, ключ камергера,
Самый хранимый из спасских ключей.
Крепость орловская, новая эра,
Ключ камергера – свой и ничей.

А ведь когда-то сидели мы в «баньке»,
Были желанны Тургеневу, всем.
Что-то случилось... Да перестаньте!
Все уповать на финансовый тлен.

Все пролетит мимо русского гения:
Замки, ворота, монархи и трон.
Только останется ключик к Тургеневу,
Ключ родниковый, малиновый звон.

Утро туманное по лугу стелется,
Утро седое до самых висков.
Да перестаньте же! Даже не верится,
Ключ камергера со скрипом веков.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. (*Автору*). Слушай сюда! Думал все, размышлял, с кем состязаться было тут Фету? А ты с кем – может, с Фетом?

АВТОР. Моя мелодия (*запевая*).

Ave Maria, лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха.
Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.

Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria – лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

Сидят все втроем какое-то время, переживая услышанное.

ГОРОДЕЦКИЙ. (Наконец подает голос, Автору). Я про Фому, а ты про Ерёму. Я тебе про недра земные, что рождают таланты, а ты про мистическое.

АВТОР. Какая разница?

ГОРОДЕЦКИЙ. Нет, разница есть, существует.

АВТОР. Хорошо, покажу тебе на примере. Читаю. Свое, авторское.

«Адамант

(Золотой треугольник)»

Спасское – Лутовиново и Никольское – Вяземское –
Издавна всем известный «комплот»,
Где Лев Толстой и Тургенев не княжески –
Так, по-простому, ходили в народ.

Есть и ещё тут местечечко скромное,
Где Абрикосов и сам Лев Толстой,
Сидя под дубом, вкушали скоромное,
Пили из кружки душистый настой.

Этот поселок не с пенышка толика –
Недра язычества, чувство вины.
Нет у страны без него треугольника,
Как без народа нет и страны.

Мистика берега, тайны магнитные
Слово сюда притянули, талант.
Вот почему в языке мы элитные,
Речь первородна, любой – адамант!

Может, поболее города – стольника
Перлы могуче отсюда видны.

Нет, алмамент, без тебя треугольника!
Без первородного нет и страны!

ГОРОДЕЦКИЙ (*Автору, пожмая плечами*). А что хоть такое этот «алмамент», с чем его хоть едят?

АВТОР. В переводе с греческого – алмаз, бриллиант, а иногда и железо, сталь. «ЛМЗ» - я алмаз.

ГОРОДЕЦКИЙ. Ничего себе, опять Игорь Северянин?

АВТОР. Скорее, Баки. «Ты совершенен, Баки, в тонком искусстве газелей». Теперь спросишь, что такое «газель»? (*Есенину*). Сергей Александрович, скажи ему, кто такой Баки и когда он слал газели?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Пораньше Хафиза. А пораньше их всех – Алкиной из Эллады, раньше даже Октавиана из Древнего Рима.

Сцена третья

Появляется кучка крестьян из Козюлькино. Впереди уже знакомый нам староста.

СТАРОСТА (*в пояс кланяясь Сергею Есенину*). Посланы обчеством, зовут люди вас к себе, как вас по батюшке?

ГОРОДЕЦКИЙ. Сергей Александрович.

СТАРОСТА. Кличет вас к себе народ, Сергей Алексаныч.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Зачем? Стихи почитать? А тебе, мужик, как рекут?

СТАРОСТА. Питирим зовут меня... Само собой, почитать. А еще бумагу одну составить, пустить по начальству. Кулак Воронов землю у нас отымает, а её у нас и без того маловато. Заступись, батюшка.

ГОРОДЕЦКИЙ (*Есенину*). Опять-таки Евпатий Коловрат, златоголовый рязанец! Подымает в тебе снова меч.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Стихи я могу почитать и тут, у Фета, а бумагу написать – где бумага-то, на чём писать? И чем? И куда?.. Беретесь за сквалыжное дело, знаете, разденут ведь догола эти ярыги, чиновралы – чиновники... Ещё с царя Алексея Михалыча так заведено: писали сидельцы крестьянам ещё, наверно, в 15 веке...

СТАРОСТА ПИТИРИМ. Отказываешься, значит, не будешь писать?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Староста ты, башковитый мужик! Целых пять Римов в башке твоей, а мало что соображаешь. Приезжай, Питирим, к нам в рязанское село Константиново, всему тебя обучим. В ЦПШ поступай...

ГОРОДЕЦКИЙ *(недоуменно)*. А что хоть это такое? Центральная партийная школа?

ЕСЕНИН *(рассмеявшись)*. Церковно-приходская школа. Где учат крестьян. А то есть земское училище, у нас в Константиново. А в Спас-Клепиках церковно-учительская школа, я закончил её....

СТАРОСТА ПИТРИМ. *(Вздыхнув)*. Век живи, век учишься, а дураком помрёшь. Нам, крестьянам, работать надо, семью кормить. Кто за нас будет работать?.. Сергей Алексаныч, почитай, ещё что-нибудь из написанного про крестьянство. Чтоб опять же было красиво и про нас было, нашенское.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. *(Глядя вопросительно на друзей своих - Городецкого и Автора)*. Может, это? Ещё раз? Из первой книги моей, из «Радуницы».

«Лисица»

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася кольцом.
Тонкой строчкой кровь отмежевала,
В снег упала, как перед концом.

В глаз глядел в колючем дыме выстрел,
Колыхалася лесная топь.
Из кустов косматый ветер мыслил
Всыпать звон ей, звонистую дробь.

АВТОР *(подпевая на свою мелодию)*.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Жёлтый хвост упал в метель пожаром,
На губах – вчерашняя морковь
Пахло смертью, глиняным угаром,
А в прищур сочилась тихо кровь.

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася в кольцо
Так она одна тут и лежала,
Снился тёплый снег перед концом.

СТАРОСТА ПИТИРИМ. Печальная песня. Как это можно:
лиса ведь, кур таскает, а жалко. Большой вы души человек, Сергей
Алексаыч! Наш человек, нашенский.

АВТОР. С тем и ушли они все втроем от Фета по дороге на
Мценск. По дороге говорили всё больше о Слове, даденном че-
ловеку Богом, о поэзии, о Серебряном веке, о персидской по-
эзии.

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Автору*). Вот ты мой друг, упомянул о пер-
сидском поэте Хафизе. Можешь, оттуда что-нибудь почитать?

АВТОР (*спокойно*). Могу. Персия. 14-й век. Из «Золотой це-
почки Хафиза».

«Хафизу»

Вот чудо сотворил ты, Леонард!
Вот чудо!
Пою, перевожу основы – бард!
А все оттуда.

Ты первый, о Хафиз!
Кладешь прекрасно,
Все признают: и верх, и низ,
А класть – опасно.

Ты первый – кто интеллигент.
О, боже!
Когда понятия даже нет,
Названья тоже.

А я бреду от тех веков
И так считаю:
Вон где я слышу мужиков,
А тут читаю.

Пью, что и ты, мой друг Хафиз!
Один исток.
Есенин – Лорка, ветер – бриз,
Закат – Восток.
Ибо, в веках соединясь,
Вы и спесивы
Халиф на час, о чёрный князь,
Как вы красивы!

И ты, Хафиз! и твой, Шираз!
Змеей обвилу, слово – яд.
Трясу созвездья с чуда глаз,
В сад яблоки летят.

ГОРОДЕЦКИЙ (*Автору*). И что Хафиз? Кто он такой?
Какое чудо это?

АВТОР (*спокойно, словно припоминая*). Хафиз был первым визирем у халифа, то есть как бы премьер-министром. Вся власть в руках, все деньги. А он стал сочинять газели, писать про любовь, воспевать вино и женщин. Хафиз увидел у власти бездны того, что способны видеть умные, знающие люди, понынешнему, интеллигенты. И вот Хафиз оказался на дне жизни, в химерах.

(*Неожиданно*). Хо-хо! Да-да!

«Трактирная песня»

(Из моей «Золотой цепочки Хафиза», из «Звуковой поэзии мира»)

(*Запевая весело и разгульно*).

... Падет ли взор мой гордый
На голову во прахе,

В трактире на дороге
Лежу я, пьян, на плахе.

- Не троньте, - вас прошу я, -
То голова Хафиза.
Богов не поношу я,
Собаками облизан.

Смотрите же: Хафиз лежит!
Не наноси ему обиду,
Восторженный пиит.
Не зная меры,
Он пил и пел химеры.

Все существо его из пыли,
Трактирных ужасов и былей.
Всемилосердый дал тот вид,
А он ведь знает, что творит.

- Прохожий, стань, остановись!
Подумай и про это,
Со снисхождением глядя вниз:
Ведь это тут твой брат лежит.
Бедняга – старец, тень поэта.
А мог, состаряся, и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то.

ГОРОДЕЦКИЙ (*восхищенно*). Здорово! Молодец!

АВТОР (*сдержанно*). Кто?

ГОРОДЕЦКИЙ. Хафиз. Кстати, есть версия, что Шекспир –
это был первый лорд Бэкон.

АВТОР. Бэкон не свалится на дороге в трактир.

ГОРОДЕЦКИЙ. Почему?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Почему, интересно?

АВТОР (*авторитетно*). Потому что Бэкон – философ, а не
поэт.

Опять из Хафиза.

Читая стихи о нем.

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянёт.
Пусть в поход, кто не ходил,
На тебя пойдёт!

Ты не бойся их, Хафиз,
Бог тебя спасет.
Небеса в сиянье роз –
Твёрдый твой оплот.

Он святой водой твою
Жажду утолит.
Солнце дерзкое в раю
С ним не утомит.

Сам все горести твои
Услади, уйми!
Пой, Хафиз, стихи свои,
Крылья распрями!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Восхищенно*). О Русь, о Русь! Взмахни крылами.

АВТОР. (*Искося глядя на Есенина*). Так, может, отсюда – от Хафиза – крылья твои?

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. (*Улыбаясь таинственно*). От Фета – да, вот от кого. Я мечтал побывать тут, на родине Фета! Это Фет раскопал поэта, который перевел Хафиза на немецкий язык. А Фет уж с немецкого перевел Хафиза на русский. А я это понял, сообразил, откуда тут ветер дует... От прекрасной персидской поэзии. И написал свои «Персидские напевы»...

ГОРОДЕЦКИЙ. (*Восхищенно*). Да-да, хо-хо! Всего пятнадцать стихов, но каковы!

АВТОР. Но каковы, каковы! Тринадцать из них легли на музыку моего сердца.

Никогда я не был на Босфоре,
Но ты мне не говори о нём,
Все равно, твои глаза, как море,
Голубым колышутся огнём.

* * *

Я спросил сегодня у менялы
Тише ветра, легче Ванских струй.

* * *

Шаганэ, ты моя Шаганэ!
Потому, что я с Севера, что ли,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (*тряхнув волнистой рожью своих волос*).

Жизнь такова, какова она есть

И больше никакова.

Завтра же едем к устью Оки, завтра же! Хочу слышать первое, самое её первое Слово!

ВМЕСТО ПРОЛОГА

На авансцене Сергей Есенин – русский поэт, златоглавый рязанец. На занавесе фото командира 8-й роты, погибшей тут, у истока Оки, в жестокой битве на Орловско-Курской дуге.

Это Евпатий Коловрат – герой разыгравшейся тут трагедии.

Вечер. Горит костер, шумит родничок. У огонька молодые люди, это Денис Коловрат со своими друзьями. Они прибыли отметить годовщину пика сражения – День, когда тут погибала 8-я рота.

АВТОР. Вот дата на обороте фото карандашом: «14 июля 1943 года». Вот подъехали ветераны, подсели ко всем. В руках Дениса оказалась книжка стихов в простеньком переплёте под русской березкой. «Сергей Есенин. Избранное». И подпись: «От автора». Значит, от Сергея Есенина? А в середине книжки дырища, скорее всего, в ржавой, застарелой крови.

ВETERАН. Денис, эта книжка твоего деда – Евпатия Коловрата. Всю жизнь я хранил ее дома, в семье. Передаю тебе... С

этой книжкой связана страшная трагедия! Не хотелось бы рассказывать... может, не надо?..

ГОЛОСА С РАЗНЫХ СТОРОН. Расскажите, расскажите... теперь можно... за давностью лет...

ВETERАН. До того Евпатий Коловрат был танкистом. В танковой дуэли ствол его пушки аж искривило от непрерывной стрельбы, от канонады. Особисты нашли в его танке запрещенную книжку – эти вот стихи Сергея Есенина. За то и другое и попал Евпатий из танкистов к нам в стрелковую роту – в 8-ю роту, став разведчиком. Накануне начала вражеского наступления... в такую же ночь, как и сейчас, в июле... только в 43-м... нас послали за языком. Чтобы узнать час, именно час ихнего наступления... «Языка» мы тащили с Евпатием... Уже перед самой нейтральной полосой напоролись на мины... Он остался лежать без движения, я потащил фельдфебеля дальше...

А когда мы ринулись в атаку, нашли в немецком блиндаже Евпатия Коловрата. Штык был всажен в Евпатия, прошел сквозь книжку Есенина, сквозь грудь Коловрата, пригвоздил его к стене... Хоронили мы своего боевого товарища под стихи Сергея Есенина. Читали вместо салюта есенинские строки, которые особенно любил Коловрат.

ДЕНИС. (*Тихим голосом*). И какие же?

ВETERАН. Есенинское.

«Собаке Качалова»

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.

И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чем был и не был виноват.

АВТОР. И я сидел, замерев, слушал рассказ участника ми-
нувших боев, ветерана. Вот не думал-то, что таким образом
Сергей Есенин, мой любимый поэт, окажется столь любимым
и тут, в верховье Оки, на которые с детства сам он посматривал
оттуда, с середины Оки, с нескрываемым интересом. Глядел
сюда не только как на Дворянское гнездо, средоточие класси-
ков, но в будущем, подобно Евпатию Коловрату, этого могучего
воина-рязанца, тут стоящего на смерть, тоже отстаивал землю
родную, Оку, этот пояс Богородицы, Русь единую и неделимую.

ДЕНИС КОЛОВРАТ. (*Из нынешних молодых поклонников
Сергея Есенина, к Автору*). А что бы вы хотели прочитать из
Есенина или еще кого-либо? Может, споете?

АВТОР. Я боюсь больших залов, компаний, сцен театров,
особенно петь. Все кажется что у меня, как у Собинова, вдруг
защемит левый мизинец в ноге, сядет вдруг голос, и я не
смогу взять третье «до» в оперной арии. Или слова перепутаю
в арии Ленского «Куда, куда вы удалились...» Вот что, оказыва-
ется, мне подходит в таком случае, как сейчас: из Ивана Савви-
ча Никитина «Русь». Сергей Есенин тоже, небось, читал не без
удовольствия такие строки, а я ещё их и пою:

Это ты, моя Русь! Русь державная!
Моя Родина православная!
Широко ты, Русь, по лицу земли,
В красе царственной развернулася.
Уж и есть за что, Русь могучая!
Поллюбить тебя, назвать матерью,
Встать за честь твою против недруга,
За тебя в нужде сложить голову!

ГОЛОС СВЫШЕ. Без Евпатия Коловрата, вставшего когда-то у ворот старой Рязани, не было бы, наверно, Сергея Есенина. А еще Есенина, пожалуй, не было бы без Никитина, Кольцова, Некрасова («А без Фета?» - шепчет Автору внутренний голос). И без Фета, конечно. А без Сергея Есенина был бы разве этот наш Евпатий Коловрат из 8-й погибающей роты? Был бы поэт Павел Шубин со стихами «Полмига», может, самыми пронзительными о войне.

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить, -
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня...

Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод.
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,

Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
... Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

АВТОР. Под стихотворением значится:
Юго-восточнее Мги,

3 августа 1943 года.

А мне кажется, - это тут, у устья Оки,
пораньше чуть - 14 июля тоже 1943 года.

Когда стояла тут 8-я рота с Есениным вместе.

«Если сердце вылюбить до дна,
Станет сердце глыбой золотою».
Только тегеранская луна
До сих пор чего-нибудь да стоит.

Вот Есенин! К нам сюда явился!
Все перевернул во глубине.
Коловрат Евпатий как приснился
В просиявшей нашей стороне.

Все пою и не могу напеться
На слова рязанского орла.
У меня одно с Сергеем сердце,
На двоих - орлиных два крыла.
В песнопеньях, музыку лелея,
Так вдвоем по ковьям и веем.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А без Автора разве было бы все это,
что мы слышим сегодня, сейчас?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Почему Автор и тогда ещё был, при Сер-
гее Есенине, и сейчас?

ГОЛОС СВЫШЕ. Потому что Авторы вечны, как книги.

Занавес.

10-12 июля 2012 года,
г. Малоархангельск

В МОЕМ НИЗЕНЬКОМ ДОМЕ
(мюзикл, музыкально-лирическая новелла)

Памяти Курляндской Галины Борисовны

Та же лирическая мелодия, где-то слышанная-переслышанная. Поет **Александр Подболотов**. Под женские голоса.

Что взгрустнулося тебе
В это чудное мгновенье?
Все не так, не по себе,
Даже пенье уж не пенье.

То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закружилась?
То ли молодость прошла,
Как подруга изменила?
А-а-х, как подруга изменила?
Господи

Хоть бы застрелиться, что ли?

АВТОР. Сижу за письменным столом, в комнатухе, в низеньком доме моем материнском, в маленьком нашем степном городке Малоархангельске, что как раз между Орлом и Курском, у истока Оки. Сижу, призадумался. Пишу последний, четвёртый том своей эпопеи в стихах «Арсений Чигринев», называется этот том «Москва. Третий Рим».

Всполохи мечутся в мозгах от порывов души. И, само собой, от безмерного творческого напряжения. И от того, что не так давно мать ушла, я ещё не привык без неё. Призраком она еще где-то ходит тут, а призрак её в сердце, в ореоле над моей головой. А тут ещё через дорогу, в доме - окна в окна с нашими соседский мальчик-пятиклассник на «бетонке» погиб, попав под машину на велосипеде. И мать его с бабушкой орут день и ночь уже третьи сутки. Сосед Валера переживает, и у меня сердце лопается от сострадания...

И прошлые два тома романа-эпопеи в стихах написались так же, в свистошляске ума и чувств, по семнадцать суток на каж-

дый. И в тот раз, и в этот – кот Васька наш, бабушкин любимец, сидит у меня на шее, и сам подпитывается от меня, и мне от него хорошо. Мягкий, теплый, пушистый зверек. Очеловеченный. Одним словом, животный мир...

А под утро (галлюцинации, что ли?) Сергей Есенин ко мне сюда заявляется. Ну просто как живой, так явственно с ним разговариваю. Ведь это он позвал меня в поэзию. В четвёртом классе школы попался мне серенький томик с берёзкой есенинской. Заглянул я в него и сгорел от любви, зачарованный музыкой, красками слов...

Вот он стоит перед порогом прямо передо мной и поёт вслух, шевелит сухими устами:

Отговорила роща золотая
Берёзовым весёлым языком...

И, не переступив порога, назад уходит, я за ним туда движусь к двери, но не переступаю порога и продолжаю его, есенинское, начатое им:

И журавли, печально пролетая...
Печально пролетая...
Уж не жалеют больше ни о ком.

И голос мой сам по себе, губы сами шепчут известный напев его, есенинских, слов.

Вернулся я в свой кабинетик окнами в соседский боковой двор, а тут, на столе у меня, фото с этой золотой рощей – набор фотоснимков, подарок директора есенинского музея в Константиново Владимира Исаича Астахова. И очки его – «есенинские» на столе, в которых пишу. И тут на столе, в уголочке портрет Есенина с трубкой, а рядом, в зальчике, ковровая икона Казанской божьей матери, Казанская - «kozyрной» праздник в Константиново...

И опять же Есенин мне откуда-то является уже на пути к истоку Оки:

Ты запой мне ту песню...
А я ему:
... Напевала мне старая мать.

И он как вроде зовёт, зовёт меня туда, за собой. А я остановился тут перед порогом, стою и песней ему отвечаю. Слова его, подсказываемые им самим, на музыку моего сердца вроде сами ложатся. Когда-то возникла есенинская «Песнь о собаке». И вот тот день сюда, в этот день, переносится: 11 июня 2012 г. И слова подсказаны Есениным уже другие, из первой его книги «Радуницы» - это «Лисица». Конечно, строки еще несовершенно, не было тогда такого мастерства у Сергея, как будет потом. И я кое-что поправляю - для песни, чтобы, положив на мелодию, петь. Вот какой она получается эта песнь о лисице.

«Лисица»

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася кольцом.
Тонкой строчкой кровь отмежевала,
В снег уткнулась как перед концом.

В глаз косил колючим дымом выстрел,
Кольхалася лесная топь.
Из кустов косматый ветер мыслил
Всыпать звон ей, звонистую дробь.

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася кольцом.
Так она одна тут и лежала
Снился тёплый снег перед концом.

ГОЛОС АВТОРА. И когда поправлялись мной эти есенинские строки под музыку моего сердца (для музыки нужны стихи особые), я уже знал, что в это время происходит в Орле с Курляндской Галиной Борисовной - большим ученым, деятелем русской классической литературы. Почему речь заходит о ней? В тот раз, помню, положил я на музыку своей души стихи Сергея Есенина – «Песнь о собаке». Именно «песнь», так назвал поэт эти стихи, желая видеть их положенными на музыку, спетыми. Кстати, приемная комиссия частенько предлагает абитуриентам при поступлении в театральные вузы именно эти сти-

хи. Просто, конечно, читают их, а теперь, думаю, может, будет еще и петь. Поэзия с музыкой неразделима.

Помню, попробовал я спеть, показать «Песнь о собаке» Галине Борисовне, а она расчувствовалась, глаза заслезились, но говорит мне твердо поставленным, профессорским голосом: «Не пойте ее больше - никому, никогда».

Тронуло меня, конечно: «Как, почему?». А потом думаю: «Дай-ка покажу еще кому-нибудь, авторитету». И показал Олегу Николаевичу Осмоловскому – бывшему когда-то аспиранту Курляндской, тоже профессору, доктору филнаук. Расчувствовался и он. И наоборот говорит: «Всем всегда показывай, не стесняйся. Пусть слушают, слышат... Эх, ещё раз, ещё раз! Ещё много, много раз!..»

На раздробленной приковыляла,
У норы свернулася кольцом.
Так она одна тут и лежала.
Снился тёплый снег перед концом.

Так и с Галиной Борисовной. Знаю, со вчерашнего дня она впала в кому и лежала так до сегодняшнего утра. «Так она одна там и лежала (в реанимации). Снился тёплый снег перед концом» (позвонили, сегодня в 8-00 она скончалась).

Перекрестились мы все втроем на ковровую икону Казанской божьей матери в нашем низеньком малоархангельском домике (как в есенинском Константиново) и пожелали ей царства небесного, отойти ей на «родные» ей небеса. Знаю я, что, во-первых, она слышит меня, знаю, бывает, что ушедшие иногда сюда в этот мир возвращаются. Клетки, что ли, не сразу все отмирают. Моцарт описал такое состояние в своем «Реквиеме», побывав «там» словно в каком-то узком, сияющем тоннеле, стремясь навстречу солнцу и видя себя, свое тело как бы со стороны. И вот Галина Борисовна (по Вернадскому) отправилась туда же, где сейчас и Есенин (в биосферы земли).

Рассказывали, что сначала уходить страшно бывает, а потом, скорее всего, ничего, привыкают.

«Но ведь она не хотела туда – думалось мне. – Сегодня только 11-е июня, это завтра будет 12-е число 2012 года, а 6 ноября ей

должно исполнить 100 лет, круглая дата... Это божий знак, что она ушла рано, могла бы пожить, хотя бы сутки, до 12-го числа 12-го года. Голова работала хорошо, сила воли огромная, деньги есть, что бы все оплатить. Так в чем же дело? В окружении, в обстановке! Как у того же Есенина? Пришлось отправляться поэту со своего «тверского околотка» вдоль по Питерской туда, в Питер, где когда-то было ему, вероятно, лучше, чем тут, в Москве...

А Гоголю, наоборот, пришлось отправляться на закате жизни в Москву, где и прожил он последние четыре года у призревшего его сердобольного графа Федора Толстого...

И что же Есенин – предчувствовал все это? Вот хотя бы такие стихи, превращенные мною в песни. И пусть второй раз я показываю тут в книжке эти стихи, но ведь это же не совсем стихи, а есенинские слова, укрупненные, углубленные, ставшие пронзительной песней. И та – про «Лисицу», а это вот про этой жуткий есенинский рукав на вербе.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЕВ. Пою а' капелла.
Ещё и ещё раз подходящее к случаю.

Устал я жить в родном краю,
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать под забором.

ГОЛОС МОЙ. Сколько помню себя, нежным колом во мне последние строки в есенинских стихах «Песнь о собаке»:

Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

А теперь вот мои «золотые звезды» «Лисицы» по Галине Борисовне катятся по этим последним строкам моим вроде тоже о ней:

Так она одна тут и лежала.
Снился тёплый снег перед концом.

Какая тонкость! У поэта что лисица – собака лисьей породы, что собака-овчарка - волчьей породы. Есенина не удовлетворили его стихи о Лисице из первого сборника «Радуница». И тогда он взял и написал после эту свою «Песню о собаке», подчеркнув ее особый, песенный склад. Словно приглашая, чтобы её когда-нибудь положили на музыку, чтобы пели ее. Я и спел её всем своим сердцем. А потом обернулся назад и, поправив маленько строчки для музыки это прежде его, из раннего, спел еще и «Лисицу». Очень подходит к нынешней ситуации, к дню на переломе 11-12 июня 2012 года.

АВТОР. Ну, и что там было до того тут, в Малоархангельске, в моем низеньком доме? И что будет после с Есениным и с такими, как мы? А все то же, что было и будет. Никогда не дадут человеку достойно уйти, спокойно, с божьего благоволения.

Соборовать - это ладно, это хорошо, что успели, а золотые звезды по ней катятся, катятся с неба, от Бога, не столько на тёплый снег, сколько на зелёные травы едва отшумевшей Троицы, от нее туда до золотой есенинских осени.

МОЙ ГОЛОС. «Песни, песни, о чем вы кричите?»

«Лейся, песня, пуще,
Лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет
То, что было раньше!»

АВТОР. Сергей Есенин создал цикл стихов «Персидские мотивы». А раз мотивы, то я их, эти стихи, и пою, положив на мелодии. Из пятнадцати есенинских стихотворений в этом цикле, хорошо легли на музыку тринадцать. Вот я их и пою а' капелла. Это я как бы читаю музыкально, вызвеневшее из есенинской души и упавшее на мои музыкальные дивертисменты. Вот это есенинское я и претворяю тут, в своем низеньком доме

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ (пою а' капелла).

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.

МОЙ ГОЛОС. И, когда я пою эти слова Есенина о Босфоре, брызги летят в меня с Черного моря от Босфора до Дарданелл. «Чайки» казачьи несутся по Геллеспонту откуда-то с северного Причерноморья, а в «чайке» прадеды наши – предок Чайковского, фамилия такая, со своим прекрасным романсом «Мой костер» (Песня цыганки). И «великая псковитянка» - государыня – Княгиня Ольга Ярославна видится там, на Босфоре; принимая там христианство, она поворачивает нашу Русь на путь цивилизации...

И тут же возникает моя песня из музыкального ключа к «Белой Скифии» «**В роще Платона**», посвящённая Г.Б. Курляндской.

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
В тихой роще, мысль плодоносящей,
Всё ведёт Платон учеников.

Всё идут они, те корифеи
Мимо соблазнительных олив.
Но одно местечко тут для феи -
Женщине любимой - припасли.

Вот как! а уж Рощею Плагона,
Тихой Академией его,
К Истине та скифская Мадонна

Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

* * *

АВТОР. Вот так и живу тут, в своем Малом городе, вместе с воспоминаниями, с прошлым и настоящим.. И связывают нас слова, музыка, не только общая наша русская речь, но и общая наша Серединная Русь, Ока-река от близких тут к нам малоархангельских верховий до Оки широкой там, константиновской, есенинско-константиновской.

И снова баян, голос баяна. И тут для нас, у истока Оки, и там по Руси, в Константиново, звучат есенинские, византийские, праславянские песни в исполнении не только меня, но, скажем, еще и того же Александра Новикова. Так и вижу его на сцене у высокого откоса в его белом костюме.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Вспоминают свои неудачи,
Поминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Беспокойно смердит всё мертвячиной
Над пропащею этой гутьбой.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Как мне жалко дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь стгоряча.

Ты, Рассея моя, Рассея,
Бесшабашность тебе дана.
Ты, Рассея моя, Рассея,
Азиатская сторона!

АВТОР. И так жив Есенин сейчас для нас, для всех поколений. В душе у каждого, в мыслях у каждого. Несём в себе, как хоругви. Нет без Есенина русского слова. Нет и народа.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.

О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН – ЛЕОНАРД ЗОЛЮТАРЕВ. Пою а` капелла.
МОЙ ГОЛОС. Из есенинского в отрывках.

Несказанное, синее, нежное.

Тих мой край после бурь, после гроз.

МОЙ ГОЛОС. А вчера был тут у нас ураган, был ливень. А все солнечная активность. Прежде чем сегодня уйти Галине Борисовне,

Я утих. Годы сделали дело.

Но того, что прошло, не кляню.

Словно тройки коней оголтелая

Прокатилась во всю страну.

МОЙ ГОЛОС. Это Сергей Есенин, Курляндская и другие ушли. А отдельные вслед

Напылили кругом, накопили
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в моей обители
Даже слышно, как падает лист.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Но ведь дуб молодой, не разжёлудься,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

АВТОР. «Золотая сорвиголова!» Эта строчка напомнила недавний фильм о Сергее Есенине «Золотая голова на плахе». И такое странное стечение фактов и обстоятельств. Дача – домик крестьянский – есть у меня за Мценском, на речке Алёшне. В фетовских, толстовских местах. И вот там тогда появился известный артист Василий Лановой. Помню, писал я тогда первую часть своего романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев» и показывал кое-когда другу своему – Олегу Осмоловскому. Так вот, дело было в 1991 году, 19 августа. Как раз в Москве случилось что-то непонятное, страшное, к власти рвался ГКЧП. И мы с Владимиром Николаевичем Тихомировым – тоже моим другом и тоже доктором филнаук, тоже бывшим аспирантом Галины Борисовны – пришли к Лановому на другой край поселка.

А Василий Лановой как раз сидел на бревне и ошкуривал его. Вот с таких строчек и начал я тогда тот свой – первый роман в стихах.

Так вот, сидел Арсений на бревне
И стружку гнал на диво всей родне.
То стружку там, то стружку тут –

Пусть знают, помнят, сознают,
Что там мы, выходцы в столице,
Не просто спицы в колеснице.

И, когда роман этот я дописал и подарил через Купченко Лановому как протитипу, Василий, видимо, воспринял это своеобразно. Во всяком случае через какое-то время вышел этот фильм «Золотая голова на плахе» - про Сергея Есенина, где Лановой сыграл роль Дзержинского.

И вот стоит Дзержинский над Есениным и говорит ему, сочувствуя:

- Что же ты какой-то незащищенный?

Вроде как про меня, думаю. Это одно, а главное, что в фильме этом я воспринял как подарок себе от Василия Ланового этот романс. Удачный романс, проходит через фильм, на слова Сергея Есенина, точно схватывает судьбу поэта, всех талантов на земле Русской. Взял и спел я под магнитофон - «япошу» тот романс с Николаем Басковым, он как раз исполнял этот романс в кинофильме. Не простой романс по мелодии, высока тесситура, но замечательный по настроению, тонкий и мелодичный. Спасибо, думаю, Василию Лановому. Спасибо всем, кто припомнился мне сегодня и вошел сюда, в эту музыкально-лирическую новеллу: Сергею Александровичу Есенину, Галине Борисовне Курляндской, Олегу Николаевичу Осмоловскому, Владимиру Николаевичу Тихомирову – всем: поэтам и ученым, живым и мертвым, друзьям моим Нюре и Ивану Тихоновым – крестьянам из поселка Синяевский, которые тут, конечно, подразумеваются, а также читателям моим, слушателям, детям, взрослым жителям Малоархангельска. которые тут сейчас меня окружают...

Спасибо вам, дорогие, в этот нелегкий для меня переход из дня 11-го в день 12-й 2012 г. Нелегкий для меня день, в который даже не верится, ушел из жизни этот, казалось бы, бессмертный, вечный, ценный для литературы, для всех нас человек. И Сергей Есенин поддерживает дух мне этим своим романсом из «Золотой головы на плахе», который я пою вместе с Николаем Басковым.

Моё любимое, есенинское. Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз!

«Капли жемчужные»

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других.
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

* * *

И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

11-12 июня 2012 г.,
г. Малоархангельск – г. Орел

Сергей Есенин

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными - кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Сергей Есенин - Леонард Золотарёв

Сестре Шуре

Песня

Пою а'капелла

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь -
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой. Ведь моя отрада -
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко -
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит над родимым окном.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навеки утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность тебе дана.
Ты, Рассея моя, Рассея,
Азиатская сторона!

МОСКОВСКАЯ РУСЬ **(драмы, мюзиклы)**

Содержание

«Зато мы увидели Пушкина» (драма)	4
На Гоголевском бульваре (либретто к опере)	48
Есенинские колодцы. Стихи	94
Свадьба на Соловках (драма)	95
Золотая сорвиголова (мюзикл)	153
Евпатий Коловрат (лирико-героическая драма)	182
В моем низеньком доме (мюзикл, музыкально-лирическая новелла)	236
Сергей Есенин. Стихи	248

Золотарёв Леонард Михайлович

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

Корректурa автора

Издатель: Александр Воробьёв

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано к печати 01.10.2012.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,65.

Тираж 100 экз. Заказ № 1008.

Отпечатано на полиграфической базе
издателя Александра Воробьева: г. Орел, пер. Новосильский, 1

Тел. (4862) 76-17-15, 54-15-48

E-mail: zakaz@orlik-id.ru

www.orlik-id.ru

Василий Поленов. «Московский дворик»